

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ
ИНСТИТУТОВ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ**

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 340(470)(082)

ББК 67.3(2)я43

О-952

Рецензент — С. В. Кодан, д.ю.н., профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического института

**Очерки истории политических и правовых институтов
О-952 тюркских народов** : сборник научных статей / под ред.
д.ю.н., проф. А. А. Васильева ; Министерство науки и выс-
шего образования РФ, Алтайский государственный универ-
ситет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. — 190 с.

ISBN 978-5-7904-2689-6.

Сборник научных статей подготовлен учеными на основе мно-
голетнего изучения политических и правовых институтов тюрк-
ских народов для сбережения уникальных правовых культур и раз-
работки программы дальнейшего международного сотрудничества.
Предлагаемый труд подчеркивает важность сбережения культурной
идентичности народов, многообразия мира и диалога культур.

УДК 340(470)(082)

ББК 67.3(2)я43

*Сборник статей подготовлен в рамках госзадания Алтайского
государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая:
единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002).*

ISBN 978-5-7904-2689-6

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артыкбаев Ж. О. — доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан) ... (§ 2.3).

Аюпова З. К. — доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного исследовательского университета (§ 2.1 в соавторстве).

Васильев А. А. — доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (§ 3.2).

Васев И. Н. — кандидат юридических наук, доцент Алтайского государственного университета (§ 2.2).

Зеленин Ю. А. — кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (§ 3.2 в соавторстве).

Ибрагимов Ж. И. — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (§ 3.2 в соавторстве).

Куликов Е. А. — кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (§ 3.4).

Кусаинов Д. У. — доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета (§ 2.1 в соавторстве).

Насыров Р. В. — кандидат юридических наук, доцент Алтайского государственного университета (§ 3.1).

Печатнова Ю. В. — аспирант Алтайского государственного университета (§ 3.2 в соавторстве).

Почкаев Р. Ю. — доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург) (§ 1.1 и § 1.2).

Сорокин В. В. — доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (§ 3.3).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кардинальные социальные, политические и экономические изменения, происходящие в современном мире, способствуют расширению взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов, культур. Перемены охватывают практически все формы общественной жизни и получают в политико-правовом знании неоднозначные и нередко противоречивые оценки. Следует учитывать, что не существует идеальной модели построения правовой и политической системы государства, которую можно было бы рецепировать или навязать принудительным образом. Каждое государство имеет свой неповторимый опыт построения наиболее оптимальной для себя правовой и политической системы со своими достижениями и ошибками. Большую роль в процессе формирования правовых и политических систем стран тюрко-монгольского мира (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан и Монголия) играют их традиционные политические и правовые институты. Как отмечает профессор А.Х. Саидов, «это предопределяется системой ценностей и целевой ориентацией, национальными традициями и историческими условиями, социально-экономической и политической средой, сложившимся укладом жизни и мировоззрением людей, включая религиозные верования, психологию и нормы поведения»¹. Целью данного исследования является проанализировать имеющиеся научные позиции и оценить степень сохранения и преемственности данных институтов стран тюрко-монгольского мира в современных условиях.

¹ Саидов А.Х. Религиозная толерантность и светское государство в Узбекистане. Ташкент: Национальный центр Республики Узбекистан по права человека, 2002. С. 39

Изучение степени сохранения культурных, в том числе политико-правовых предполагает выбор адекватной методологии.

В ходе исследования использовались апробированные научные принципы, методы и подходы:

- принцип учета плюрализма политико-правовых культур, позволяющий рассматривать традиционные политико-правовые культуры как самодостаточные и автохтонные;
- принцип историзма, способствующий выяснению генезиса, этапов развития традиционных политико-правовых культур;
- традиционализм как исследовательская установка, предполагающая поиск в существующих политико-правовых институтах и концептах элементов и архетипических образов традиционного общества.

Методы и подходы исследования;

- культурно-цивилизационный подход, который позволяет вскрыть источники, корни и пласты национальной духовной культуры, сущность традиционных политико-правовых систем в контексте национальной культуры;
- исторический метод, который дает возможность рассмотреть становление и эволюцию традиционных государственно-правовых систем;
- герменевтический метод, направленный на актуализацию политико-правовых национальных ценностей и идей в контексте современной эпохи модернизации и глобализации;
- сравнительный метод, позволяющий сопоставить традиционные ценности различных государств и наций тюрко-монгольского мира друг с другом, а также провести соотношение ценности традиционных государства и государства эпохи модерна;
- формально-юридический метод, направленный на анализ нормативных актов государств тюрко-монгольского мира с целью выявления в них преемственности и сохранения традиционных ценностей.

Авторы сборника статей приходят к выводу о том, что декларируемые в конституциях и других официальных документах западноевропейские политические ценности до сих пор не смогли стать основополагающими принципами формирования и функционирования политико-правовых институтов государств Центральной Азии и даже Монголии. Отмечаемый рост национального самосознания тюрко-монгольских народов, интенсивность проводимых исследований и популяризация правовой культуры тюрко-монгольского мира проявляется как защитная реакция на ярко выраженную стандартизацию политико-правовой жизни. Поэтому усиление объективных интеграционных тенденций в мире сопровождается параллельным, не менее устойчивым процессом противодействия проявлениям глобализации в форме обособления этнических и культурных общностей в разных регионах и странах.

На всем пространстве Евразии Россия продолжает выступать гарантом культурной идентичности самобытных народов. Предлагаемый вниманию читателей сборник статей подчеркивает важность многообразия мира и диалога культур.

Васильев А. А. доктор юридических наук,
профессор Алтайского государственного университета

Глава 1

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

В течение длительного времени вопросы истории государства и права Золотой Орды не относились к числу широко освещенных в историографии: имея в своем распоряжении весьма ограниченный круг источников, исследователи достаточно кратко характеризовали особенности государственного устройства государства Джучидов, не говоря о его правовой системе. Соответственно, в XIX–XX вв. лишь отдельные авторы посвящали свои труды непосредственно проблемам государства и права Золотой Орды, остальные же ограничивались косвенным обращением к этим вопросам в рамках общих трудов по истории этого государства или же русско-ордынских отношений.

Ситуация существенно изменилась в начале XXI века. Во-первых, в этот период в научный оборот стали вводиться многочисленные источники — от летописей и хроник до официальных документов — содержащие новую и весьма ценную информацию по вопросам власти, управления и права в Улусе Джучи. Во-вторых, при изучении этих вопросов стал применяться междисциплинарный подход на стыке общей (политической) и социально-экономической истории, источниковедения, дипломатики, истории государства и права. В результате в 2000–2010-х гг. стали в большом количестве появляться работы о государстве и праве Золотой Орды, посвященные как их общей характеристике, так и отдельным сферам государственных и правовых отношений, видам источников права и кон-

кретным правовым актам и т.д., включая монографические и диссертационные исследования².

В результате сегодняшний уровень разработанности данной тематики позволяет дать достаточно подробную характеристику системы государственного устройства, власти и управления в Золотой Орде, ее источников права и, в ряде случаев, особенностей правового регулирования различных сфер правоотношений. При этом исследователи не без оснований обращают внимание как на продолжение в золотоордынской государственной и правовой системе монгольских имперских традиций, так и на те специфические черты, какими обладали государство и право Улуса Джучи в силу особенностей его географического положения, состава населения, международных контактов и т.д. Кроме того, привлечение вновь введенных в оборот источников в большей степени позволяет проследить также и эволюцию различных государственных и правовых институтов на разных этапах истории Золотой Орды, отразить динамику их развития.

² См., напр.: Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004; Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002; Жумаганбетов Т. С. Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XIV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы: Жеті Жарғы, 2020; Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015; Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009; Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.

§ 1.1. Государственная власть и управление в Улусе Джучи

Ханская власть

На начальном этапе истории (1207–1269) Улус Джучи можно охарактеризовать как неотъемлемую часть Монгольской империи, хотя и обладающую довольно широкой внутренней автономией. Следовательно, ее правители не обладали (и не могли с юридической точки зрения обладать) ханским титулом, принадлежавшим исключительно самостоятельным верховным правителям — таковыми в рассматриваемый период являлись только монархи Монгольской империи. Соответственно, упоминания с ханским титулом первых правителей Улуса Джучи — самого Джучи (1207–1227), старшего сына Чингис-хана, Бату (1227–1256), Берке (1257–1266) встречаются лишь в источниках, появившихся после их смерти, и их ханские титулы следует признать «посмертными»³.

Статус правителей Золотой Орды изменяется во второй половине 1260-х гг. и связан с приходом власти Менгу-Тимура, внука Бату (1266–1280), который первым из Джучидов официально принял. Изменение статуса золотоордынского правителя стало результатом курултая, на котором правители трех улусов Монгольской империи — Джучи, Чагатай и Угедэя — обвинили монгольского хана Хубилая (внука Чингис-хана, сына его четвертого сына Тулуя) в том, что он перенес свою ставку в Китай, ввел при дворе китайские обычаи и в силу этого утратил легитимность как правитель Монгольской империи. В качестве альтернативы Хубилаю на курултае монгольским ханом был избран Хайду (правнук Чингис-хана и внук его преемника Угедэя), ревнитель монгольских обычаев, который был вынужден в качестве политического компромисса признать фак-

³ См. подробнее: Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 28–31; Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2018.

тическую самостоятельность поддержавших его правителей улусов Чагатай и Угедэя⁴.

Персидский историк Рашид ад-Дин (ум. 1318) сообщает, что этот курултай состоялся в долине реки Талас (на юге современного Казахстана) в 1269 г.⁵ Однако Шихаб ад-Дин Абдалах ибн Фазлаллах, младший современник и, до некоторой степени, продолжатель Рашид ад-Дина, более известный как Вассаф-Хазрет, указывает другое место и время проведения этого курултая — а именно Катванскую равнину (к югу от Самарканда) и 1267 г.⁶ Несмотря на то, что версия Рашид ад-Дина с большим доверием воспринимается в историографии, нельзя не обратить внимания на то, что первые признаки принятия Менгу-Тимуром ханской власти относятся именно к 1267 г. — как раз в этом году появляются первые золотоордынские монеты с его именем⁷ и выдается первый жалованный ярлык русской православной церкви⁸.

Как бы то ни было, с конца 1260-х гг. золотоордынские правители становятся ханами, лишь номинально признававшими верховенство правителей Монголии — сначала в лице Хайду, а с начала XIV в. — в лице потомков Хубилая, одновременно являвшихся и императорами династии Юань в Китае. Эта ситуация сохраняется, по-видимому, до середины XIV в., когда практически одновре-

⁴ Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997. P. 27–28.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 70–71.

⁶ См.: Biran M. The battle of Herat 1270: A case of inter-Mongol warfare // Warfare in Inner Asian History 500–1800 / Ed. by N. Di Cosmo. Leiden; Boston: Brill, 2002. P. 183; May T. Race to the throne: thoughts on Ariq-Boke's and Khubilai's claims to the Mongol throne // Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblata / Ed. G. Bilavsch, D. Aparaschivei. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 352.

⁷ См., напр.: Мухамадиева А. Г. Древниемонеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. С. 108–110.

⁸ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 7 и след. Ср.: Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // Российский исторический журнал. 2007. № 2. С. 11–18.

менно во всех улусах Монгольской империи наступает кризис, и сохранение даже номинального единства державы Чингизидов теряет смысл⁹.

Ханская власть в Золотой Орде базировалась на тех же принципах, что и в Монгольской империи. Ханом мог стать только потомок Чингис-хана по прямой мужской линии в результате избрания на курултае. Других общих требований для будущего хана не было — основаниями для выдвижения кандидатов на трон могли стать воля предыдущего правителя (завещание), старшинство или выдающиеся личные качества претендента и т.д.¹⁰. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что, в отличие от других улусов Чингизидов, в Золотой Орде ни разу не было предпринято попытки выдвижения на трон представителя другой ветви потомков Чингис-хана в ущерб Джучидам¹¹. Полулегендарный характер носит и сообщение о попытке захвата власти неким Тук-Бугой, вообще не принадлежавшим к ханскому роду, содержащееся в «Кара таварих», сочинении XVI в., составленном хорезмским историком Утемишем-хаджи на основе степных преданий¹².

Неопределенность требования по поводу преемства верховной власти в Золотой Орде (как, собственно, и в других улусах Монгольской империи) приводила к тому, что после смерти каждого хана фактическую власть в государстве приобретали могущественные родоплеменные кланы монгольского или тюркского происхожде-

⁹ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды. С. 11–14.

¹⁰ Различные дополнительные основания претензий подробно анализирует Т.И. Султанов, см.: Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017. С. 87–102.

¹¹ Для сравнения: в Монголии (улусе Тулуя), Мавераннахре (улусе Чагатай) и государстве Хулагуидов (также потомков Тулуя) на трон вступали не только представители «собственных» династий, но и других ветвей рода Чингис-хана — в частности, Угедэиды и даже отдельные потомки братьев Чингис-хана.

¹² Утемиш-хаджи. Кара таварих / Пер. И. М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 41–43. Мы уже высказывали предположение, что под именем Тук-буги мог фигурировать реальный представитель рода Джучидов — Тукель-Буга, сын хана Токты и, следовательно, легитимный претендент на трон, см.: Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. С. 203, прим. 41.

ния, выдвигавшие того или иного претендента на престол. И уже от личных качеств нового монарха зависело, становился ли он эффективным правителем или продолжал оставаться марионеткой поддерживавшей его аристократии.

Формально хан Золотой Орды являлся самостоятельным монархом, имевшим широкие полномочия в законодательной, исполнительной и судебной сфере и представлявшим свое государство на международной арене. Однако его власть никоим образом не могла быть охарактеризована как абсолютная. Во-первых, будучи избранным на курултае, он мог быть также и смещен в результате решения курултая. Вероятно, именно таким образом произошло смещение хана Туда-Менгу (1280–1287), которого в официальном порядке признали «умалишенным»¹³. Во-вторых, в реализации своих властных функций он был связан нормами и принципами монгольского имперского и собственно золотоордынского права — от Великой Ясы Чингис-хана до ярлыков, изданных его предшественниками, и даже своих собственных. Наконец, в-третьих, как уже было сказано, он должен был считаться с мнением могущественных родоплеменных предводителей — представителей кочевой аристократии, в распоряжении которых были практически все войска Золотой Орды, а также ключевые посты в государстве (о чем речь пойдет ниже).

Очередное изменение в статусе хана Золотой Орды имело место в правление хана Узбека (1313–1341), который официально провозгласил ислам государственной религией в Улусе Джучи, а сам принял также титул султана¹⁴. Согласно мусульманской политической традиции принятие этого титула означало, по крайней мере, номинальное признание высшей духовной власти халифа, каковыми в это время являлись представители династии Аббасидов, обос-

¹³ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 83.

¹⁴ Аналогичные шаги предпринимали и правители других улусов Монгольской империи — например, чагатайский хан Борак в 1267 г. и персидский ильхан Газан в 1295 г.

новавшиеся с 1261 г. в Каире. Однако, несмотря на тесные контакты с Египтом и его правителями (мамлюкскими султанами), у нас нет сведений, что Узбек или его преемники когда-либо признавали, пусть даже и формально, верховенство каирских халифов и получали от них султанскую инвеституру. Чингизидское происхождение делало их в собственных глазах и, тем более, в глазах подданных достаточно легитимными правителями и без признания со стороны духовного главы мусульманского мира. В связи с этим любопытно отметить, что даже в гораздо более поздние времена далекие потомки монархов Золотой Орды — в частности, крымские ханы XVII в. продолжали в своих ярлыках наряду с волей Аллаха ссылаться на волю Неба, которое некогда даровало верховную власть их предку Чингис-хану и позволило его потомкам сохранить монополию на ханский титул¹⁵.

Отсутствие четких правил престолонаследия в сочетании с постоянно увеличивавшимся числом членов рода Джучидов, каждый из которых номинально имел право претендовать на ханский трон, привело к кризису золотоордынской государственности и многолетней гражданской войне, которая получила от русских летописцев название «Замятня великая» (1359–1380). В этот период в еще большей степени, чем ранее, проявилась зависимость ханов от родоплеменной знати, причем разные кланы поддерживали различных претендентов на престол, что в отдельные годы приводило к одновременному признанию от двух до пяти ханов в разных частях Улуса Джучи. Однако нельзя не подчеркнуть, что в этот драматический период каждый претендент на трон продолжал позиционировать себя как правитель единой Орды, что, в конечном счете, и позволило хану Токтамышу (1379–1395) одержать верх над своими противниками и вновь стабилизировать ситуацию в Улусе Джучи.

Однако победа в гражданской войне привела этого монарха к мысли о том, что он может оказаться способен возродить и преж-

¹⁵ См.: Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003. С. 87, 115, 123, 142.

нюю Монгольскую империю, перенеся ее центр из Китая, где к этому времени уже пала династия Юань, в свои владения с центром на Урале или в Поволжье. В рамках этой политики он вступил в борьбу со своим прежним покровителем — среднеазиатским полководцем и фактическим правителем Чагатайского улуса Амиром Тимуром (Тамерланом), также вынашивавшим идею восстановления имперской государственности, но, естественно, под своим верховенством. В результате двух походов Тимура на Золотую Орду в 1390–1391 и 1395–1396 гг. была фактически уничтожена экономическая инфраструктура Улуса Джучи, его оседлые регионы пришли в упадок, а сам Токтамыш лишился ханской власти, борьбу за возвращение которой, впрочем, он не прекращал до своей гибели в 1406 г.

Главным последствием этих событий стало новое появление на пространстве Улуса Джучи сразу нескольких соискателей ханского трона. Однако, в отличие от событий «Замятни великой», претенденты 1390–1440-х гг. уже не ставили себе целью возглавить всю Золотую Орду: их вполне устраивала власть над тем или иным ее регионом, в котором наибольшим влиянием пользовались поддерживавшие их аристократические кланы. Результат такой трансформации ханских устремлений оказался вполне закономерен: в 1430–1440-е гг. Улус Джучи распался на ряд независимых «региональных» государств. Таковыми стали Казанское, Крымское, Астраханское, Тюменское (Сибирское), Касимовское, Казахское ханства, каждое из которых, впрочем, сохраняло некоторые элементы прежней монгольской имперской государственности: монополию Чингизидов (Джучидов) на ханскую власть, право ханов издавать ярлыки и вершить суд. Однако многие полномочия, ранее принадлежавшие ханам Золотой Орды, от их преемников перешли к представителям знати, представительным органам (курултаю, совету карачи-беев), мусульманской администрации (муфтиям и кадиям). Более того, правители некоторых «осколков» Золотой Орды даже были вынуждены официально признать вассалитет от иностранных монархов: крымские ханы — от османских султанов, казанские и касимов-

ские — от московских великих князей и царей, сибирские — от своих дальних родственников бухарских ханов.

Тем не менее, несмотря на столь существенную эволюцию (а со временем — и деволуцию) ханской власти у Джучидов, сам институт ее в ряде государств сохранялся довольно долго: в Касимовском ханстве — до 1681 г., в Крымском — до 1783 г.¹⁶, а в Казахской степи — до 1840-х гг.¹⁷.

Центральные органы власти

Включение в состав Золотой Орды регионов как с оседлым, так и с кочевым укладом жизни, прямо повлияло на характер организации системы органов власти, которой на протяжении большей части времени существования этого государства был присущ дуализм: некоторые органы контролировали кочевое население, другие — исключительно оседлое. Эта особенность нашла отражение в существовании двух «ветвей» высших органов власти. Контроль над кочевниками осуществляла та из них, которую возглавлял бекляри-бек, тогда как оседлое население находилось под контролем властных структур, руководимых везиром.

Бекляри-бека можно охарактеризовать как премьер-министра и одновременно министра обороны¹⁸. Как правило, он назначался из числа самых влиятельных родоплеменных вождей, нередко связанных с ханским родом брачными узами: многие бекляри-беки либо выдавали своих дочерей замуж за ханов, либо сами женились на ханских сестрах и дочерях. По сведениям некоторых источников в отдельных случаях этот пост занимали даже члены ханского рода — в частности, Ногай при ханах Туда-Менгу, Тула-Буге и Токте (между 1280 и 1299 гг.) и царевич Ильбасмыш при своем отце Токте (в нача-

¹⁶ Последние претенденты на крымский престол, признававшиеся в ханском статусе османскими султанами, боролись за власть до 1791 г.

¹⁷ Хивинское ханство признавало претензии отдельных казахских султанов на ханский титул до начала 1870-х гг., кроме того, попытки провозглашения ханов во время антиправительственных выступлений в Казахстане имели место и в начале XX в. — в частности, во время восстания 1916 г.

¹⁸ См. подробнее: Трепавлов В. В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 21–34.

ле 1310-х гг.)¹⁹. В ханских указах, адресованных ордынской администрации имя бекляри-бека ставилось на первое место. В период распада Золотой Орды, в начале XV в. на монетах некоторых ханов с одной стороны чеканились их имена, с другой — имя бекляри-бека Илигу («Едигея» русских летописей)²⁰.

В ведении бекляри-бека находились все вооруженные силы Золотой Орды. Непосредственно ему подчинялись темники — предводители 10-тысячных отрядов, которые, в свою очередь, командовали тысячниками и т. д. В случае масштабной войны с соседним государством, требовавшей мобилизации вооруженных сил на общегосударственном уровне, войсками предводительствовал либо сам хан, либо бекляри-бек.

В то же время именно бекляри-бек, будучи самым влиятельным из родоплеменных вождей, считался главой кочевых аристократических кланов Улуса Джучи, и при избрании нового хана его голос мог оказаться решающим. Поэтому неудивительно, что в отдельные периоды истории Золотой Орды на страницах исторических источников гораздо более внимания уделялось деятельности не ханов, а именно бекляри-беков — достаточно вспомнить имена хотя бы двух из них, постоянно фигурировавших в русских летописях — Мамай и вышеупомянутого Едигея.

«Гражданская» ветвь власти возглавлялась везиром, что было заимствованием из практики мусульманских государств. Сведений о большинстве этих сановников в источниках сохранилось немного, однако даже анализ их имен свидетельствует, что везиры, в отличие от бекляри-беков, не принадлежали к кочевой аристократии, а были

¹⁹ См. подробнее: Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. С. 130–134.

²⁰ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 445; Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6–8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 100. Аналогичная ситуация была в Чагатайском улусе, где имя амир ал-умара (персо-язычный вариант названия бекляри-бека) Амира Тимура чеканилось на монетах вместе с именами ханов, которых он возводил на трон в 1370–1400-х гг.

выходцами из оседлых государств и регионов — Хорезма, Булгара, Ирана и др. Арабские современники проводя сравнение органов власти и управления в Улусе Джучи и персидском государстве Хулагуидов, подчеркивали, что в Золотой Орде полномочия везира были не столь обширны, сколь в Иране — в силу большего влияния кочевой знати и зависимости тесной гражданского аппарата управления от хана, чем это было в государстве Хулагуидов, в значительной степени воспринявшем местные, персидские, традиции организации власти и управления²¹.

Везир руководил работой диванов — профильных ведомств, осуществлявших деятельность по отдельным направлениям государственной политики от сбора налогов до выстраивания отношений с иностранными государствами. Во главе диванов стояли писцы — также представители оседлого населения из регионов с развитой бюрократической традицией. Тем не менее, мы не можем охарактеризовать систему гражданского управления в Улусе Джучи как бюрократическую: слишком тесно ее центральный аппарат зависел от ханской власти, постоянно находился при ставке и пр.²².

Ценность системы диванов во главе с везиром оставалась значительной, пока в составе Золотой Орды оставались обширные и густонаселенные регионы с оседлым населением, развитой городской и сельской инфраструктурой, ремеслом и торговлей. После разрушительных походов Тамерлана в 1390-х гг. эта инфраструктура фактически была уничтожена, что в полной мере сказалось и на существовании этих органов власти: не будучи официально упраздненными, они, тем не менее, фактически прекратили свое существование и с XV в. практически не упоминаются в источниках.

Возрождение этих органов власти имело место лишь в отдельных наследниках Золотой Орды — в первую очередь, в Крымском

²¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. С. 249–251.

²² См. подробнее: Почекаев Р. Ю., Абзалов Л. Ф. Почему чиновничество Золотой Орды не стало бюрократией? // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 144–154.

ханстве и то больше под влиянием уже османских традиций власти и управления в XVI–XVII вв. В государствах же, в большей степени опиравшихся на кочевых подданных, некоторые функции бывших диванов перешли к представителям мусульманского духовенства.

Региональное управление

Дуализм в управлении кочевыми и оседлыми подданными Золотой Орды проявился не только на центральном уровне: еще больше административных отличий было на региональном. В самом деле, организация управления в таких оседлых регионах как Булгар, Крым, Хорезм и др., и в обширных кочевых областях на территориях бывшей Кипчакской степи, современного Казахстана и Западной Сибири базировалась на совсем разных принципах.

Кочевые области находились в ведении бекляри-бека и управлялись на основе десятичной системы, характерной для кочевых обществ Евразии с древности. Так во главе тумена — области, способной выставить 10 000 воинов, стоял темник, непосредственно подчинявшийся бекляри-беку, в его ведении были тысячи во главе с тысячниками, стоявшими над сотниками, те — над десятниками. Эта система была весьма удобна как для организации воинского призыва, так и для упорядочения налогообложения кочевого населения.

Первоначальный статус оседлых областей в составе Золотой Орды достаточно скудно освещен в источниках. Есть основания полагать, что они «по праву завоевания» представляли собой домен хана, который назначал туда своих наместников — даруг (баскаков), которые, будучи представителями гражданской администрации (в отличие от близким им по уровню темников) подчинялись везиру и диванам, отвечали за сбор налогов с населения, организацию повинностей и пр.

Однако, опираясь на сообщения источников XIV в., можно высказать предположение, что десятичная система со временем была распространена не только на оседлые области Улуса Джучи, но и на васальные государства. Так, в анонимной «Книге Великого хана», датируемой 1320-ми гг., что Золотая Орда была поделена на 70 туме-

нов, т. е. могла выставить до 700 000 воинов²³. Даже вассальные русские земли в ордынской делопроизводственной практике были поделены на тумены — вероятно, в большей степени для налоговых, нежели военных целей²⁴.

Еще в меньшей степени нашел отражение в источниках статус владетельных Джучидов, каждый из которых в силу своего статуса имел право на собственный улус, т. е. определенное количество кочевых подданных — в зависимости от положения в семейной иерархии. Однако в какой мере они обладали властными полномочиями в своих владениях, говорить можно только на основании косвенных сведений и аналогий. Наиболее убедительным представляется мнение о том, что Джучиды жили за счет т. н. «восточной ренты», т. е. лишь получали доходы (в виде денег и натуральных поступлений) со своих владений, не вмешиваясь в их управление, которое фактически осуществляли как раз эмиры-темники²⁵.

Незавидное положение стимулировало многих энергичных представителей рода Джучи поступать на государственную службу: в источниках есть упоминания о том, что среди них были и темники, и военачальники, и т. д. Несомненно, в таком статусе они могли более существенно влиять на государственную политику и получать большие доходы.

Тем не менее, на раннем этапе существования Улуса Джучи его правители, вероятно, еще не сумевшие окончательно закрепить административно-территориальное устройство своего государства, опасались, что эти владения членов правящей династии могут со временем превратиться в автономные квазигосударства, поэтому периодически производили их «тасовку»: так, Бату в свое время переместил Берке с Северного Кавказа на Волгу, его внук Мен-

²³ La Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // Journal Asiatique. T. VI. 1830. P. 60.

²⁴ Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. С. 224–225.

²⁵ См.: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 396.

гу-Тимур перемещал потомков Туга-Тимура, сына Джучи, из Крыма на Урал и т.д.²⁶.

Самая радикальная административно-территориальная реформа была проведена ханом Узбеком в 1320-х гг. Вероятно, взяв за основу административно-территориальное устройство империи Юань, в составе которой выделялись «тао» (округа или губернии) и «лу» («дороги» или уезды), он разделил свои обширные владения на 10 округов-улусов, во главе которых были поставлены улус-беки, т.е. своего рода генерал-губернаторы, в подчинении которых оказались соответствующие оседлые и кочевые регионы, а также и владения отдельных ветвей Джучидов. Согласно арабскому ученому XV в. ал-Калкашанди, такими округами стали Хорезм, Дешт-и Кипчак, Хазар, Крым, Азак, Черкес, Булгар, Улак, Ас, Рус²⁷. Кризис системы центральной власти в годы «Замятни великой», а затем и распада Улуса Джучи привел к распаду прежней системы регионального управления. Система округов-улусов, по всей видимости, перестала быть актуальной уже в 1360–1370-х гг.

Соответственно, к концу XIV — началу XV в. вместо десяти улус-беков в ханской администрации их остается всего четверо, что позволило некоторым исследователям высказать предположение, что это число являлось традиционным для монгольских улусов вообще — со ссылками на сообщения о наличии четырех «эмиров улуса» также в государстве ильханов первой половины XIV в. и т.д. Соответственно, в историографии участники этого квазисовета не-

²⁶ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 115; Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. — М.; Ташкент; Бишкек: Международное изд-во «Туркестан», 1996. С. 99–100.

²⁷ Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 282–292.

многочисленных представителей высшей аристократии при ханах Джучидах фигурируют под названием карачи-беев²⁸.

Что же касается туменов, то их правители, пользуясь постоянной сменой ханов и лавируя между претендентами, из назначавшихся монархами наместников к концу XIV в. превратились во владельцев собственных улусов, власть в которых, к тому же, передавали по наследству. Это нашло отражение даже в изменении названий туменов, которые ранее именовались по географическому принципу, а с этого времени стали носить имена своих владельцев или основателей — например, «Яголдаева тьма»²⁹. Противоборствующие ханы, заинтересованные в поддержке со стороны могущественной знати, не могли противостоять этой тенденции и даже напротив — всячески расширяли права своих бывших администраторов, превратившихся, таким образом, в крупных феодальных владетелей.

Достаточно сложным и противоречивым было положение вассальных государств, признававших сюзеренитет ханов Улуса Джучи. Наибольшее споры в отечественной историографии вызывает, конечно же, правовое положение русских княжеств. По мнению одних исследователей, это были вассальные владения с самой широкой внутренней автономией (сохранение правящих династий, системы власти и права, даже собственной внешней политикой). Другие специалисты полагают, что владения Рюриковичей представляли собой т. н. «Русский улус» Золотой Орды, а ее правители были интегрированы в джучидскую сановную иерархию наряду с местной аристократией и чиновничеством³⁰.

²⁸ Наиболее подробное исследование этого института в Золотой Орде см.: Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде / Пер. с англ. Ч.И. Хамидовой и Р. Хауталы; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 77–156.

²⁹ См., напр.: Русина Е. Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «Тьма» // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М., 2001. С. 144–152.

³⁰ См. новейшее исследование по данной тематике с учетом различных точек зрения: Трепавлов В. В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.

По нашему мнению, и тот, и другой подходы представляются попыткой упростить решение вопроса о статусе джучидских вассалов, который также неоднократно менялся по мере эволюции государственного устройства самой Золотой Орды. Например, на раннем этапе существования Улуса Джучи в русских землях (как и в оседлых золотоордынских регионах) был введен институт баскаков, которые, однако являлись не полновластными наместниками, а лишь доверенными представителями Джучидов при дворах вассальных правителей. Однако к концу XIII в. этот институт был существенно трансформирован: баскаки перестали постоянно пребывать при княжеских дворах, а стали своеобразным «экспертами по русским делам» при ханской ставке.

Реформа административно-территориального устройства, проведенная ханом Узбеком в Золотой Орде, по всей видимости, изначально должна была охватить и русские земли — возможно, именно подобная попытка реформы нашла отражение в знаменитой «Песне о Щелкане Дудентьевиче», согласно которой Чолхан, двоюродный брат хана Узбека, прибыл в Тверь в качестве верховного правителя, ограничившего владетельные права местного князя³¹. Однако тверское восстание 1327 г., вероятно, убедило хана в нецелесообразности унификации системы власти и управления в вассальных владениях. Кризис ханской власти в Золотой Орде неоднократно приводил к попыткам русских князей отказаться от сюзеренитета ханов, что влекло походы на Русь Мамай в 1378 и 1380 гг., Едигея в 1409 г., Ахмата в 1476 и 1480 гг. и др.

Тем не менее, вплоть до первой трети XV в. золотоордынские ханы оставались сюзеренами и, в необходимых случаях, арбитрами в спорах вассальных правителей³², к числу которых, помимо рус-

³¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 24–27.

³² См. подробнее: Pochekaev R. Iu. From supreme judge to arbitrator: Conflict of Rus' princes under the Golden Horde khans» trial (case studies) // The Routledge Handbook of the Mongols and Central –Eastern Europe / Ed. by A.V. Maiorov and R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 249–266.

ских князей, относились грузинские цари и сельджукские султаны (до 1250-х гг.), болгарские цари и сербские крали (до конца XIII в.).

Совершенно особым статусом обладали генуэзские и венецианские фактории в Южном Крыму и Приазовье. Будучи населенными выходцами из «метрополий», местные жители управлялись консулами, назначавшимися, соответственно правительствами Генуи и Венеции, и в то же время подчинялись администрации ханов Золотой Орды, которые предоставили им земли в своих владениях для основания факторий. Естественно, как и вассальные правители, эти фактории меняли свое отношение к ордынским властям в зависимости от политической ситуации. приводило к неоднократным конфликтам. Так, захват и продажа в рабство ордынских подданных вызвало рейд хана Токты на Кафу, итальянское население которой вынуждено было покинуть город в 1308–1311 г. Злоупотребление венецианцев привилегиями в отношениях с местным ордынским населением привело к погрому итальянских факторий в Азаке (Азове) и войне Золотой Орды с Венецией и Генуей в 1343–1347 гг. Воспользовавшись гражданской войной в Улусе Джучи, генуэзцы Кафы захватили 18 селений, относившихся к Крымскому тумену, которые в 1375 г. был вынужден отвоевывать у них Мамай и т. д.

Окончательно двойственный статус итальянских колоний был закреплен в начале 1380-х гг., когда в договорах с ханом Токтамышем венецианцы и генуэзцы, выторговав внутреннюю автономию, признали его верховный сюзеренитет над землями Южного Крыма и Приазовья, равно как и право ханского суда в случаях, если одной из сторон в разбирательстве выступали подданные Джучидов. Этот статус, по меньшей мере номинально, сохранялся и в XV в, вплоть до распада Улуса Джучи³³.

Местное самоуправление

Одной из причин достаточно длительного сохранения системы власти и управления в Золотой Орде было то, что ее правители достаточно четко осознавали, насколько многообразными были

³³ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды. С. 65–72.

их подданные по образу жизни, этнической, языковой, религиозной, культурной принадлежности, и не пытались радикально унифицировать принципы управления ими. Соответственно, в местах компактного проживания этнических объединений, родов, племен, религиозных общин в течение всего времени существования Золотой Орды органы местного самоуправления, сложившиеся еще до монгольского завоевания и выжившие под властью Джучидов, поскольку их деятельность не противоречила принципам организации как центральной власти, так и регионального управления.

Так, в оседлых регионах власть принадлежала выборным органам городского и сельского самоуправления, в большинстве случаев базировавшимся на принципах организации жизни мусульманской общины. Так, в городах власть принадлежала муфтиям и кадиям, решения которых после религиозной реформы хана Узбека стали приравниваться уже и к решениям представителей ханской администрации³⁴. Свои органы самоуправления были также у национально-религиозных общин Крыма — караимов и крымчаков, христианского населения того же Крыма и Алании и др.³⁵.

Характерно, что ханы не предпринимали попыток реформировать систему местного самоуправления и в кочевых регионах, население которых было в гораздо большей степени интегрировано в имперскую систему власти и управления. В отдельных монгольских и тюркских племенах и родах решение повседневных бытовых вопросов осуществлялось также выборными старшинами — беками, биями, аксакалами и т.д. Причем это касалось не только тех родоплеменных подразделений, которые пришли вместе с Джучидами на новые земли, но и кочевых народов, которые были ими завоеваны. Например, самоуправление в Башкирии осуществляли наслед-

³⁴ Поскольку это в большей мере проявилось в судебной сфере, более подробно данный процесс будет рассмотрен в разделе, посвященном суду и процессу.

³⁵ См., напр.: Бубенок А. Б. Политика монголов по отношению к аланам Золотой Орды // *Східний світ*. 2003. № 4. С. 35–53; Прохоров Д. А. Крымские караимы в эпоху средневековья и новое время. Дисс. ... докт. ист. наук. Симферополь, 2019. С. 150 и след.

ственные местные князья, формально подчинявшиеся ханским наместникам — предположительно из округа Булгар³⁶.

Система органов самоуправления, как представляется, подвергалась наименьшим изменениям на протяжении всей истории существования Золотой Орды, надолго пережив ее. Аналогичные принципы организации самоуправления в отдельных национальных и религиозных общинах сохранялись и в государствах Джучидов, возникших после окончательного распада Золотой Орды — например, в Крымском ханстве вплоть до его упразднения в 1783 г.

§ 1.2. Право и правоотношения в Улусе Джучи

Система источников права

Правовая система Золотой Орды отличалась разнообразием источников различного уровня, что, однако, не дает оснований говорить о ее противоречивости. С одной стороны, это разнообразие отражало многообразие народов и регионов Улуса Джучи, неоднократно отмечавшееся выше, и правовые источники разного происхождения не столько противоречили друг другу, сколько дополняли. С другой стороны, роль и значение различных источников права, их соотношение в регулировании различных сфер правоотношений существенно менялись на разных этапах развития Золотой Орды.

Основным источником права, унаследованным государством Джучидов от Монгольской империи, безусловно, является *Великая Яса* Чингис-хана. Нам уже неоднократно приходилось отмечать ошибочность распространенного в историографии стереотипа об этом источнике как некоем «всеобъемлющем кодексе» Монгольской империи и ее преемников — государств Чингизидов. Несомненно, Яса представляла собой совокупность базовых принципов организации власти и управления на имперском уровне, в свое время озвученных Чингис-ханом или же приписанных ему позднее его

³⁶ Иванов В. А., Злыгостев В. А. Башкирский юрт Золотой Орды. Уфа: Китап, 2021. С. 97–128.

наследникам — своего рода «законность и правопорядок»³⁷. Более того, скорее всего, не было даже официальной фиксации этих принципов, что впоследствии позволяло Чингизидам приписать к Великой Ясе те или иные утверждения, которые соответствовали их политическим интересам в определенный момент времени и при этом могли иметь взаимоисключающий характер.

Тем не менее, в источниках XIII–XV вв. Великая Яса неоднократно упоминается применительно к золотоордынским реалиям — правда, как раз именно в качестве довольно неопределенного набора принципов власти и управления, символизирующего преемственность правовых традиций от Монгольской империи и непосредственно от ее основателя — Чингис-хана. Для противников принятия ислама следование Ясе стало даже своеобразным «знаком» сопротивления реформе хана Узбека³⁸. Однако стоит отметить, что ни Узбек, ни его преемники не упразднили этот источник³⁹, поскольку, подобно собственным подданным, видели в нем признак легитимности своей власти и продолжение имперских традиций.

Древнее тюркское право *торе*, воспринятое монголами не позднее XII в. и также ставшее одним из источников права в Монгольской империи и Золотой Орде, оказалось освещено в исторических памятниках в содержательном отношении еще меньше, чем Великая Яса. Косвенные сведения источников дают основание исследователям считать, что оно отражало базовые принципы организации верховной власти (статус ханов, базовое административное деление на крылья и пр.) и военного дела в кочевых государствах, что оставалось актуальным и для Улуса Джучи. Будучи рецепирован-

³⁷ См.: Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. С. 39–49.

³⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 141.

³⁹ Как это, например, произошло в Чагатайском улусе в период правления Шахруха, сына Тамерлана (1407–1447), см.: Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма (Бартольдовские чтения. 1982). М.: Наука, 1985. С. 54–55.

ным от древних тюрков монголами, в результате преобразований Чингис-хана оно стало восприниматься как еще один источник права, созданный основателем Монгольской империи и, следовательно, его применение в Золотой Орде, как и в случае с Великой Ясой, свидетельствовало о преемственности от монгольской имперской правовой традиции, а верховной власти — от Чингис-хана⁴⁰.

Характерно, что при этом торе не имело столь явной связи именно с имперской системой власти и управления, как Яса. Распад Золотой Орды как государства имперского типа на ряд «региональных государств», уже не претендовавших на контроль над всеми чингизидскими (и даже джучидскими) владениями привел к тому, что Яса просто-напросто перестала применяться и даже упоминаться в источниках. Торе же продолжало применяться и в гораздо более поздние времена — в Крымском и Казахском ханствах, Ногайской Орде и пр.

Среди источников «ханского права», несомненно, самым динамично развивавшимся стали *ярлыки* — ханские указы. Во-первых, с их помощью могла дополняться Великая Яса, принципы которой провозглашались незыблемыми и неизменными; соответственно, только с помощью ярлыком можно было устранить проблемы в ханском законодательстве, возникающие в связи с усложнением системы власти и управления и появлением новых сфер и направлений правоотношений.

Первоначально ярлыки издавались по самому широкому спектру правовых вопросов: введение и отмена налогов, назначение на должности (в том числе подтверждение статуса вассальных правителей), жалование льгот и привилегий, послания нижестоящим иностранным правителям и т. д. Некоторые ханские указы действовали в масштабе всего государства и вассальных владений, другие касались отдельных регионов или даже категорий населения⁴¹.

⁴⁰ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Чингизово право. С. 28–39.

⁴¹ Усманов М. А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. М.: Наука, 1979. С. 243–244; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. С. 76–83.

Многочисленность ярлыков и превращение их в основной источник права в Золотой Орде объяснялись тем, что, согласно правовой традиции (сформировавшейся еще в Монгольской империи), каждый новый монарх после вступления должен был подтвердить или отменить ярлыки, выданные его предшественниками. Соответственно, многие обладатели должностей, льгот и привилегий обладали целой серией ярлыков, которые выдавались им ханами, последовательно сменявшими друг друга, но при из раза в раз этом подтверждавшими волю своих предшественников.

Традиция издания ярлыков сохранялась в течение веков после падения Золотой Орды: их издавали ханы Казани, Астрахани, Сибири, Крыма, казахских жузов⁴². Правда, уже с конца XIV в. эти акты представляли собой преимущественно пожалование льгот и привилегий влиятельным представителям родоплеменной знати, тогда как другие виды ярлыков в новых политических реалиях оказывались неактуальными: ханы просто-напросто не могли бы обеспечить исполнение предписаний своих указов, тем самым еще больше подчеркнув упадок авторитета ханской власти.

Еще более многочисленной категорией источников золотоордынского права должны были бы стать «подзаконные акты», т. е. результаты правотворческой деятельности ханских сановников и глав региональной администрации, однако до нашего времени сохранились лишь единичные образцы таких документов. Речь идет об актах волеизъявления улус-беков, даруг или темников в пределах их полномочий, либо о своеобразных отчетах о выполнении ханских предписаний, которыми таким чиновникам делегировались определенные властные полномочия *ad hoc*. До нашего времени дошли несколько таких документов, изданных правителями Азова и Крыма, которые, собственно, и свидетельствуют о выполнении ими ханских предписаний в отношении иностранных подданных — вышеупомянутых представителях итальянских торговых факторий,

⁴² В Хивинском ханстве или Автономной Монголии практика издания ханских ярлыков сохранилась до начала 1920-х гг.

а также об административных и судебных решениях по отдельным предметам их ведения⁴³.

Мусульманское право (шариат) являлось важным источником права во многих регионах Золотой Орды (Булгар, Хорезм, Кавказ) еще до монгольского завоевания, и оно в течение длительного времени имело характер «местного» источника. Однако после религиозной реформы хана Узбека, в результате которой мусульманские администраторы были интегрированы в систему власти и управления Золотой Орды в целом, соответственно, шариат приобрел характер общегосударственного источника права — правда, как уже отмечалось, не в ущерб другим правовым источникам, действовавшим в Улусе Джучи. Позиции мусульманского права укрепляло то, что оно, в отличие от монгольских правовых источников, обладало также доктринальной составляющей, т. е. целенаправленно изучалось и исследовалось: именно представителей мусульманского правоведения можно с полным правом именовать золотоордынскими «юристами»⁴⁴.

Региональный и местный характер действия сохранили правовые обычаи отдельных народов, общин, родов и племен в зависимости от их образа жизни, языка и бытовых традиций, вероисповедания (адат, йусун, занг и т. д.). Большинство повседневных вопросов, охватывающих семейные, бытовые, мелкие административные нарушения и даже малозначительные уголовные преступления, решались именно представителями местного самоуправления на основе таких обычаев. Эта практика также была заимствована из мон-

⁴³ Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 168–195.

⁴⁴ Муминов А. Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: дайк-Пресс, 2004. С. 121–127; Муминов А. Ха-нафитский мазхаб в истории Центральной Азии. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2015. С. 22–233; Почекаев Р. Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 4. С. 737–752.

гольской имперской правовой традиции⁴⁵. Неудивительно, что этот источник со временем, по мере упадка ханской власти и центральной администрации, приобретал все большее значение, постепенно вытесняя «ханское законодательство» из регулирования ряда сфер правоотношений.

Суд и процесс

Судебная система Золотой Орды также была достаточно разнообразной и многоуровневой, поскольку вобрала в себя как традиции Монгольской империи, так и специфику организации власти и управления в самом Улусе Джучи и даже особенности его международных отношений.

Самой высшей судебной инстанцией в Улусе Джучи являлся курултай, который, как уже отмечалось выше, мог даже лишить хана его власти, однако сведения о таких судах довольно немногочисленны, поэтому мы лишены возможности подробно анализировать его судебные полномочия, в большей степени опираясь на сведения источников о курултае в Монгольской империи⁴⁶. В период поздней Золотой Орды и особенно в пост-ордынских государствах на смену суду курултая приходит суд ханского совета, состоявшего из высших сановников и представителей кочевой аристократии: только он мог судить высокопоставленных государственных деятелей, родоплеменных вождей и т.д.⁴⁷.

Следующей судебной инстанцией был сам монарх Золотой Орды, который в процессуальном порядке мог судить чиновников и администраторов, разбирать наиболее тяжкие преступления, либо дела с участием иностранцев, а также прегрешения и споры вассальных правителей. Номинально же любой подданный Улуса Джучи или иностранец, пребывавший на его территории, мог прибегнуть к ханскому суду — чем, в частности, неоднократно пользовались об-

⁴⁵ См.: Крадин Н.Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. Новосибирск: Наука, 1995. С. 55.

⁴⁶ См., напр.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 67–68, 98.

⁴⁷ См., напр.: Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 41–42.

ладатели льгот и привилегий на основании ханских ярлыков, которые в судебном порядке просили каждого нового монарха подтвердить пожалования его предшественников.

В ряде случаев хан мог делегировать свои судебные полномочия отдельным представителям власти *ad hoc*. Например, во время суда над Михаилом Тверским в 1318 г. хан Узбек показательно «устранился» от разбирательства, поскольку формально являлся «пострадавшей стороной»: князь обвинялся, в частности, в умерщвлении ханской сестры. Поэтому суд над ним вершили семь «князей» (эмиров или нойонов), назначенных ханом⁴⁸. В 1355 г. спор между двумя претендентами на Муромское княжество, видимо, был сочтен ханом Джанибеком слишком незначительным, поэтому его также разбирали ханские приближенные⁴⁹.

На региональном уровне суд в пределах своих владений вершили ханские наместники — улус-беки, темники, даруги и пр. Их судебные полномочия определялись либо ярлыками, которыми они назначались на должность, либо же специальными ханскими указами, содержащими предписание по разрешению того или иного конкретного дела.

В подчинении таких глав региональных администраций были судьи-дзаргучи, выносившие решения на основе принципов Великой Ясы и ханских ярлыков⁵⁰. В подобных актах определялись не только полномочия судей, но и требования к ним: так, они должны были иметь опыт государственной деятельности (состоять при ханах,

⁴⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 163.

⁴⁹ Там же. С. 180.

⁵⁰ Золотоордынских ярлыков такого рода не сохранилось, но исследователи Золотой Орды не без оснований в качестве аналога используют сходные документы из правотворческого опыта государства ильханов в Иране, отталкиваясь от единства правотворческой традиции и сходства органов власти и управления в двух государствах Чингизидов, см.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. С. 104.

членах правящего рода или высокопоставленных сановниках), знать законы и обычаи, быть известными своей справедливостью⁵¹.

После реформы 1320 г. наряду с дзаргучи в штате наместников появились и судьи-кади, решавшие дела на основе шариата. Наиболее яркое описание сосуществования этих двух ветвей суда оставил марокканский путешественник Ибн Баттута, согласно которому судьи-дзаргучи и судьи-кади, пребывавшие при улус-беке Хорезма, заседали в одном и том же зале дворца наместника друг напротив друга, и тяжущиеся могли сами выбрать, к чьему суду им прибегнуть⁵². Соответственно, именно эти суды разбирали наибольшее число дел, в отношении которых суд самих наместников или, тем более ханов, являлись апелляционными инстанциями.

По мере упадка имперской системы власти и управления суд дзаргу фактически прекратил существование, тогда как суд кади, напротив, стал приобретать все большее значение в тех пост-ордынских государствах, в которых значительную часть подданных составляло оседлое население. Наиболее ярко это проявилось в Крымском ханстве, в котором именно кади разбирали большинство дел, выполняли функции нотариата и даже фиксировали в своих реестрах (кади-аскерский сакк) факты выдачи ханами ярлыков⁵³!

Другой судебной инстанцией, не только сохранившейся, но и расширившей свое значение в поздней Золотой Орде и пост-ордынских государствах, стал суд на основе обычного права, осуществлявшийся внутри отдельных родов, племен или общин. Упадок «ханской» судебной системы дзаргу привел к тому, что именно к этому суду стали прибегать по большинству дел. Красноречивое, но, вероятно, несколько утрированное описание такого суда дал венецианец Иосафат Барбаро: «Когда кто-то затевает с другим

⁵¹ Мелиоранский П. О Кудатку Билике Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XIII. СПб., 1901. С. 018–019.

⁵² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 311–312.

⁵³ См. подробнее: Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследование, тексты и переводы. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017.

ссору... то оба... поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает...»⁵⁴. Несомненно, речь идет не о «первом встречном», а о своего рода третейском суде — человеке, уважаемом и справедливым, на решение которого готовы были согласиться обе стороны. Со временем этот суд под названием получил широкое распространение среди народов, прежде входивших в состав Золотой Орды — под название суда биев у казахов, узбеков, каракалпаков, суда зайсанов у алтайцев и др., успешно конкурируя с судом ханов и потомственных родоплеменных предводителей⁵⁵.

К числу наиболее оригинальных судебных инстанций в Золотой Орде, вероятно, следует отнести «международные» суды, которые создавались в отдельных регионах для разбирательства дел с участием иностранцев. Сведения о таком суде до нас дошли, опять же, из документов, определяющих статус итальянских торговых факторий в Причерноморье и Приазовье. Согласно ханским ярлыкам о пожаловании итальянским торговцам привилегий, в случае спора между ордынским и итальянским (венецианским или генуэзским) подданными предписывалось сформировать совместный суд, в состав которого должны были войти либо ордынский наместник соответствующего региона и итальянский консул, либо выбранные ими обоими чиновники в равном количестве от обеих сторон⁵⁶. Несомненно, существование подобных инстанций, не характерное для других государств Чингизидов, можно объяснить междуна-

⁵⁴ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 146.

⁵⁵ См., напр.: Зиманов С.З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008; Правовые обычаи Горного Алтая / Под ред. В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 109–113.

⁵⁶ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 73, 181–182.

ными связями Золотой Орды и, в частности, ее значительной заинтересованностью в поддержании постоянных дружественных отношений с Венецией и Генуей.

Процесс при рассмотрении большинства дел носил состязательный характер, причем это относилось не только к гражданско-правовым спорам, но и уголовным делам. Например, вышеупомянутом процессе над Михаилом Тверским 1318 г., хотя он и обвинялся в преступлениях против хана, его обвинителем формально выступал другой русский князь — Юрий Данилович Московский, который, как и обвиняемый, представлял доказательства в пользу своей позиции, оспаривал доводы Михаила Ярославича и пр.

Анализ сведений источников о ханском суде в Золотой Орде (значительная часть которых содержится в русских летописях и житиях святых князей) позволяет утверждать, что процесс был достаточно четко регламентирован и включал в себя такие стадии как возбуждение дела, вызов сторон в суд, сбор доказательств, само судебное заседание, вынесение решения или приговора и его исполнение.

В качестве доказательств, как сообщают те же источники, использовались устные показания сторон и свидетелей, источники фиксируют в том числе и проведение очной ставки. Также рассматривались письменные, включая финансовые и иные деловые документы. В определенных случаях суды могли прибегать к поручительству. О применении ордалий, в том числе судебного поединка, в золотоордынском суде источники не сообщают.

Анализ летописных сообщений о суде в Улусе Джучи позволяет сделать вывод, что если дело по поручению хана рассматривалось назначенными им судьями, то окончательное утверждение решения оставалось все равно за ним. Решения нижестоящих судов, как уже говорилось выше, также могло быть оспорено в суде хана.

Налоговые правоотношения в Золотой Орде

Система налогов, сборов и повинностей в Улусе Джучи представляла собой синтез элементов традиционных налоговых систем евразийских кочевников, преемство имперского опыта в налоговой

сфере и рецепцию из опыта соседних государств, с которыми ханы Золотой Орды поддерживали постоянные отношения.

Основные налоги представляли собой десятину с урожая оседлого сельского населения и 1% с поголовья скота кочевников. Столь радикальное расхождение в ставке следует объяснять не только особым положением кочевого населения в государстве Джучидов. Дело в том, что зерно шло непосредственно в ханскую казну и лишь впоследствии могло перераспределяться между регионами. Что же касается скота, то, согласно косвенным данным, оставшиеся 9% налога могли идти сразу в пользу региональных властей, владельческих Джучидов или же непосредственных родоплеменных предводителей⁵⁷.

С отдельных групп и категорий населения, не занимавшихся ни животноводством, ни сельским хозяйством, взимались особые виды налогов, которые, тем не менее, можно приравнять к основному «подходному»: источники упоминают о взимании натуральных сборов с производителей курта (творога), стрел, меда, алкогольной продукции и пр.⁵⁸.

С вассальных владений в пользу Золотой Орды взималась дань, в русских источниках фигурировавшая под названием «выхода». В отношении русских земель, согласно источникам, поначалу практиковалось также взимание десятины, однако, как свидетельствуют сообщения источников конца XIV в. и более позднего времени, размер выхода с этого времени устанавливался, так сказать, «в твердой денежной форме», предписывая его выплату в два приема. Например, в ярлыке хана Ахмата 1476 г. великому князю Ивану III предпри-

⁵⁷ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. С. 112–113.

⁵⁸ См., напр.: Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 102; Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. С. 130; Зайцев И.В. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // *Orientalistica Iuvenile*. Вып. II. М.: ИВ РАН, 2001. С. 100–137; Самойлович А.Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 123–128; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. С. 237.

сывается собрать «выход» 60 000 алтын, из которых 20 000 следует выплатить весной, а 40 000 — осенью⁵⁹.

Одной из важнейших статей дохода Золотой Орды были налоги и сборы в процессе торговой деятельности, осуществлявшейся непосредственно на территории Улуса Джучи, равно как и при транзитном провозе товаров через нее в другие страны. При установлении ставки «тамги» (таможенного сбора) ордынские власти учитывали, во-первых, международный опыт, во-вторых, особенно взирая на взаимоотношения с тем или иным государством. Например, в 1332 г. таможенный сбор с венецианских торговцев составляя 3% от стоимости товара⁶⁰, однако после вышеупомянутой ордынско-венецианско-генуэзской войны 1343–1347 гг. хан Джанибек в качестве «карательной меры» повысил его до 5%, и итальянским дипломатам понадобилось еще около двадцати лет, чтобы добиться его снижения до прежнего уровня⁶¹. Таможенный налог также взимался при провозе товаров через территорию Улуса Джучи для торговли в других странах.

При совершении торговых сделок в Золотой Орде было положено присутствовать ханскому чиновнику — весовщику, который взимал также специальный весовой сбор «тартанак», составлявший 1–1,5% от суммы сделки, независимо от того, производилось ли при этом взвешивание⁶².

Стремясь привлечь торговцев в свои владения, золотоордынские ханы старались создавать им режим наибольшего благоприятствования. Например, будучи заинтересованным в торговле с городами Ганзы, хан Менгу-Тимур издал ярлык, предписывающий пропускать таких торговцев без взимания таможенных пошлин в вас-

⁵⁹ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. С. 198.

⁶⁰ Характерно, что в соседнем Иране, опыт которого золотоордынские власти не могли не принимать во внимание, таможенный сбор составлял от 5 до 10%, таким образом, ханы Золотой Орды, устанавливая ставку 3%, вероятно, преследовали цель переманить иностранных торговцев к себе от Хулагуидов.

⁶¹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды. С. 230–244.

⁶² Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 15, 98, 103–105.

сальных русских землях⁶³. Освобождались от уплаты сборов сделки с ювелирными изделиями, золотой канителью и рядом других товаров⁶⁴.

Однако в некоторых случаях ордынские ханы, напротив, проводили политику «протекционизма». Поскольку одним из важнейших ремесел в Улусе Джучи было кожевенное дело, власти старались пресекать практику покупки невыделанных кож, вводя на них повышенный сбор в размере 40–50 аспров за сотню шкур⁶⁵.

До 1250-х гг. в Золотой Орде, как и в Монгольской империи, иностранным торговцам предоставлялась бесплатная вооруженная охрана и право бесплатно останавливаться, и менять лошадей на ямских станциях, однако впоследствии эта практика была прекращена, и торговцы были вынуждены оплачивать такого рода услуги. Кроме того, по пути следования торговцы (равно как и другие путешественники) должны были нести дополнительные расходы — например, выплачивая сборы за пересечение мостов, паромную или лодочную переправу и т.п.⁶⁶. Однако, поскольку такие расходы шли как раз на поддержание в надлежащем состоянии соответствующих объектов дорожной инфраструктуры, можно предполагать, что эти налоги не относились к числу наиболее обременительных и неприемлемых для купцов.

К числу экстраординарных сборов принадлежали подарки и прочие подношения проезжающим через ту или иную территорию представителям власти или правящего рода: вид, количество и стоимость подарков зависели от статуса проезжающего сановника — посла, баскака, царевича и т.д. Такие сборы также наиболее хо-

⁶³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57. № 30.

⁶⁴ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 27.

⁶⁵ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 904, прим. 18.

⁶⁶ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 135–136.

рошо известны по русским средневековым источникам, в которых они фигурируют под красноречивыми названиями: «дары», «поминок», «почестья» и т. п.⁶⁷.

В Золотой Орде существовали достаточно разнообразные повинности. Наиболее значительной была повинность воинская, которая, как уже отмечалась, распространялась преимущественно на кочевое население. Все кочевники в возрасте от 12 до 70 лет считались военнообязанными, хотя всеобщая мобилизация в Улусе Джучи практически никогда не применялась. Даже в эпоху масштабных завоеваний от каждого десятка призывалось не более 2 человек. Исключения составляли только случаи отражения внезапных вторжений: тогда в пограничных регионах, и в самом деле, могло быть призвано все мужское население от детей до глубоких стариков⁶⁸.

Другой повинностью являлась охотничья, которая, в отличие от воинской, имела региональный охват: в случае организации ханских облавных охот для участия в них могло мобилизоваться население того или иного региона, где проводилась охота⁶⁹. Правда, отрыв загонщиков от их занятий мог компенсироваться получением доли добычи.

Жители каждого населенного пункта должны были нести «караул», т. е. обеспечивать безопасность проезжающих через прилегающие дороги, территории, бороться с грабителями и т. д.⁷⁰. Учитывая, что в случае ограбления торговца, если грабители и товары не были найдены, местные жители должны были компенсировать эти потери за свой счет, подобная повинность должна была представляться им менее затратной.

В тех местностях, где учреждались ямские станции, местное население должно было предоставлять персонал для постоянных дво-

⁶⁷ Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. С. 92–95.

⁶⁸ См., напр.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 59–60.

⁶⁹ Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 237.

⁷⁰ Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 93; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 237.

ров, лошадей и подвод для смены гонцам, послам, иностранным дипломатам и пр., провиант и фураж⁷¹.

Наряду с налогами и повинностями в Золотой Орде была широко развита система иммунитетов. Наиболее известным ее правовым институтом является тарханство, предоставляемое специальными ханскими ярлыками. Многие исследователи склонны причислять тарханов к представителям ордынской аристократии, однако такое мнение ошибочно: знать уже в силу собственного происхождения и статуса традиционно была избавлена от налогов и повинностей. Соответственно, тарханство предоставлялось именно представителям тяглых сословий, чтобы выделить отдельных лиц среди основной массы. Как правило, тархан освобождался от уплаты основных и торговых налогов и сборов, мог оставлять себе всю добычу во время боевых действий⁷², не подлежал ответственности за не слишком тяжкие проступки, не привлекался к несению повинностей. Если заслуги, за которые даровалось тарханство, были значительны, то этот статус могли наследовать потомки первого тархана в течение девяти поколений⁷³.

Тарханство могло жаловаться конкретному лицу, группе лиц, иногда — целым населенным пунктам или сословиям. В частности, в качестве тарханных ярлыков следует рассматривать пожалования русской православной церкви, сделанные золотоордынскими ханами в XIII–XIV вв.

⁷¹ Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 236.

⁷² Воины, участвовавшие в боевых действиях и захватывающие добычу, должны были выделить часть ее в пользу хана, а часть — в пользу непосредственного начальника.

⁷³ См. подробнее: Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316. Вероятно, именно представители последующих поколений уже и могли воспринимать себя как представители знати. Например, потомки Кишлика, получившего в свое время тарханство от самого Чингис-хана, на рубеже XV–XVI вв. являлись представителями высшей знати, владельцами крупных регионов и равных боролись за власть с потомками Джучи (Шайбанидами) и Тамерлана.

Еще одной формой пожалования привилегий стал суюргал, явившийся для Золотой Орды рецепцией из среднеазиатского (чагатайского) правового опыта⁷⁴. В отличие от тарханства, жаловавшегося конкретным лицам, суюргал представлял собой освобождение от налогов и повинностей уже земельного владения. При этом в случае смены собственника новый обладатель соответствующего владения приобретал также и иммунитеты, предоставленные в рамках суюргала. Подобный институт следует объяснить вышеупомянутой заинтересованностью ханов-Джучидов в поддержке крупной знати в годы ожесточенной борьбы за власть.

В пост-ордынских государствах тарханство и суюргал существовали до XVI в., однако позднее (преимущественно в Крымском ханстве) налоговые иммунитеты стали заменяться на пожалование регулярных выплат (пенсий) в пользу лиц, оказавших услуги государству, и их потомков. После присоединения Казанского ханства и Башкирии к Московскому царству прежние пожалования тарханства были признаны новыми властями, более того, практика пожалований сохранялась и в более поздние времена. Однако к 1700 г. Петром I этот институт был отменен, а в Башкирии последние тарханы лишились своих привилегий после антироссийских восстаний 1730-х гг. При этом как раз в 1730-х гг. практика пожалования тарханства (уже российскими имперскими властями) была возрождена в Казахской степи, где тарханы в качестве привилегированных представителей населения существовали вплоть до 1860-х гг.⁷⁵.

⁷⁴ См. подробнее: Pochekaev R.Yu. The Evolution of Soyurghal in Chinggisid and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period // Golden Horde Review. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 729–740.

⁷⁵ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Чингизово право. С. 154–171.

Глава 2

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

§ 2.1. Политико-правовое содержание казахского обычного права

В своих исследованиях Научно-образовательный Центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» уделяет большое внимание политико-правовым источникам, наследию тюркских народов Большого Алтая и стран Центральной Азии. Наиболее важным источником традиционного казахского права является адат, или обычай. Казахское обычное право, как и обычное право у других тюркских народов, имеющих глубокую социокультурную основу регулирования общественных отношений, представляет собой совокупность юридических обычаев, выражающих волю народа, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке в целях охраны общественных отношений. Термин «адат» употребляется у восточных народов для обозначения обычаев или правил поведения, соблюдающихся в обществе в силу установившейся привычки и передающихся из поколения в поколение.

И. И. Крафт писал: «Адат, или обычное право киргизов, в прежнее время отличалось замечательною простотой, соответствующей простоте и патриархальности их быта»⁷⁶.

⁷⁶ И. И. Крафт. Якутский край // Якутская окраина. – 1914. — 9 мая.

Л. Ф. Баллюзек отмечал о казахских биях, якобы создавших «своего рода законодательство в так называемых народных обычаях, которые разве только за исключением решений по брачным делам, во всех других отношениях, можно сказать, весьма удовлетворительны и не лишены справедливых оснований»⁷⁷.

У казахов термин «адат» употребляется также в смысле обычая — привычки, причем не делается разграничения между правовым и неправовым обычаем. Есть у них и другой термин, более соответствующий точному смыслу обычного права, — «зан». Однако под этим термином подразумевается не только обычное право, но и закон⁷⁸.

«Адат» был основным источником казахского права вообще и уголовного права, в частности. Казахское обычное право — «адат», как одна из форм идеологической части надстройки, также создавалось на базе своего экономического базиса и развивалось, изменялось в соответствии с развитием и изменением своего базиса⁷⁹.

В казахском обычном праве очень трудно зачастую отличить позднейшие его нормы от древнейших норм. Почти невозможно установить точно время тех или иных правовых обычаев. В адатах слабо различаются понятия уголовного и гражданского права, а также уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Слабое развитие политических, правовых взглядов и соответствующих им учреждений в казахском обществе, в конечном счете, обусловлено материальными условиями жизни.

Казахское обычное право очень долго, в течение нескольких столетий, развивалось на базе отсталого, натурального, замкнутого хозяйства при низком уровне культуры народа. Это наложило опреде-

⁷⁷ Л. Ф. Баллюзек. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона. — Предисловие. — Записки Оренбургского отдела ИРГО. — Вып. II. — 1871.

⁷⁸ С. Л. Фукс. Обычное право казахов в XVIII-первой половине XIX века. — Алматы: Наука, 1981.

⁷⁹ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. — Алматы: Даур, 2004. — 310 с.

ленный отпечаток на отдельные правовые нормы обычного права⁸⁰. Не случайно почти до середины XIX века в отдельных записях обычного права не встречаются нормы, регулирующие торгово-денежные отношения; ведение судопроизводства не требовало никаких письменных доказательств. Обычаи кровной мести, самосуд над виновным, барымта и т. п. оставались в течение продолжительного времени важными способами восстановления нарушенного права.

Казахское обычное право состоит из следующих трех источников:

- а) обычай («адат» или «зан»);
- б) практика суда биев («бидин билиги»);
- в) положение съезда биев («эреже»).

Все эти три источника между собой тесно связаны. Практика суда биев, или так называемый судебный прецедент, а также положение съезда биев, или так называемое «эреже», постоянно дополняли, изменяли существующие правовые обычаи. Но они не сразу приобрели значение действующих норм обычного права. Вместе с тем каждый из этих источников имеет самостоятельное значение.

Обычай. Обычай, имеющий силу закона, как правило, нигде не был специально зафиксирован, а передавался из уст в уста, от поколения к поколению в виде кратких изречений и пословиц. Так, например, при хане Тауке (1680–1718 гг.) существовавшие ранее разрозненные обычно-правовые нормы были систематизированы в виде Уложения, получившего у казахов название «Жеты-Жаргы».

Я. П. Гавердовский, Н. И. Гродеков, Я. И. Гурлянд, А. И. Левшин, Г. И. Спасский, П. И. Шангин и др. исследователи тщательно изучили и проанализировали казахские обычаи- адаты и их роль в жизни общества.

Каждый жуз (Старший, Средний и Младший) делился внутри на крупные «родовые» общины, которые стремились иметь свои обычно-правовые нормы.

⁸⁰ З. К. Аюпова, Д. У. Кусаинов. Адольф Янушкевич о суде казахских биев // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Жизнь и творчество Адольфа Янушкевича. — Астана. — 2016. — С. 5.

Практика суда биев («бидин билиги»). Уложение Тауке и другие юридические обычаи, имевшие силу закона, постоянно дополнялись и изменялись практикой суда биев («бидин билиги»), являвшейся важным источником права.

Судебная практика признавалась источником права даже там, где суды руководствовались писанным законом; там же, где суд не был связан положительным правом, а жизнь постепенно переходила к новым формам, рождались новые отношения и создавались новые интересы, столкновение которых рассматривалось в суде; там судебная практика являлась огромной право творящей силой.

Решения биев до второй половины XIX века почти нигде не оформлялись письменно. Они находили отражение, главным образом, в фольклорных источниках. Важной отличительной чертой казахского обычного права является субъект отправления правосудия. Если в большинстве правовых систем суд и правосудие находились в руках самих правителей или их приближенных в лице духовенства, аристократии и им подобных, то в казахском праве судья, то есть бий относился к особой социальной категории. Его высокий социальный статус не зависел от происхождения, знатности рода, приближенности к власти имущим, и даже возраста (в некоторых случаях и пола). Не зависел он и от духовного положения бия.

Главными критериями, позволявшими человеку встать на высокую социальную ступень отправителя правосудия, являлись только его деловые и

моральные качества. Происхождение, правовой и социальный статус казахских биев особого значения не имели.

Положение съезда биев («эреже»). По своему содержанию и по форме Эреже приближается к писаному закону. «Казахские судьи, — писал Ю.А. Зуев, — перед тем как приступить к рассмотрению дел на их съездах, обыкновенно напоминают друг другу различные положения обычного права — адата, которыми они, по нашему закону, обязаны руководствоваться при решении дел и затем составляют для себя так называемые «Эреже», т.е. руководящее постановление, в которое заносят все подходящие правила и настав-

ления обычного права. Постановление это... становится как бы сводом законоположений, обязательных для применения их судьями того съезда»⁸¹.

Кандидат юридических наук, доцент К. А. Алимжан подчеркивает: «Рассматривая вопрос о системности обычного права, современные исследователи адатов относят к структуре обычного права нормы, институты и отрасли права. Системой же обычного права определяется «сравнительно органичная совокупность распределенных по институтам и объединенных в отрасли обычных норм»⁸².

При этом главными системообразующими факторами системы обычного права, так же, как и у других форм права, выдвигаются предмет правового регулирования, т. е. «круг общественных отношений определенного вида», а также «функции права в целом и его отдельных подразделений»⁸³.

Доктор юридических наук, профессор Кенжалиев З. Ж. под казахским обычным правом понимает, в первую очередь, систему обычно-правовых принципов, идей, взглядов и понятий. И только в следующую очередь автор говорит о системе норм, направленных на реализацию отмеченных принципов, взглядов, идей и понятий. В казахском обществе взгляд, идея являлись основой правила поведения и в целом правового порядка, считает исследователь⁸⁴.

Систему казахского обычного права можно определять по схеме нормы- институты- отрасли. В целом структура казахского обычного права характеризовалась подразделением на те же основные традиционные сферы (отрасли) правового регулирования, что были

⁸¹ Ю. А. Зуев. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 10.

⁸² К. А. Алимжан. Обычное право как форма права. — Дисс. к. ю. н. — Алматы. — 1999. — С. 85.

⁸³ К. А. Алимжан. Обычное право как форма права. — Дисс. к. ю. н. — Алматы. — 1999. — С. 73.

⁸⁴ З. Ж. Кенжалиев. Традиционная правовая культура в кочевом казахском обществе: (теоретические проблемы, исторические уроки) — Алматы: Жети-Жаргы, 2017. — С. 22.

присущи всем предшествующим системам обычного права тюркоязычных кочевых сообществ.

Е. А. Абиль выделяет такие отрасли казахского обычного права: 1. право собственности; 2. договора и обязательства; 3. семейно-брачное право; 4. уголовное право; 5. суд и судебный процесс⁸⁵.

На наш взгляд, существенным, с точки зрения современных правовых процессов возрождения и модернизации, является и то, что еще в древности Юстиниан внес в Свод законов и обычное право, ссылки на которое имели юридическую силу. Таким образом, римское право представляется не только системой общеобязательных, юридических норм. Оно содержало в себе и законодательство, и право юристов (в виде Дигестов и Институций), и обычное право.

Правовая система обладает всеми чертами объективно возникающего, исторически закономерного общественного явления, существующего независимо от воли конкретных индивидов, которые вступая в социальную жизнь, застают уже сложившиеся правовые формы, институты и должны считаться с ними, реализуя свои интересы. В то же время, правовая система — продукт творчества людей; и в этом смысле слова она имеет все черты явлений, относящихся к миру искусственных вещей, сознательных процессов, произвольных действий.

Правовые системы классифицируются на различные группы в зависимости от особенностей их исторического формирования и структуры. Общеизвестны следующие правовые семьи: романо-германская, англо-американская, латиноамериканская, скандинавская, японская, социалистическая, дальневосточная, мусульманское право, индусское право, обычное право Африки. Отметим также, что в юридической науке сложились следующие подходы к пониманию права: нормативистский, социологический, психологический, философский, выраженные в концепциях П. А. Сорокина, Т. Парсонса, Э. Тоффлера и т. д.

⁸⁵ Е. А. Абиль. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: курс лекций. — Астана: Фолиант, 2000. — С. 64.

В своем труде «Социокультурная динамика» основоположник социологической школы П. А. Сорокин изучал окружающую действительность как единство разнообразных культурных систем: идеациональной, идеалистической и чувственной. В качестве критерия подобной классификации он брал представления о природе реальной действительности. Он выделял следующие элементы суперсистемы культуры: истину, право, мораль и искусство, которые циклически сменяют друг друга. По его мнению, право основывалось на абсолютных божественных принципах. Автор был приверженцем жестких законов. О. Шпенглер, А. Тойнби и П. Сорокин не сомневались, что суперсистемам культуры свойственна внутренняя динамика с длительными историческими фазами: происхождения, роста, созревания, упадка и полного распада.

В своей работе доктор юридических наук, профессор М. А. Сарсембаев утверждает: «Мусульманское гражданское право, регулируя частную собственность, считает главным собственником всего существующего Аллаха. Поэтому пророк Мухаммед не считал частной собственностью ни землю, ни водные ресурсы»⁸⁶. Что ж, проблема сложная, и в светских правовых системах споры по ней до сих пор не исчерпаны. В источниковедческом плане представляет интерес совместное сосуществование правовых норм шариата и обычного права. В статье М. А. Супатаева отмечено, что арабские миссионеры с самого начала пытались полностью внедрить в Казахской степи законы шариата. С этой целью они вели усиленную пропаганду норм шариата, указывая на их общие, схожие места с обычным правом казахов, сопоставимость культур, обрядов и быта. Тем не менее, в Казахской степи нормы шариата и обычное право, суд биев существовали параллельно⁸⁷, причем бесконфликтно, это представляло, выражаясь современным языком, особый правовой плюрализм, традиции которого проявляются ныне в культурно-этническом

⁸⁶ Мусульманское право / Под ред. М. А. Сарсембаева. — Алматы: Данекер, 2019. — С. 58.

⁸⁷ М. А. Супатаев. Обычное право и правовой плюрализм // Государство и право. — 1999. — № 12. — С. 117–118.

плюрализме, мирном развитии постсоветского Казахстана, которое на территории СНГ оценивается как уникальное явление. Не вдаваясь в существо конкретных критических замечаний, следует констатировать справедливость концептуальных положений и предложений доц. Р.Т. Окушевой. К тому же, становится недоброй традицией существенно изменять только что принятые нормативные акты. Начиная с Конституции, такая судьба постигла Закон Республики Казахстан «О государственной службе»; после внесения многократных изменений и дополнений был принят новый Конституционный Закон «О судебной системе и статусе судей в РК»; если продолжать — перечень получится большой. Взаимное изучение опыта национального законодательства государств и заимствование лучших решений способствуют, в конечном итоге, процессу сближения и унификации законодательств. Такой процесс, в конце концов, приведет к тому, что противоречия и коллизии будут уменьшаться, ибо государства, естественно, будут выбирать наилучшие решения правового регулирования определенного вопроса и устранять имеющиеся различия в национальном законодательстве⁸⁸.

Правовые обычаи и традиции представляют составную часть общих обычаев и традиций. Их источниками были первобытные обычаи и традиции, входившие в религиозные и нравственные нормы. И в последующие эпохи право и правосознание активно опирались на складывающиеся в обществе новые обычаи и традиции. Истории права известны целые правовые системы, построенные, в основном, на санкционированных государством обычаях, — обычное право, или, как его именуют теперь, народное, аборигенное, фольклорное право. Правовые обычаи и традиции от многократного повторения вырабатывают в сознании и поведении правовые навыки и правовые привычки. Все эти элементы правовой культуры свиде-

⁸⁸ А.Х. Саидов. Сравнительное правоведение и законотворчество. Открытые лекции Второго международного научного семинара «Сравнительное правоведение: современное состояние и перспективы развития. Серия научно-методических изданий. — Академия сравнительного правоведения. — Киев — Симферополь: Логос, 2017. — Вып. 2. — С. 14.

тельствуют о преемственности ее достижений, которые обогащают правовую систему.

Как напоминает кандидат юридических наук, доцент Ж. Н. Альмухамбетов, «обычное право как система социальной регуляции основывается на обычных нормах, регулирующих все стороны жизни общества. Так же как и во всех обычно-правовых системах тюркоязычных кочевников в обычном праве казахского общества кланово-родовое право являлось одной из основных отраслей»⁸⁹.

О традиционном судеустройстве и судепроизводстве в Казахстане с восторгом, восхищением и удивлением (без всякого преувеличения) отзывались многие российские чиновники, служившие в Омске, Оренбурге, Акмолинске, Семипалатинске, Семирежье. Так, специальный чиновник по особым поручениям при Оренбургском военном губернаторе д'Андре в 1846 году, собрав материалы по казахскому обычному праву, описывал суд биев как суд народный, беспристрастный, материально не заинтересованный. «Все дела, требующие суда,.. в орде производятся преимущественно биями, как главными представителями народного права»⁹⁰.

Термин «народное право» невозможно истолковать иначе, чем естественное право. «Бий, — продолжает д'Андре, — по назначению своему должен обсуждать дело каждого, удовлетворять обиженного или наказывать преступника, не отдавая отчета никакой другой власти, кроме собственной своей совести, без всякого сомнения, может занимать место в орде, недоступное, может быть, и для самих султанов. Поэтому не сила власти или богатства заставляет ордынцев прибегать к разбирательству бия, но собственное влечение искать человека, избранного самим народом для общего своего блага»⁹¹. Чем это не достойный суд правового государства и гражданского общества?

⁸⁹ Ж. Н. Альмухамбетов. Сущность и исторические судьбы казахской обычно-правовой системы. — Учебное пособие. — Астана: Академия финансовой полиции, 2016. — С. 25.

⁹⁰ Материалы по казахскому обычному праву. — Алматы: Жети-Жаргы, 1998. — С. 124.

⁹¹ Там же. С. 125.

Особо знакомит своих читателей д'Андре с личностью казахских судей: «Природный ум, особые душевные качества, с присоединением к тому опытности и примерной приветственности, есть качества и вместе с тем достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя... Звание бия не наследственное. Бий соединяет в себе права казия, муллы и некоторым образом власть султана в том отношении, что ни род притензии, ни важность преступления не могут препятствовать ему в своем суде. Главная обязанность его — водворять и поддерживать в аулах спокойствие немедленным разбирательством жалоб и через это самое прекращать распри при самом их начале, не давая повода к вражде или продолжительному спору».

Как это не похоже на скрипучую телегу правосудия, дрящущегося годами, иногда до полного забвения предмета спора не только общественностью, но и самими конфликтующими сторонами. И снова д'Андре: «Кроме всеобщего уважения, бий никакими особыми правами или привилегиями в орде не пользуется. Хорошая молва в народе о беспристрастном суде бия — единственное его отличие от простолюдина»⁹².

Чтобы не заподозрить д'Андре в субъективизме, некоем особом пристрастии, а может быть, в верхоглядстве, приведем и другие свидетельства: «Материалы по казахскому обычному праву и положения на них Омского временного комитета» (1824 г.), статью «Обычное право киргизов» И. А. Козлова, чиновника особых поручений Акмолинского областного управления (1882 г.).

«Прежде всего, киргизский суд, — писал И. А. Козлов, — народный суд, понимаемый в том смысле, что:

- 1) решения его основываются на народных юридических обычаях;
- 2) органы его — бии выбираются народом из своей среды»⁹³.

К понятию «народное право», употребляемому д'Андре, И. А. Козлов присоединяет «народный суд», «народные юридические обы-

⁹² Материалы по казахскому обычному праву. — Алматы: Жети-Жаргы, 1998. — С. 126.

⁹³ Там же. С. 127.

чай». Следует обратить внимание на то, что мы, используя часто понятие «обычное право», затрудняемся объяснить его статус при сравнении с правом, так сказать, государственным. Нередко получается, что обычное право вроде и право, и в то же время не совсем право — какая-то неопределенность с точки зрения социалистической традиции.

Термином «юридические обычаи» И.А. Козлов, на наш взгляд, категорически подчеркивает подлинно правовой характер норм обычного права. И прилагательное «народный» в отношении права и суда употребляется в подлинном значении этого слова, в отличие от лицемерного и извращенного содержания советского «народного» суда, управляемого партией и советами по «телефонному праву», не изжитому до сих пор.

Далее И.А. Козлов отмечает нравственные и культурные черты традиционного казахского правосудия: «В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненною честностью, с природным даром соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа. Бий есть — живая летопись народа, юрист и законовед его. ... Киргизский суд — гласный, публичный, совестный, мировой. Гласность суда обуславливается его публичностью...»⁹⁴. Но с этим связаны отдельные недостатки судебного процесса, его шероховатости. О них И.А. Козлов пишет как профессионал-юрист, отмечая, что даже эта широкая публичность и крайняя заинтересованность присутствующих имеет свои довольно квалифицированные формы нейтрализации. «По ... естественной группировке родовичей на суде можно предположить, что существующая ныне у киргизов, часто применяемая форма третейского суда, когда обе стороны избирают каждая особого бия и, по взаимному соглашению, ставят между ними посредника, есть вероятное изменение существовавшего у них обычая, по которому тяжущиеся стороны выбирали в судьи по одному из каждой группы»⁹⁵.

⁹⁴ Материалы по казахскому обычному праву. — Алматы: Жети-Жаргы, 1998. — С. 128.

⁹⁵ Там же. С. 129.

Третейский суд — еще одно подтверждение системного характера правосудия в традиционном Казахстане, его высококвалифицированного уровня, высокой правовой культуры. Третейский суд — негосударственный, гражданский суд — важный элемент самоуправляющегося гражданского общества.

Особо выделяет И.А. Козлов: «Но самыми светлыми сторонами киргизского суда являются постоянное обращение его к совести тяжущихся лиц и дух примирения, господствующий почти в каждом решении его»⁹⁶. Опять приоритет естественно-правовых начал, духа гуманизма и справедливости, компромиссных решений с учетом взаимных интересов конфликтующих сторон, а значит, и духа гуманизма и справедливости.

Но не может ли возникнуть сомнений в объективности коллежского асессора И.А. Козлова — слишком уж гармоничное состояние правосудия у номадов он обрисовал? Нет ли здесь какой-либо предвзятости, идеализации вольной жизни кочевников, преувеличения их свобод? Полагаем, что нет. Его статья «Обычное право киргизов», как отмечается в примечании к ней, написана на основании изучения судебных решений биев и в результате использования трудов Л.А. Словахватава, Г.С. Загряжского, Л.Ф. Баллюзека, И.И. Красовского, Л.Л. Мейера и др. Впоследствии И.А. Козловым были продолжены исследования и опубликован ряд работ и официальных документов-отчетов.

В правительственном официальном документе «Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета» (1824 г.) отмечается: «Бии и судьи за разбирательство дел никакой платы не получают, в противном случае, если бы кто к тому коснулся, лишается своих прав как пристрастный судья»; «Ежели из судей, кто истцу или ответчику будет подозрителен, тот судьбою быть не может, а назначается другой»; «Подозрения на судью могут быть законными: взятки или родство и тому подобное»⁹⁷.

⁹⁶ Материалы по казахскому обычному праву. — Алматы: Жети-Жаргы, 1998. — С. 130.

⁹⁷ Там же. С. 131.

Слово «взятка», пожалуй, единственный раз встречается на страницах книги по казахскому обычному праву и почти не упоминается о ней в других описаниях правоотношений в казахском традиционном обществе. Тем более, это удивительно в трудах и докладах российских ученых и чиновников, которых как представителей колониальных властей, казалось бы, часто должны были пытаться подкупить при их немалых полномочиях. Невозможно утверждать, что взяточничества вовсе не было; отечественные акыны, жырау, писатели и ученые с негодованием говорили и писали об этом зле. Но насколько можно судить по документальным источникам, кажется, что оно было не так широко распространено, как позже при тоталитаризме, и особенно в постсоветский период.

Думается, этому есть объяснение. Обычное право — право преимущественно естественное, справедливое, которое предполагает гласность, правдивость как действенные средства контроля общества над властью. Но поскольку у государства всегда есть неистребимое стремление выйти из-под контроля общества или ослабить его, чтобы скрыть противоправные деяния власть имущих, то наступление на гласность и стремление к принятию неправовых законов являются перманентными. Ни одна неправовая власть не может устоять против правды, против полной информации. Во многом это подтверждается стремительным крушением КПСС, тоталитарного режима, советской империи, социалистического лагеря, Варшавского договора, псевдопролетарского интернационализма и др. Поэтому предельные открытость, публичность судебных процессов биев не позволяли разгуляться стяжательским наклонностям судей, да и морально-нравственный климат был иной, доброе имя, «хорошая молва», «всеобщее уважение» (д'Андре) очень дорого стоили.

Итак, мы фактически уже начали говорить о четвертой власти — общественном мнении, степени развития общественного контроля, свободы слова, критики. О доступности «толп любопытных» к обсуждениям в «Собраниях народных», как уже сказано, отмечал А. И. Левшин. Предельные гласность и публичность судов биев были

неоспоримыми. Зрители в Парламент не допускаются, это еще можно понять — законодателей нужно оградить от шума и эмоций «большаков», но ведь и журналистов нередко лишают возможности присутствовать на заседаниях — интересами государственной тайны прикрывается что угодно, скажем, назначение материального обеспечения депутатов, министров и т.д. Закрытые судебные заседания становятся не исключением из правила и близки к превращению в правило.

В традиционном Казахстане общественное мнение формировали многочисленные акыны и жырау, оно было весьма действенным, власти не могли не прислушиваться к ним, например, отношение хана Абылая к Бухар-жырау. «Закону о свободе печати в Швеции 300 лет», — часто напоминают нам, чтобы наша «дикость» выглядела более убедительной и неоспоримой. Но незнание собственной истории из-за длительного запрета не позволяет многим ответить при этом: «А законам хана Касыма почти 500 лет». В них одним из первых сформулирован принцип: «Бас кесу — бар, тил кесу — жок», означающий буквально: «Лишение головы — возможно, лишение языка — нет». Смертная казнь полностью не отменена до сих пор (только мораторий), а преследования за слово-критику не было в традиционном Казахстане.

Таким образом, единую, стройную, полную государственно-правовую систему, как показатель высокой правовой и политической культуры, имели в Казахстане. Годы имперского и тоталитарного засилья лишили многих правовых ценностей — соответствующего обычному, народному, естественному праву правосознания, осознанной необходимости жить по закону и даже сознания и чувств гражданственности. Отсутствие массовой гражданственности или ее зародышевое состояние являются значительным тормозом формирования правового гражданского общества.

В этой связи академик НАН РК М. Т. Баймаханов приводит любопытный пример и связанные с ним примечательные суждения. Как отмечается в научной литературе, Александру II якобы принадлежат слова: «Я готов дать гражданам конституцию, но где гражда-

не?» «При всей афористичности этого высказывания, — размышляет М. Т. Баймаханов, — в нем вырисовывается постановка вопроса о степени зрелости общества, его ментальности, дееспособности, готовности к восприятию идей конституционализма. Оказывается, конституция рассчитана не на всякое общество, не на всякое население. Последнее, грубо говоря, должно «дорастить» до конституционализма... Такая же связь существует между идеями правового государства и ментальностью населения. Последнее только тогда в состоянии воспринять первые, когда оно достигло определенной степени политической и правовой зрелости»⁹⁸.

Все эти перечисленные духовные факторы — «степень зрелости общества», «ментальность», «дееспособность и готовность к восприятию конституции», «правовая зрелость» — являются факторами общей и правовой культуры. Любая культура имеет национальное содержание, а не только — национальную форму, как утверждалось при социализме. Правовая культура, с нашей точки зрения, не есть исключение. Между тем преобладающее игнорирование этого обстоятельства налицо — о «французской» конституции уже говорилось, в ходу еще «модельные» кодексы и законопроекты, « типовые образцы » нормативных правовых актов, обоснованные тезисом: «Зачем заново изобретать велосипед?». Феномены культуры нельзя сопоставлять с достижениями науки и техники, человеческое негоже сравнивать с металлическим. Поэтому и при формировании правовой системы необходимо учитывать национально-культурные традиции, достижения, национальные факторы и аспекты этой системы.

Прежде всего, с мировоззренческих, культурологических, ценностных позиций нужно изучать и оценивать казахское обычное право, представляющее также не разрозненный, хаотичный набор разновременных норм, а стройную, единую, гармоничную правовую систему со своей историей, преемственным развитием, есте-

⁹⁸ М. Т. Баймаханов. Проблема этатизма и ориентация на преимущественное использование правовых ценностей // Правовая реформа в Казахстане. — 2009. — № 3. — С. 7.

ственно-правовыми основой, принципами, институтами, нормами, учреждениями, гарантиями эффективности применения и результатов.

О казахском обычном праве исследований написано немало в досоветский период, в советское время также публиковались отдельные книги и статьи, более обновленный подход к этому правовому наследию содержится в изданиях последних лет, раскрепощенных от тоталитарной цензуры. Заметными произведениями стали книги: З.Ж. Кенжалиев, С.О. Даулетова. *Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.)*⁹⁹; К.А. Алимжан. *Доктрина обычая (обычного права) в судебной практике РК*¹⁰⁰, а также статьи и рецензии в периодических изданиях. Все они имеют особый аспект исследования. Делается в этом направлении немало, но еще недостаточно.

Обычное право, в основном, рассматривается как система права, из правовой системы к нему присоединяется лишь частично исследованный институт — суд биев. В системе обычного права необходим более тщательный анализ субординации его отраслей, их взаимосвязей и взаимодействия. Обычное право, будучи правом естественным, в традиционном обществе было одновременно и законом, не проводилось различий между нормами обычного права и законами, а узаконение ханской власти, как правило, не расходилось с обычаями, либо не вступало с ними в существенные противоречия. Теперь же правовая ситуация в этом отношении кажется парадоксальной: обычное право в советское время называлось и сейчас называется правом, а законом оно почти не являлось, эпизодическую его трансформацию в закон мы наблюдаем в наши дни. В то же время значительный положительный потенциал традиционной правовой системы никем открыто не отрицается, но в практике законодательства и правоприменения он по большей части игно-

⁹⁹ З.Ж. Кенжалиев, С.О. Даулетова. *Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.)*. — Алматы: Ғылым, 1993. — С. 27.

¹⁰⁰ К.А. Алимжан. *Доктрина обычая (обычного права) в судебной практике РК // Правовая реформа в Казахстане*. — 2019. — № 3. — С. 37–43.

рируется. В частности, небезынтересно, что даже в условиях царского самодержавия в 60–90-х гг. XIX века в Казахстане в значительной мере сохранялось местное самоуправление¹⁰¹.

В патриархально-феодалном обществе казахов скот был основным объектом частной собственности, основой классового господства. Это обстоятельство, кстати, отразилось и в терминологии казахов, которые называли скот «даулет», т. е. богатство, в отличие от всякого иного имущества, именуемого «мульк».

До XIX в. важнейшее после скота место в ряду объектов права собственности занимали рабы. Царское правительство стало вводить некоторые ограничения рабства только в XIX в. «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. еще сохранял рабство в Казахской степи, запрещая лишь приобретать в рабство «природных киргизов». До этого правительство занималось лишь регламентацией порядка, когда род вследствие многочисленности делится на постоянные родовые части, возникают тамги родовых подразделений.

В наше время историки Казахстана не сомневаются в том, что уже тамги XVIII в. были знаком семейной собственности. Однако сообщения Н. А. Аристовой о «ненужности» семейных там не лишены для нас некоторого значения. Они показывают, что появление семейных тамг могло иметь место гораздо позднее, нежели появление семейной собственности, и предостерегают от отождествления этих двух моментов в развитии семейной собственности.

Н. А. Аристов приводит убедительные доказательства чрезвычайной древности употребления тамг, и среди них указание на то, что знаки алфавита орхоно-енисейских надписей VIII в. н. э. «суть родовые тамги, употребляемые большей частью и поныне у киргиз-казахов». Исходя из того, что тамга есть знак родовой собственности, Н. А. Аристов приходит к выводу, что тамга употреблялась уже

¹⁰¹ М. М. Ахметов. Местное самоуправление в Казахстане в 60–90-х годах XIX века // Право и государство. — 2009. — № 3. — С. 19–21.

тогда, «когда личной и семейной собственности не существовало, а была только собственность родовая»¹⁰².

Судя по данным П. Е. Маковецкого и Н. И. Гродекова, во второй половине XIX в. характер семейной собственности не изменился, принцип неограниченного права собственности домовладыки на имущество семьи укрепляется. Невыделенные сыновья теперь не могут иметь отдельного имущества. Все нажитое ими поступает в непосредственное распоряжение их отца¹⁰³. Н. И. Гродеков сообщает, что казах, случается, крадет сделанный им подарок у одаренного, не получив на подарок согласия родни, ибо ему стыдно просить вернуть подарок. Здесь в роли дарителя-вора, конечно, выступает не глава семьи, а подвластный член семьи. То, что он вздумал делать подарки из семейного имущества, и то, что такой подарок был у него принят, нельзя расценивать просто как нарушение им права семейной собственности. Он, скорее, приверженец старых традиций.

Начаты отдельные исследования традиционной правовой системы в общем контексте современных проблем гражданского общества и правового государства и под углом зрения трудно развивающейся правовой реформы. К. А. Алимжан уверен: «Основной целью осуществляемой в Республике Казахстан правовой реформы является формирование национальной правовой системы. Одним из основных принципов ее должна быть преемственность правовой культуры. В этой связи одним из факторов, которые во многом могут способствовать эффективности правовой реформы, следует признать учет и использование по мере возможности правового наследия казахского народа. В частности, при проведении судебно-правовой реформы возможно и необходимо изучение и использование актуального в настоящее время опыта в недавнем про-

¹⁰² Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. — 1896. — Год шестой. — вып. III–IV. — С. 277–456.

¹⁰³ Материалы по казахскому обычному праву. — Алматы: Жети-Жаргы, 1998. — С. 134.

шлом важнейшего традиционного социально-правового института — суда биев»¹⁰⁴.

Одно замечание хотелось бы высказать в связи с утверждениями К. А. Алимжана. Мы вполне согласны с «основной целью», с тем, что: правовая система должна быть «национальной», а одним из основных ее принципов — «преемственность правовой культуры», необходимо «использование правового наследия казахского народа». Об этом прямо упоминается в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года.

Выше немало говорилось о правовой культуре и взаимосвязанной с ней политико-правовой системе традиционного казахского общества. Но у нас как-то дела нередко ограничиваются общей констатацией без рассмотрения вопросов, насколько эти традиционные достижения применимы в настоящее время? Чаще всего имплицитно предполагается как само собой разумеющееся, что да, традиционные достижения и наследие впечатляют, ими надо гордиться, но... сейчас время другое, мир иной да и казахи не те...; поэтому вряд ли вернется то, что ушло безвозвратно; и могут ли они вписаться в современные высоко цивилизованные отношения?

Полагаем, более чем возможно, даже необходимо мнение, отличающееся от приведенного, и нам ничто не запрещает возразить суждениям, открыто высказываемым сейчас редко, но не переставшим существовать, ибо у них тоже есть свои резоны.

В ответ противникам обычного права и скептикам К. А. Алимжан приводит одно не менее существенное обстоятельство: «Одной из важных особенностей обычного судебного процесса было то, что бий обладал широкими дискреционными полномочиями, т. е. мог в достаточно широких пределах по собственному усмотрению толковать (например, расширительно) действовавшие обычно-правовые нормы и, соответственно, выносить решение. В принципе, в случае пробела и т. п. судья мог формулировать и новые нормы права на основе старых норм либо исходя из собственного ра-

¹⁰⁴ К. А. Алимжан. Суд биев как институт обычного права // Мысль. — 2017. — № 6. — С. 78.

зумения (здорового смысла, добрых нравов, справедливости). Однако усмотрение бия (дискреционные полномочия) имело определенные границы. Всякий бий при осуществлении правосудия руководствовался множеством наличных казуальных (конкретных) или общих норм права, требовавших конкретизации в соответствии с обстоятельствами применения. Общие нормы обычного права можно назвать нормами-рамками»¹⁰⁵.

Чем же эти дискреционные возможности казахского обычного права отличаются от подобных же полномочий судов в правовой системе западного общего права в современную эпоху? Особенностью права в странах англосаксонской правовой семьи (да и романо-германской тоже) является то, что оно состоит не только из юридических норм, сформулированных законодателем, но включает также и их толкование судьями. Закон — всего-навсего образец решения, которое предлагается судье. Он недостаточный источник конкретного решения. Данные судье юридические нормы и конкретная ситуация — лишь «сырье» для получения действительного права. Решение, которое выносит судья в результате толкования юридических норм, есть источник права, т. е. судья творит норму права. Законодатель, таким образом, не является высшим толкователем справедливости¹⁰⁶.

Нормы обычного права постоянно пополнялись и совершенствовались в процессе судебной деятельности ханов, султанов и особенно биев. Обычаи систематизировались в уложения, как, например, «Жеты-Жаргы» и другие правовые памятники, собирались и интерпретировались известными знатоками бийских установлений и решений, становясь достоянием сказителей, хранителей сказаний и обычаев, пропагандировались идеологами, аксакалами.

¹⁰⁵ К. А. Алимжан. Суд биев как институт обычного права // Мысль. — 2017. — № 6. — С. 81–82.

¹⁰⁶ Ю. В. Попков. Аборигенное право в системе взаимодействия традиционного и индустриального обществ // Гуманитарные науки в Сибири. — 1998. — № 1. — С. 103–107.

Практика суда биев дополняла и уточняла нормы обычного права и являлась важным формообразующим источником права, но эта практика суда биев до XIX века не оформлялась в письменном виде, что открывало возможности для любых решений в правоприменительной практике. Би́и ссылались на авторитет своих известных предшественников, особенно на Толе-бия, Айтеке-бия, Казбек-бия, вплоть до Майкы-бия. Обычное право казахов – это, в первую очередь, степное законодательство, связанное с их происхождением, местом кочевки и, несомненно, с хозяйством и бытом. Скотоводство являлось главным источником богатства. У казахов не могло быть индивидуальной земельной собственности; земля принадлежала всему народу. Из этого следует, что в казахском кочевом обществе фиксируется, частносемейная собственность на скот и продукты скотоводства, когда каждый член семьи имел определенные права на долю семейного имущества, в том числе, и на скот. Например, каждый из сыновей имел право на енши и на калым.

Кроме того, признавались право минимальной общины на кормовые угодья пастбищ вокруг зимовок, право группы расширенных общин на территории летовок (жайлау). Внутри группы общин права различных хозяйственных субъектов регулировались «правом первозахвата», которое не распространялось на зимовки (кыстау), которые принадлежали минимальной общине.

И, наконец, существовала собственность на водные источники в виде права «первого использования» на искусственные, и в виде «первозахвата» на естественные водоемы. Вода в степи имела большое значение. На ее добывание уходило много труда. Искусственными способами вода получалась проведением каналов и рытьем колодцев. По словам М.А. Супатаева, «для проведения нового арыка собираются по несколько человек из каждой кибитки. Из орошенной земли каждая кибитка получает участок соразмерно числу ее работников, дней работы и вообще потраченному труду; не участвовавшие в проведении арыка не получают участков.... Каждый, оросивший участок, имеет на него права: 1) потомственного владения; 2) потомственного пользования; он может отдавать его в арен-

ду; 3) распоряжения, потому что может его продавать, особенно если это поля с клевером»¹⁰⁷. То есть право «первого использования» аргументировалось либо усилиями, затраченными на создание искусственного водоема, либо давностью лет пользования или принадлежностью арыка или колодца предкам.

Иначе говоря, право собственности в казахском обществе распространяется, главным образом, на скот, пастбищные угодья, затем на постройки, сады, арыки, колодцы.

Немаловажным в обычном праве является и право в семейных отношениях. О взаимоотношениях между членами казахской семьи мы можем найти в записках и письмах капитана Н. М. Изразцова. Семья в казахском обществе представляла собой ячейку аула, состоявшего из нескольких родственных семей и зависимых пастухов, обедневших сородичей и семей рабов. Богатые феодалы образовывали несколько аулов — старшей жены, выделенных детей. В этих случаях несколько аулов составляли семейно-аульную общину¹⁰⁸.

Казахская семья не являлась хозяйственно обособленной ячейкой, она была связана с родственными семьями. Обычное право, определяя круг родственников, исходило из принципа экзогамии до седьмого колена родства. Семьи, входившие в круг экзогамного родства, сохраняли хозяйственное и общественное единство. Имущественные и иные споры внутри этой семьи не были подсудны бийскому суду.

Главой семьи считался отец, муж; жена (жены), дочери и даже матери были ограничены в правах. Муж и отец распоряжались всем имуществом семьи, но не в ущерб интересам семьи, рода. Так, отец имел право наказывать сына, но не мог лишать его права на выдел, обязан был выдать дочь замуж с приданым, выплатить кун за преступление рода. Глава семьи не имел права завещать имущество чле-

¹⁰⁷ М. А. Супатаев. Обычное право и правовой плюрализм // Государство и право. — 1999. — № 12. — С. 117–118.

¹⁰⁸ Н. М. Изразцов. Обычное право (адат) киргизов Семиреченской области. — Семейные союзы. — I. Союз брачный // Этнографическое обозрение. — 1897. — № 3. — С. 67–94.

нам другого рода. Нормы обычного права защищали интересы семьи и всего рода. При жизни мужа наравне с ним могла распоряжаться имуществом и жена, но не в ущерб детям и мужним родичам. Вдова распоряжалась имуществом до достижения сыновьями совершеннолетия и при условии проживания среди родичей мужа.

В несколько более привилегированном положении находилась старшая жена — байбише; при наличии веских оснований с разрешения суда аксакалов она могла оставить мужа и уйти к своим сородичам. Такого права не имела молодая жена (токал). В основном же обычное право не предусматривало правового ограничения младших жен, они были принижены морально, поскольку чаще всего были незнатного происхождения. Однако право и обычаи предусматривали возрастание калыма за вторую и последующих жен, если они являлись выходцами из привилегированных семей.

Обычным правом регламентировалось и правовое положение детей. Нормами обычного права не ущемлялись имущественные права второй жены и ее детей. Разграничивались права сыновей и дочерей, законнорожденных, усыновленных и детей, рожденных от рабынь. Дочь, выданная замуж, не могла претендовать на наследство родителей и родственников; родители могли засватать дочь, не спрашивая ее согласия; незамужней дочери причиталась половина наследственной части, полагающейся сыну. Разграничивались права выделенных и невыделенных сыновей. Невыделенный сын зависел от воли отца, иски сыновей с требованием выдела рассматривались аксакалами. Размер выделенного имущества не регламентировался. Основным (коренным) наследником считался младший сын (кенже), он получал все оставшееся имущество отца после выделения старших сыновей. Усыновленные дети приравнивались к родным детям усыновителя. Дети, усыновленные из другого рода, имели право только на часть наследства и могли вернуться в свой род.

Казахские традиции веками складывались из казахского кочевого образа жизни и прошли сквозь время, пространство и все преграды, которые ставило перед ними время, и дошли до наших дней не-

которые в своем неизменном, а некоторые и несколько деформированном состоянии. Но сам факт того, что сегодня казахский народ помнит и чтит пусть не все, но все же большинство своих традиционных обрядов, является несомненным плюсом и для дальнейшего развития нации. Независимо от того, что люди имеют сейчас, то, что было завещано им предками, безусловно, стоит особого внимания и подробного изучения. Ведь не с пустого же места появились всевозможные верования, обряды и обычаи. С традициями народ передает из поколения в поколение свои знания и наблюдения.

Ю. В. Попков, соотнося эту проблематику с правовым положением в постсоветских странах, отмечает: «Проблематика обычного права и правового плюрализма добавляет все новые аспекты в крайне интересную и драматичную ситуацию, складывающуюся в России и многих других регионах бывшего Советского Союза, где нормы местных «неофициальных» систем обычного и мусульманского права, казалось бы, находившиеся в состоянии бездействия на протяжении многих десятилетий, вопреки тому, что пишут в учебниках, оказываются действенными. Как единодушно отметили участники научно-практической конференции «Обычное право и его роль в формировании современной правовой культуры» (Ростов-на-Дону — Майкоп, 19–20 апреля 1999 г.), это явление нельзя не учитывать в современном правотворчестве»¹⁰⁹.

Как будто только что увидели существовавшее всегда: запрещали, не замечали, не хотели видеть; теперь убеждаемся в естественном характере обычного права, которое нельзя отменить как любой закон и даже Конституцию, не говоря уже об иных нормативных актах позитивного права. Сегодня заново приходится анализировать то, что традиционное право коренных народов Севера, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана признавалось российской администрацией вплоть до октябрьского переворота; «обычное право просуществовало, отмечают З. Ж. Кенжалиев и С. О. Даулетова, в условиях Советского Казахстана вначале как официальный источ-

¹⁰⁹ Ю. В. Попков. Аборигенное право в системе взаимодействия традиционного и индустриального обществ // Гуманитарные науки в Сибири. — 1998. — № 1. — С. 103.

ник права, а в дальнейшем как неофициальный всего 15–17 лет»¹¹⁰; фактически у мусульман действовали нормы адата и шариата.

Одной из главных проблем, отмеченных на конгрессе по обычному праву и правовому плюрализму, является исследование и выявление спектра практических возможностей обеспечения «упорядоченного существования» норм различных правовых систем в той или иной конкретной ситуации правового плюрализма. Насколько эта проблема касается или коснется в будущем Казахстана с его собственными конкретными условиями и возможностями, также, на наш взгляд, представляет актуальность для теоретико-правовых исследований с элементами правового прогнозирования.

Казахстан — светское государство, поэтому, казалось бы, вопрос о мусульманском праве не должен стоять. Но если предположить, что при подлинной свободе совести и отсутствии официальной идеологии и политики атеизма число верующих возрастает, то взаимоотношения государства с религиозными организациями и верующими гражданами будут усложняться. Как, скажем, совмещать дни религиозных праздников с рабочими днями, исполнение служебных обязанностей с отправлением религиозных обрядов и др.?

Казахстан — унитарное государство, а поэтому «упорядоченное сосуществование» у нас норм различных правовых систем будет в немалом отличаться от правоотношений в федеративном государстве. Но будут ли они менее сложными, трудно сказать. Проблемы, связанные с правовым плюрализмом, видоизменяются от ситуации, в которой сельский образ жизни в значительной степени оказывается традиционным до ситуации более высокого уровня модернизации в крупных городах. Но все эти факторы — этнические, религиозные, демографические — в конечном счете, подтверждают поистине универсальный характер такого многогранного, изменчивого и сложного явления, как правовой плюрализм, имеющий перспективы глубокого укоренения в современных государствах.

¹¹⁰ З.Ж. Кенжалиев, С.О. Даулетова. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). — Алматы: Гылым, 1993. — С. 3.

Данное положение весьма убедительно иллюстрируется на опыте Канады, где интеграция коренных народов Севера в западную цивилизацию происходит при довольно ощутимом сохранении ими своей самобытности. Ю. В. Попков показывает, что, вопреки различным прогрессистским теориям, в частности теории модернизации, традиционная правовая культура большинства народов мира не растворилась в потоке универсализации, а демонстрирует устойчивость своих базисных ценностей, существенно отличающихся от ценностей индустриального общества.

В течение нескольких последних десятилетий произошло массовое самоутверждение незападных культур, проявивших не только присущую им жизненность, но и своеобразие, способность сохранения своей специфики, несмотря на экспансию современных индустриальных технологий и формирование новых социальных структур. Наряду с этим, происходит фиксируемый многими исследователями сдвиг в системе международных отношений. Если раньше ее главными субъектами выступали государства, то в последнее время все большую роль в ней начинают играть транснациональные корпорации, межгосударственные и неправительственные международные организации. К числу последних также относятся конкретные народы и национальные меньшинства¹¹¹.

Произошло это не сразу. В эпоху господства во взглядах на перспективы общественного развития парадигмы модернизации нормы права в отношении коренных народов как на международном, так и на национальном (применительно к отдельным государствам) уровнях, были ориентированы на включение их в общий цивилизационный процесс на основе ценностей индустриальной культуры. Так, Конвенция Международной организации труда (МОТ) «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах», принятая в 1957 г., провозглашала необходимость интеграции аборигенных народов в доминирующее общество. Сохранение корен-

¹¹¹ М. А. Супатаев. Обычное право и правовой плюрализм // Государство и право. — 1999. — № 12. — С. 103.

ными жителями традиционных обычаев и институтов допускалось, но речь при этом шла только о тех из них, которые совместимы с общегосударственным правопорядком и целями программ интеграции. Безусловный приоритет отдавался внедрению во всех сферах жизни единых стандартов доминирующего общества.

Одной из главных проблем, отмеченных на конгрессе по обычному праву и правовому плюрализму, является исследование и выявление спектра практических возможностей обеспечения «упорядоченного существования» норм различных правовых систем в той или иной конкретной ситуации правового плюрализма. Насколько эта проблема касается или коснется в будущем Казахстана с его собственными конкретными условиями и возможностями, также, на наш взгляд, представляет актуальность для теоретико-правовых исследований с элементами правового прогнозирования.

Универсализация обычного права, похоже, становится необратимым процессом. Как отмечает К. А. Алимжан, международно-правовая доктрина установления обычая ныне широко признана и продолжительное время применяется в национальных судах стран, признающих международное обычное право. Например, США, как и другие страны «общего права», традиционно придерживаются того мышления, что международное обычное право является составной частью национального права. Согласно английской доктрине прецедента, проблема отнесения конкретного вопроса к праву или факту сама по себе составляет вопрос права¹¹².

Можно констатировать, что вместе с громадными переменами в мире большие изменения претерпевают и правовые системы, которые являются не только объектами этих преобразований, но и их активными субъектами. Национально-правовая «самодостаточность» каждой страны, не утрачивая своих истоков, испытывает все более мощное влияние других правовых систем. По нашему мнению, большая роль в исследовании и оценке этих процессов должна принадлежать сравнительному правоведению. Международно-правовая си-

¹¹² К. А. Алимжан. Доктрина обычая (обычного права) в судебной практике РК // Правовая реформа в Казахстане. — 2019. — № 3. — С. 37.

стема тоже взаимодействует с национально-правовыми системами. Правовая сфера гражданского общества и мирового сообщества насыщена разными средствами правового регулирования¹¹³.

Нынешний Казахстан — светское государство, и здесь нет серьезных внутренних сил, призывающих к возрождению и широкому распространению мусульманского права, которое в прошлом оказало значительное влияние на историю, культуру, национальное самосознание казахского общества и государства, как бы мы ни похвалялись совсем недавно тем, что казахи среди всех исповедовавших ислам народов были в религиозном отношении самым недисциплинированным народом. Это, кстати, не подтверждается, если судить по творчеству аль-Фараби, Ж. Баласагуни, Абая и многих других выдающихся представителей народа. Может быть, что-то можно позаимствовать из правовых форм мусульманского права и наполнить их светским правовым содержанием? Это было бы более плодотворным, нежели непрерывно меняя, примерять то западные, то дальневосточные костюмы. Слегка перефразируя великого А. С. Пушкина, можно сказать: панталоны, фрак, жилет — всех этих слов в казахском ... нет. А чем плохо то, что в Республике Калмыкия в основу Конституции положено древнее собственное Степное уложение?

В заключение отметим, что следует обратить серьезное внимание не только на правовую систему традиционного казахского государства, но и посмотреть внимательнее на рациональные моменты мусульманского права и судов кази. В Казахской степи нормы шариата и обычное право, суд биев существовали параллельно¹¹⁴, причем бесконфликтно, это представляло, выражаясь современным языком, особый правовой плюрализм, традиции которого проявляются ныне в культурно-этническом плюрализме, толерантности, мирном развитии постсоветского Казахстана, которое на территории СНГ оценивается как уникальное явление.

¹¹³ З.К. Аюпова., Д.У. Кусаинов. Казахское обычное право. — Учебное пособие. — Алматы: АГУ им. Абая. — 2014. — С. 7.

¹¹⁴ З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов. Традиционное государство и право. — Коллективная монография. — Том 1. — М.: Юрлитинформ. — 2020. — С. 10.

§ 2.2. Русское крестьянство на Алтае, взаимоотношения с коренным тюркским населением

*И в Сибири светит солнце.
Народная поговорка*

«Знакомство русских с Сибирью, с землями, лежащими за Уральскими горами, или, как говорили в старину «за Камнем», уходит в далекое прошлое. Однако интенсивное освоение русским народом этого обширного края началось лишь с последних десятилетий XVI в.»¹¹⁵. Появились русские крестьяне и на территории верхнего Приобья. Однако еще в течение долгого времени Русское государство не могло стать здесь крепкой ногой. Постоянные набеги телеутов и джунгар исключали всякую возможность перенести на данную территорию русский крестьянский быт. И только к середине XVIII в. русский мужик — сначала только с промысловыми целями, а потом уже и как пахарь и приписной труженик — стал по-настоящему знакомиться с Алтаем.

Алтайские крестьяне не знали помещичьей власти. Поселившиеся здесь (а это, как правило, были беглые из Великой России, старообрядцы, «гулящие люди») по прошествии определенного времени записывались в государевы крестьяне и облагались оброком. Многие из них затем превратились в приписных алтайских заводов. Лишь казаки, раздвигавшие границы государства, первое время не оброчились, а получали за свою службу «беломестную» землю, не обложенную податями. Но как только граница отодвигалась и казачье поселение оказывалось в тылу, администрация незамедлительно уравнивала казаков с остальными земледельцами.

Такой состав первых русских земледельцев на Алтае (беглые, старообрядцы, казаки) придавал определенную специфику взаимоотношениям крестьянства с властью. Сначала мы видим желание избежать всяких контактов с администрацией, намеренное селе-

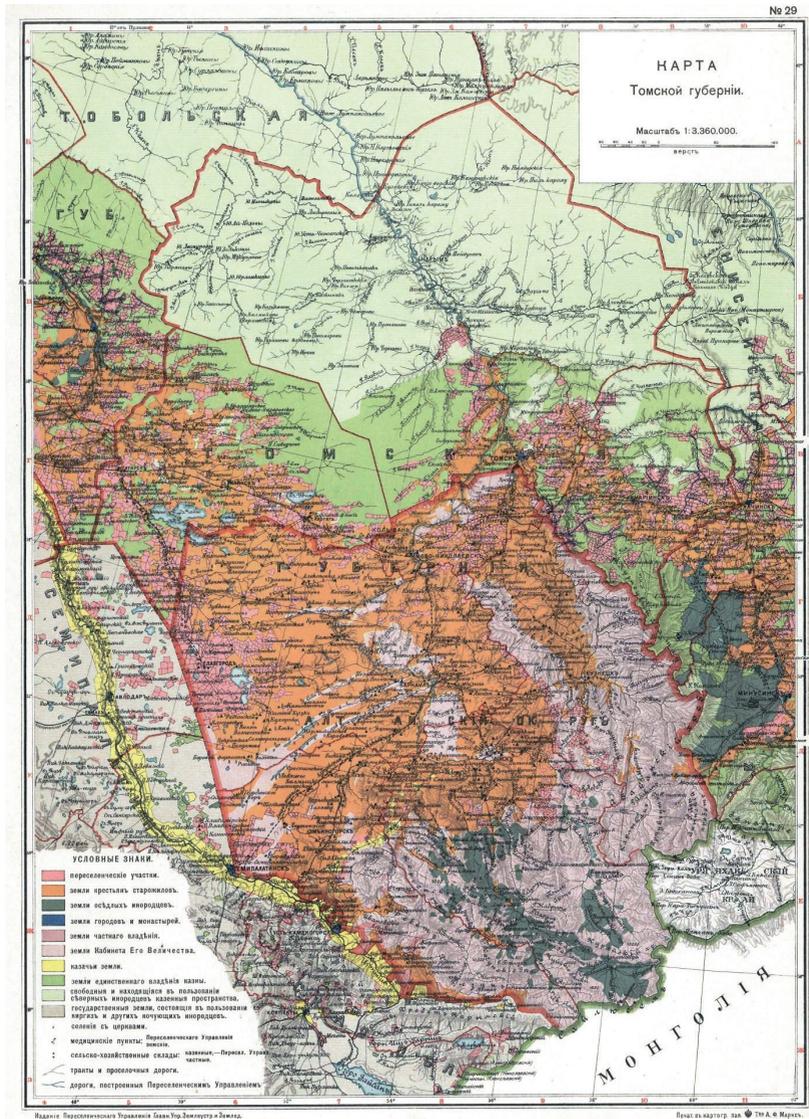
¹¹⁵ Булыгин, Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Алт. кн. изд. — 1974. — С. 5.

ние «в пустых местах». При этом выжить в таких условиях в одиночку было невозможно — крестьянство инстинктивно устраивает свою жизнь на общинный лад. Разросшаяся община, деревня уже не могла оставаться незаметной. Причем не только для русской администрации, но и для порой враждебных туземных жителей. Поэтому новообразованные крестьянские общины, следуя своему историческому предназначению, тянутся за защитой к русской администрации, позволяя записать себя за Государя и получая от него защиту. Русское крестьянство и Русское государство вновь сливаются воедино. «Местная администрация даже не ставила вопроса о высылке самовольных переселенцев: люди в Приобье были нужны»¹¹⁶. Русская цивилизация распространялась не столько силою оружия, сколько стараниями своего мирного люда.

При этом «заселение русским крестьянством верхнего Приобья не сопровождалось притеснениями местного населения». И, наоборот, «крестьянской колонизации телеутские кочевья не мешали»¹¹⁷. Объяснение этому кроется в различии укладов двух столкнувшихся миров: земледельческого и скотоводческого. История подталкивала их, скорее, к сотрудничеству, чем к вражде. Известны соглашения, по которым туземное население предоставляло новоприбывшим землю под пашню в вечное пользование, а те, в свою очередь, обещались не облавливать местные охотничьи угодья. Острых конфликтов удалось еще избежать потому, что ко времени заселения верхнего Приобья русскими телеуты в большей части откочевали к югу. Б.Н. Миронов пишет: «Русские никогда не загоняли туземное население в резервации, не отбирали земли, находившиеся в хозяйственном обороте, ограничиваясь, как правило, пустующими участками.

¹¹⁶ Булыгин, Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Алт. кн. изд. — 1974. — С. 34.

¹¹⁷ Булыгин, Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Алт. кн. изд. — 1974. — С. 30.

Карта Томской губернии по состоянию на 1914 год. Атлас Азиатской России / Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. — Г. В. Глинка, И. И. Тхоржевский, М. А. Цветков. — 1914.

При этом представителям других этносов не запрещались миграции ни в пределах империи, ни за ее пределы, и они в такой же примерно степени переселялись на собственно русские земли, в какой русские переселялись на присоединенные»¹¹⁸. А статус инородца, введенный сословным законодательством в 1822 г., вовсе не заключал в себе ничего унижительного или обидного; инородцы по своим правам приближались до 1860-х гг. к государственным крестьянам, после — к сельским обывателям и управлялись по «законам и обычаям, каждому племени свойственным»¹¹⁹. В случае конфликта между новоприбывшим крестьянином и туземным кочевником срабатывал старый принцип: *«Живи — и жить давай другим»*.

А. А. Кауфман свидетельствует, что именно русский крестьянин научил бывшего бурятского, якутского, киргизского кочевника сенокосению и земледелию, показал ему новые способы обработки земли, научил обращаться с косой-литовкой (до этого кочевые народы использовали в основном серп и мотыгу). Речь не идет о буквальном научении: первое время, как правило, кочевники отдавали закрепленные за ними земли в аренду русским крестьянам-переселенцам, через что подспудно усваивали азы земледелия. В то же время не стоит идеализировать поведение общинников, романтизация взаимоотношений двух культур также будет неверной. Взаимодействие русской крестьянской общины с соседствующими нерусскими народностями не лишено как светлых, так и темных сторон. Доходило и до вовсе недружественных столкновений по поводу земли. В. В. Русанов указывает на агрессивность некоторых крестьян-переселенцев на Алтае по отношению к коренному населению¹²⁰, когда первые устраивали захваты земель вторых.

¹¹⁸ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) в 2 т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. / СПб. — Изд-во «Дмитрий Буланин». — С. 20.

¹¹⁹ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) в 2 т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. / СПб. — Изд-во «Дмитрий Буланин». — С. 32.

¹²⁰ См.: Русанов, В. В. Национальный суверенитет и процессы суверенизации Горного Алтая (в первой четверти XX в.). / В. В. Русанов. / Барнаул. — Изд-во АлтГУ. — 2010. — 157с.

Но мы также должны упомянуть, что коренное население всегда владело большим количеством земель, нежели русские переселенцы. Так, в Енисейской губернии на конец XIX в. у крестьян приходилось в среднем на наличную мужскую душу по 29, у инородцев — по 40 удобных десятин; в Иркутской губернии — у первых 24, у вторых 38 десятин; в Забайкальской области у крестьян — всего по 16, у инородцев — по 57 десятин¹²¹. В отношении алтайских крестьян встречаем, что к середине XVIII в. редкий хозяин мог похвастаться пашней более 2 десятин¹²². Огромное же число поселенцев довольствовалось и того меньшим — 1 десятиной земли. Ю. С. Булыгин свидетельствует, что из 523 семей и одиноких поселенцев в 1752 г. на Алтае только 5 имели запашку свыше 10 десятин¹²³.

Приведем пример: «В 70-х гг. XVIII в. канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства долгое время разбиралась в конфликте приписных крестьян Чаусского ведомства с чатскими татарами из-за земельных угодий. Князь чатов Кызаш Иштеков представил ряд документов на право владения землей, один из которых был датирован еще 1691 г. Канцелярия горного начальства приказала управителю Беликову разобраться и, если крестьяне действительно распахали землю чатов, вернуть ее. Первоначально разбирательство оказывалось не в пользу чатов, но в конце концов пришлось признать их права. Канцелярии горного начальства пришлось отступить перед весомыми документами»¹²⁴ (ГААК. Ф1. Оп. 1. Д. 678. Л. 253–254). Право коренных народов на исконно принадлежавшую им землю в основном признавалось и уважалось.

Переселявшиеся на Алтай крестьяне не были беспомощными, хоть и прибывали сюда порой в полуразоренном состоянии, как то-

¹²¹ Кауфман, А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. / А. А. Кауфман / М. — 1908 (Либроком — 2011). — С. 229.

¹²² Булыгин, Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Алт. кн. изд. — 1974. — С. 30.

¹²³ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 7.

¹²⁴ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 127.

гда говорили, «душой», т. е. без всякого имущества. На своих плечах они принесли огромный опыт земледелия, причем земледелия в экстремальных условиях, т. к. многие переселенцы были родом из северных губерний. Со своей прежней малой родины они бежали в связи с бурными военно-политическими событиями начала XVIII в. В области же скотоводства, наоборот, джунгары и телеуты выступали учителями: делились племенным скотом, ведущимся в этих краях. «В отличие от земледелия, которое алтайскому да и вообще сибирскому крестьянину приходилось начинать буквально на пустом месте, поскольку аборигенное земледелие почти отсутствовало, скотоводство русских могло опереться не только на опыт, но и на наличное поголовье скота у сибирских татар и южных кочевых соседей»¹²⁵. Идти со своим скотом через Камень (Уральские горы) русское крестьянство не решалось — слишком велик был переход. К тому же обладающий большим хозяйственным опытом крестьянин понимал, что те породы домашнего скота, которые верно служили ему на Великорусской равнине, не смогут быстро приспособиться к жестким природным условиям Западной Сибири. Потому «с самого начала существования в Сибири пограничных крепостей в них кочевники меняли скот на русскую продукцию. Так было и в Верхнем Приобье. Джунгары пригоняли для продажи лошадей к Усть-Каменогрской крепости, к Колывано-Воскресенскому заводу»¹²⁶, в 30–40 гг. XVIII в. «на Колывано-Воскресенских заводах шла крупная торговля с калмыками»¹²⁷, которые покупали главным образом хлеб.

Под влиянием русского земледельца многие туземные племена перешли к оседлому образу жизни, завели пашни, огороды и пасеки. Причем коренное население оседало «не только вблизи русских

¹²⁵ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 42.

¹²⁶ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 42.

¹²⁷ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 92–93.

крестьян, но даже в одних населенных пунктах с ними»¹²⁸. Это характеризует именно вселенское мироустройство, принесенное крестьянской общиной на Алтай. Так, из поименной переписи населения деревни Вагановой, располагавшейся в южной части ведомства Сосновского острога, видим, что в числе 27 дворохозяев числится 1 «крещенный ясачный И. Я. Завьялов»¹²⁹. Характерно, что этому новому члену, этнически не принадлежавшему к великорусскому племени, община тут же присваивает русское имя «Завьялов». Тем самым крестьянский мир демонстрировал окончательное включение нового члена в свою орбиту (заметим, без какого-либо этнического или имущественного ценза, а только в силу духовной общности). «Установка «мы» — русские и «они» — нерусские никогда не имела у русских, в особенности у крестьянства, столь абсолютного значения, как у большинства европейских народов. Под словом «мы» русские признавали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю»¹³⁰.

При этом далее из анализа имущественного состояния жителей деревни Вагановой, проделанного Ю. С. Булыгиным, явствует интересный факт: по количеству лошадей, крупного рогатого скота и овец И. Я. Завьялов занимает второе место среди всех домохозяев. И если для средней крестьянской семьи характерно было наличие 3–4 лошадей, то у И. Я. Завьялова их было 86 шт. Это вновь подтверждает открытость русской общины местному населению, отсутствие непримиримых противоречий между кочевником и русским крестьянином, куда бы последний не приходил.

В связи с заинтересованностью администрации в развитии горной промышленности большая часть первопоселенцев была приписана к Кольвано-Воскресенским заводам. На приписных крестьян по сравнению с обычными государственными повинностями на-

¹²⁸ Булыгин, Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Алт. кн. изд. — 1974. — С. 105.

¹²⁹ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 56.

¹³⁰ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) в 2 т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. / СПб. — Изд-во «Дмитрий Буланин». — С. 34.

лагалась обязанность обеспечивать деятельность заводов: служить подводами, поставлять продовольствие, быть непосредственной заводской рабочей силой¹³¹. То, что к этому делу были привлечены крестьяне, а не свободная рабочая сила, объясняется тем, что свободной рабочей силы в данном регионе просто не было.

Крестьянская община на Руси решала проблему прироста населения не вытеснением новых членов в город, а переделом земли. Это вело к уменьшению земельного надела на душу населения, но соответствовало религиозному идеалу крестьян — «отдать последнее», «в тесноте, да не в обиде». В связи с этим деревня производила изгоев из своей среды в гораздо меньшем количестве, чем то мы наблюдаем в истории других народов. Потому-то у правительства не было иного варианта, как привлечь в развивающуюся горную промышленность Алтая зависимое население. «Приписной крестьянин прикреплялся правительством к заводу и вместо уплаты подушной подати и оброка был обязан работать на казенных и частных заводах и фабриках»¹³². Такая отработка занимала у крестьянина в год от 1 до 2 месяцев. Кроме того, что крестьяне использовались как неквалифицированная рабочая сила при добыче руды, выжиге угля, перевозке грузов и пр., приписная деревня параллельно справлялась и со своей основной социальной функцией — продовольствование городов и крепостей. Позже деревня стала кузницей и квалифицированных кадров.

Следует обратить внимание на тот факт, что все поселенцы (будь то добровольные поселщики или ссыльные) администрацией зачислялись в одну категорию — «государственные крестьяне». Социальное прошлое новопоселенца — было ли оно светлым или темным — не играло роли. Община, нуждающаяся в каждой паре рабо-

¹³¹ Эти повинности не исключали одна другую: так, крестьянин, отработавший 30–40 дней на заводе на выжиге угля, заготовке дров и т.п., как правило, в течение года должен был еще отслужить подводами, а также по заниженной цене поставить заводской администрации известный объем продовольствия.

¹³² Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 1. / Ю.С. Булыгин./ Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 12.

чих рук, принимала всех. В новообразованной общине переплавлялось все старое — и миру являлось новое чистое общество.

Опыт такого поравнения не мог не сказаться и на туземном населении. Подавляющее большинство кочевников Алтая и казахских областей к концу XIX в. по своему правовому статусу были отнесены к разряду сельских обывателей-инородцев. В связи с этими эволюционными процессами прежняя казахская аристократия стремительно утрачивала свое политическое, а, значит, и земельное могущество.

Приписное крестьянство Алтая с точки зрения имевшегося у него правового статуса обладало рядом особенностей:

1) первой особенностью было то, что приписные крестьяне формально считались собственностью не государства, а Царского дома, и находились в ведении Кабинета Его Императорского Величества. В связи с этим в литературе высказывается мнение, что приписное крестьянство было частной «собственностью Императора» и не включалось в число государственных крестьян. Однако нам представляется, что попытка объявить царя помещиком и через то придать приписным крестьянам статус частновладельческих, тем самым отмежевав их от государственных, необоснованна. Даже если юридически приписные крестьяне управлялись несколько особо по сравнению с «чисто» государственными, то это не означает, что Царь пользовался трудами алтайских приписных лишь как частное лицо для удовлетворения своих личных потребностей. Русский Государь не мог быть «частным лицом», отмежеванным от Государства. Потому и приписное крестьянство, формально управлявшееся Кабинетом Его Императорского Величества, не может быть охарактеризовано как помещичье;

2) второй особенностью положения алтайского крестьянства было то, что обязанность трудиться на заводских работах приводила к отрыву от сельскохозяйственных занятий на продолжительное время. Но при этом резко ослабевал контроль администрации за исправностью ведения крестьянином сельского хозяйства. Селянин на Алтае в силу такого обстоятельства становился более активным

в правовой сфере: «приписной крестьянин в отличие от помещичьего признавался субъектом гражданского и публичного права»¹³³. Такой крестьянин «не лишался права принесения присяги и участия в Уложенной комиссии 1767 г.»¹³⁴.

3) еще одной особенностью является то, что приписная деревня Алтая была освобождена от военной рекрутчины. Вместо этого рекрутская очередь использовалась для пополнения заводской рабочей силы.

Такова общая характеристика крестьянского мира на Алтае. Перейдем к описанию правового быта алтайского землепашца. Великорусский крестьянин, пришедший на Алтай, с необходимостью должен был принести с собою и свое обычное право. Это противоречило бы самой охранительной (консервативной) природе крестьянской общины — на каждом новом месте расселения создавать новое право. Великорусский крестьянин оставляет за Камнем имущество (дом, землю, скот), но ни в коем случае не накопленный предками запас духовных ценностей и познаний. Пришедший на Алтай только «душой» крестьянин, не имеющий здесь ни плуга, ни дома, но знающий, как сделать то и другое, быстро возвращается к землепашеству. Пришедший на Алтай в одиночку крестьянин (т. е. выпавший из орбиты крестьянской общины с ее обычным правом) также быстро восстанавливает общинный уклад с его правовыми обычаями.

Русская крестьянская община уникальна в ее обычно-правовом опыте. Настолько гармонично она сочетала интересы как богатого, так и бедного населения, что крестьянство в России всегда оставалось неревOLUTIONным. Прежде всего обычное право крестьянской общины на Алтае проявилось через ее глубоко религиозное постижение земли, присущее и всему великорусскому крестьянству. Незыблемым в народном правосознании оставалась

¹³³ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 1. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 20.

¹³⁴ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 1. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 21.

идея: земля дана всем от Бога. Поэтому тот, кто переставал работать на ней своими руками, не имел *морального* права в дальнейшем заниматься землей. Тот же, кто работал на земле, возлагал на себя ряд не только правовых, но и моральных обязанностей. Земской деятель XIX вв. В. Селиванов делится с нами интересными наблюдениями: «Горох, для сохранения его от набегов ребят, сеют среди поля, а когда уже образуются стручки, то ставят и караул. Сажают старика на горох, — где он выстраивает шалаш. Но многие считают, лучше сеять горох близ проезжих дорог за тем, чтоб прохожие и проезжие могли им пользоваться. Есть поверье, что за это Господь вознаграждает большим урожаем»¹³⁵.

Так, «в 1777 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства разбирала жалобу крестьянина д. Зайцевой Белоярской слободы Федора Чащина. По согласию обществ деревень Зайцевой и Дрянной они взяли покосы умершего крестьянина Соколова, поставили 150 скирд и накосили травы еще на 30 копен, однако сотник А. Бессонов отдал сено дочерям Соколова. Канцелярия горного начальства утвердила решение сотника и приказала передать сено дочерям Соколова, поскольку они выплачивали подушный оклад за умершего отца, от них требовалось, однако, выплатить Чащину за работу. В этом деле интересны следующие моменты: деревенский мир был вправе передавать покос умершего крестьянина другому и сделал это, сотник (выборное лицо от нескольких деревень) оставляет покос за дочерьми умершего крестьянина, и Канцелярия горного начальства утверждает это решение, дочери наследуют покос, принадлежавший отцу, если выплачивают за отца оклад, избавляя от этого мир»¹³⁶ (ГААК. Ф1. Оп. 1. Д. 533. Л. 239). Получается, если дочери умершего крестьянина ощущали в себе силу и далее обрабатывать землю (например, с помощью наемных рук до тех пор, пока

¹³⁵ Селиванов, В. В. Год русского земледельца: зарисовки из крестьянского быта. Зарайский уезд Рязанской губернии. / В. В. Селиванов. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 19.

¹³⁶ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 134–135.

не подрастет новое мужское поколение в семье), то они и ставились в равное отношение к земле, что и иные домохозяева-мужчины.

Земля русским крестьянином никогда не воспринималась как средство к обогащению, как объект капиталовложения. Владение землей предоставляло не дополнительные правомочия, а, прежде всего, налагало социальные обязанности. В связи с этим русскому крестьянству было чуждо выработанное западноевропейской правовой наукой понятие частной собственности. «Собственность» была общинной. Западноевропейское понимание собственности акцентирует внимание на средствах защиты собственником своих прав, на отделении «своего» от «чужого». В правосознании же русского крестьянина владение землей увязывалось не с правом, а с обязанностью — причем не юридической, а нравственной.

Земля не была объектом купли-продажи. Нас не должна вводить в заблуждение терминология. Так, в 1775 г. крестьянин д. Усть-Алейской Андрей Сизиков переехал на заимку верстах в трех от деревни, распахал там 3 дес., а старую пашню продал крестьянину д. Красноярской П. Белкину. Всего Белкин купил у Сизикова «пашни ево десятины с три, да залежи две за договорную с ним Сизиковым цену за три рубли, да бревен ветловых числом девяносто, дал ему 2 рубля 50 копеек»¹³⁷ (ГААК. Ф1. Оп. 1. доп. Д. 14-а. Л. 91–92). Состоявшаяся здесь «купля-продажа» не означает купли-продажи в современном ее смысле. Речь идет о *переуступке права пользования землей за плату*. Один член выбывает из общины и приискивает на свое место другого труженика. При этом та земля, которая вплоть до ближайшего передела закреплена за первым крестьянином (он ее удобряет, пускает в залежь на отдых и пр.) на оставшееся до передела время за плату передается второму крестьянину — новому члену общины. Не может «Божья» земля переходить из рук в руки. Она пребывает в постоянном пользовании общины, а вот конкретные общинники, обрабатывающие эту землю, меняются.

¹³⁷ Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю.С. Булыгин./ Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 138.

В связи с этим правосознанию русского крестьянского мира знакомо такое понятие, которое в рамках современной юриспруденции, ориентированной на некритичное восприятие зарубежных конструкций, просто невысказано — «временная собственность» — так крестьяне-общинники характеризовали свое стояние к земле. Здесь проявляется во всей своей неподкупной простоте утраченное нами подлинное содержание принципа «собственность обязывает». По понятиям русской общины земля не могла оставаться бесхозной, и, если у тебя есть возможность обрабатывать ее, пусть, даже себе в убыток, — ты обязан принять это имущество. Так, у В.П. Воронцова в его фундаментальном труде «Артель и община»¹³⁸ встречаем указание на целый ряд приговоров мирского суда, когда неудобный (неплодородный, приносящий убыток) земельный участок насильно передавался зажиточным членам общины. Не мог Божий дар презираться человеком — из последних сил крестьянин (в некоторых ситуациях даже себе в убыток) должен был обрабатывать такой участок. Крестьяне просто не могли «впусте землю держать». «Собственность обязывает». Современная же юриспруденция понимает данный принцип утилитарно: якобы, на собственность нужно платить налог и т. п.

А. Я. Ефименко обоснованно замечала. «Как часто раздавались и раздаются жалобы на невежественного и безнравственного мужика, не имеющего ясных понятий о праве собственности и пользующегося всяким удобным случаем, чтобы попать это право. Обвинение, основанное на чистом недоразумении: народ лишь оригинально понимает собственность, но затем чувство уважения к собственности в нем гораздо глубже, чем в культурных классах. Да оно и не может быть иначе. С нами Европа еще раз сыграла плохую шутку, или, точнее, мы сами над собой ее разыгрываем, подражая Европе»¹³⁹.

¹³⁸ Воронцов, В.П. Артель и община. / В.П. Воронцов. / М. — Астрель. — 2008. — 1072 с.

¹³⁹ Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. / А.Я. Ефименко. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 139.

Земля обязывала, обязывала тянуть, трудиться наравне со всеми на общее благо. Именно в недрах русской крестьянской общины рождается уникальный правовой принцип: «равенство всех перед землею»¹⁴⁰. Заметим, речь идет не о каком-то афоризме, а о полноценном правовом принципе. Раскрыть его можно следующим образом: «все, кто имеет отношение к земле, поставлены в совершенно равные условия». Земля как средоточие народной жизни определяет правовое положение человека. Не какие-то абстрактные ценности в виде гуманизма, справедливости и т.д., а *стояние человека к земле* — уникальное «правочувствие»¹⁴¹ той эпохи, недоступное современной позитивистской юриспруденции, — определяло правовое положение русского человека и общины, с которой он ощущал жизненное единство. Именно потому крестьянство не мыслило себя как неземледельческое сословие: Ю. С. Булыгин свидетельствует, что как бы не были развиты в том или ином селении ремесла и отхожие промыслы, все же «в первой половине XVIII в. каждая русская деревня в Верхнем Приобье была пахотной»¹⁴².

Идея жить единым хлебом, идея о равном отношении каждого труженика к земле — эти ценности предопределили само русское правосознание, его постоянное искание Правды, социальной справедливости. И. Л. Солоневич сделал очень интересное наблюдение — только в России землепользование перешло в третью стадию: после заимочного и захватного оно обратилось к общинному устройству. Два предыдущих типа землепользования известны и другим народам. На Алтае переход от захватно-вольного землепользования к общинному произошел несколько позднее, чем в великороссийских губерниях (в основном, в 70–80-е гг. XIX в., но имеются и более ранние случаи; к переделу же покосов алтайское кре-

¹⁴⁰ Цит. по: Кауфман, А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. / А. А. Кауфман. / М. — 1908 (Либроком — 2011). — С. 3.

¹⁴¹ Выражение И. Посошкова. См.: Посошков, И. Книга о скудости и богатстве./ И. Посошков./ М. — 1951.

¹⁴² Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 7.

стьянство перешло и того ранее — в 20-е гг. XIX в.)¹⁴³. Объяснить это можно тем, что в условиях достаточности нераспаханных земель потребность в их уравнительном распределении возникла позже.

Крестьянин, впервые расчистивший поле, некоторое время после того (иногда до 40 лет) сохранял исключительное право на него: это поле не поступало в общинный передел до тех пор, пока распахавший его крестьянин не окупит свои трудовые затраты на расчистку этого участка. Если такой участок переставал приносить достойный урожай, то он обращался в залежь и распахивался вновь лишь через несколько лет, когда земля восстановит свое плодородие. Обычное право крестьян Сибири гласило: если кто-либо, самовольно приступит к обработке такого заброшенного поля, не испросив согласия у забросившего его крестьянина, то такое самовольство виновный должен был уплатить стоимость найма такого же количества земли (но хорошей), которое он распахал.

В. А. Александров отмечал: «Наряду с официальными документами¹⁴⁴ на право землепользования правительство принимало как правовой момент бытовой принцип старины или первоначального освоения»¹⁴⁵. Однако мы должны понимать, что процесс документального оформления земельных участков в силу обширности территории Верхнего Приобья и малоконтролируемости миграционных процессов не был всеохватным. Администрация должна была признавать право захвата. Изменить ситуацию было не в ее силах. Порой администрация узнавала о существовании новой деревни и новой пашни только спустя несколько лет после их появления и то только потому, что крестьяне указанной деревни обращались за выдачей отводной грамоты на землю. При том администрация

¹⁴³ См.: Якимова, И. А. Эволюция форм общинного землепользования пашней и сенокосными угодьями на Алтае во второй половине XIX в./ Якимова И. А.// Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в.: сборник научных статей. — Выпуск 2. — Барнаул. — 2004. — 173с.

¹⁴⁴ А таковыми признавались специальные отводные грамоты, составляемые воеводскими канцеляриями или приказчиками.

¹⁴⁵ Александров, В. А. Особенности феодального порядка в Сибири в XVII в./ В. А. Александров./ Вопросы истории. — 1973. — № 8. — С. 54.

могла задать лишь общие границы обрабатываемой общиной земли, распределением же конкретных земельных участков среди крестьян занималась сама община. Таким образом, в области правового оформления пользования землей мы видим полное господство обычного права. При этом «если избранное крестьянами место находилось в пользовании ясачных, воеводские канцелярии либо сразу отказывали русским поселенцам, либо решали положительно, если имелись достаточные основания безобидного сосуществования хозяйств русских крестьян и аборигенов. Важную роль в таких случаях играла непосредственная договоренность между русскими поселенцами и ясачными»¹⁴⁶.

Здесь уместно привести обширную цитату из работы Ю. С. Булыгина: «Именно таким образом поселились в бассейне р. Чумыш крестьяне Титовы в 20-х гг. XVIII в. Когда в 1757 г. возник вопрос о правомерности обитания этих новопоселенцев на Чумыше, то они представили в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства копию следующего документа: «1729-м году июня 23 дня кузнецкая ясачная татара Чебода Избрбеев с товарищи поступились мы кузнецким крестьянам Якову Титову с товарищи, всем Титовой и Переборной и Запльвиной деревень жителям своею и казенскою степью, на которой земле оне деревенцы поселились дворами, пашенными землями и сенными покосы и мельничным строением и рыбными ловли безденежно в вечное владение. Токмо нам Чебадаю с товарищи впредь им Титову и Куликову с товарищи и всех тех помянутых деревень жителям в наших урочищах зверей никаких не облавливать и обиды и утеснения никакова не чинить. В том мы иноземцы Чебода Избрбеев с товарищи им Якову Титову, Луке Куликову с товарищи и всех тех деревень жителям на помянутую землю и урочище сию и поступную дали (здесь в документе нарисованы родовые знаки аборигенов. — Ю. Б.). Сией поступной ясашные татара Чебада Избрбеев, Онон Кучугешев с товарищи знамена свои приложили и знамена по их велению описал и руку приложил кон-

¹⁴⁶ Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю. С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 120–121.

ный казак Борис Осипов 1729 году июня 23 дня. По указу от письма и от записки и на расходы у крепостных дел деньги взяты сполна. А сию поступку писал по их Чебадая Избрбеева с товарищи велению крепостных дел откупщик и подьячий Анисим Власов выше писанного году месяца и числа»¹⁴⁷.

Данное свидетельство дает нам материал для размышления: обязанность «утеснения никакова не чинить» берут на себя не русские крестьяне, а местные жители. Сильный поступает своим правом перед слабым. В роли такого слабого, вынужденного просить о «непритеснении» выступает русский крестьянин, а не коренной житель Алтая. Причем мы вправе полагать, что такая уступка со стороны коренных жителей не была принудительной, т. к. в свидетели договоренности привлекается «крепостных дел откупщик и подьячий» Анисим Власов, а администрация в корне пресекала попытки притеснения интересов местного населения¹⁴⁸. Вправе мы и предположить, что данная уступка была сделана с принятием во внимание известных выгодных последствий такого соглашения: доступность продуктов русского земледелия и ремесла.

С конца XVIII в. администрация вообще начинает отбирать у крестьян ранее выданные им отводные грамоты, с той целью, чтобы общинному землевладению не чинилось никаких помех. Документы, утверждавшие привилегию одного семейства на определенную землю, не способствовали упорядочению общественных отношений, а, напротив, служили постоянным поводом для конфликтов на местах. Поэтому администрация сочла за благо ликвидировать все «данные» и «крепостные» и возвратиться к такому порядку, когда вопросы перераспределения земли решались бы исключительно общиной по всеобщему согласию и на основе равенства. «Все равны перед землей».

¹⁴⁷ Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 120–121.

¹⁴⁸ Хотя достаточно и свидетельств о том, как местная администрация не смогла оградить туземное население от земельного притеснения со стороны новоприбывшего крестьянства.

Так, «19 февраля 1790 г. крестьянин д. Верх-Чумышской А. Пушкарев жаловался на притеснения в пользовании землей со стороны крестьян той же деревни Степана, Андрея и Федора Пушкаревых, которые запрещали пашни пахать и сено ставить на том будто бы основании, что «все принадлежащие означенной деревне пахотные земли отданы им во владение», и крестьяне д. Верх-Чумышской и других окрестных деревень пользуются этой землей по добровольному согласию за плату «какую кто согласится». Казенная палата Кольыванской губернии приказала на месте проверить права Пушкаревых на землю — «кто, когда и почему оную землю отдал им во владение», выяснить, на каком основании и с какого времени они отдают землю в пользование окрестным крестьянам и по какой цене. Если Пушкаревы «никаких законных дач на землю не имеют», приказывалось: практику сдачи земли в аренду прекратить, полученные за пользование землей деньги вернуть тем крестьянам, «кои платежи производили и впредь установить, чтобы все крестьяне «прилежащими» к каждой деревне землями пользовались беспрепятственно, не делая один другим малейшего стеснения»¹⁴⁹ (ГААК. Ф169. Оп. 1. Д. 117. Л. 49–50, 64).

То, что мы выше привели случаи разрешения земельных споров заводской администрацией, а не крестьянским миром, обусловлено тем, что до нас дошли свидетельства движений именно администрации Кольвано-Воскресенских заводов. Крестьянский мир же, разрешавший основную массу подобных споров безмолвствует. В своей деятельности он был настолько ориентирован на решение насущных вопросов внутри общины, что не придавал никакого значения форме. Той форме, которая могла бы в будущем свидетельствовать о такой бурной деятельности, — письму. Устное слово тогда ценилось, во всяком случае, ничуть не менее, письменного. Основная масса приговоров крестьянской сходки — устных приговоров — для нас, к сожалению, не доступна. Мы можем лишь прислу-

¹⁴⁹ Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 130–131.

шиваться к тому тихому мерному говору, который слышим за скудными свидетельствами о деятельности крестьянского мира.

Еще один случай для осмысления: «В 1756 г. приписной крестьянин д. Вагановой Сосновского острога Яков Казанцев обратился в Канцелярию горного начальства с прошением по земельному вопросу. В этой деревне было 4 двора приписных крестьян, 14 дворов томских разночинцев, 1 двор ясачного и 1 двор кузнецкого разночинца Гусева. Поселившийся позднее Гусев владел таким количеством земли, что «ею вся деревня без всякого недостатка довольствоваться может». Он выживал других жителей деревни с земли, посевы и покосы травил скотом. Я. Казанцев просил разобраться, почему Гусев «такую силу взял», и решить по справедливости. Немедленное решение этого вопроса оказалось невозможным. Гусев владел землей на основании данной, полученной в 1752 г. от Кузнецкой воеводской канцелярии. Лишь значительно позднее, когда все жители д. Вагановой были уже приписными крестьянами, Канцелярия горного начальства решила земельную проблему вагановцев. В 1770 г. В. Гусев пожаловался на крестьян своей деревни. Они выкашивали траву на его покосах. Канцелярия горного начальства приказала управителю Ф. Бугрышову разобраться на месте. Выяснилось, что в д. Вагановой жили 26 семей приписных крестьян Сосновского ведомства Томского уезда и одна семья Гусевых, подведомственная Кузнецкой уездной канцелярии. Гусевы имели 25 рабочих лошадей, 60 голов крупного рогатого скота, 1490 копен заготовленного сена. Значительную часть земли вокруг деревни по данной 1752 г. Гусевы считали своей. В деревне были и другие зажиточные крестьяне. И. Казанцев, например, имел 20 рабочих лошадей и 400 гульных и не менее Гусевых нуждался в сенокосных угодьях. Было решено данную 1752 г. признать недействительной. Гусеву предложить пользоваться землей по «прожиткам и по согласию» наравне с другими, перейти в ведомство Сосновской земской конторы. В случае отказа от перехода в Сосновское ведомство Гусевым предлагалось переселиться ближе к заводам «на способное и угодное место». От переселения они отказались. Конфликтная ситуация, длившаяся

много лет, была устранена путем ликвидации старых прав на землю, раздела ее между крестьянами, а также ликвидации ведомственного различия»¹⁵⁰ (ГААК. Ф1. Оп. 1. Д. 630. Л. 182, 234–236, 273).

Это старое понимание права, не доступное современному позитивистскому правосознанию. Земля иногда отбиралась и передавалась другому владельцу за формулировкой «если владеет землей напрасно», даже если имелось документальное подтверждение права владения.

Причем русская община научает и местное алтайское полукочевое население уравнительному распределению земли. Для русского крестьянина духовно был неприемлем вариант социального расчленения внутри деревни, когда бы алтайский бай только в силу своих родовых прав претендовал на экономическое господство в распределении земель в данном регионе. Начались дотоле малоизвестные полукочевому населению переделы земли; при этом «русское население обыкновенно идет впереди инородцев по пути к уравниванию угодий»¹⁵¹ и подает им пример.

А.А. Кауфман свидетельствует, что к 1906 г. только старики могли припомнить, что лет 60–70 назад еще можно было увидеть кочевье. «В настоящее время (т.е. в начале XX в. — прим. мое) границы перекочевков не выходят за пределы двух-трех, редко более верст, но очень часто ограничиваются двумя-тремя сотнями сажень; многие же алтайцы, объединив и уменьшив количество содержимого скота, остаются и лето, и зиму на одном и том же месте. И это встречается и там, где земледелие почти неизвестно»¹⁵². Алтайцы поступали следующим образом: сенокос, находящийся в центре земельных угодий, отгораживался от остальной земли (собственно пастбища) поскотиной. Летовка скота (по-алтайски — «яйло») проходила на периферии земельного участка, за поскотиной, зимовка (по-ал-

¹⁵⁰ Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 124–125.

¹⁵¹ Кауфман, А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. / А.А. Кауфман. / М. — 1908 (Либроком — 2011). — С. 176.

¹⁵² Кауфман, А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. / А.А. Кауфман. / М. — 1908 (Либроком — 2011). — С. 38.

тайски — «кышту») — внутри поскотины, поближе к заготовленному сену.

Во второй половине XIX в. коренное население Алтая постепенно все боле переходит к полукочевому образу жизни. Наряду с пастбищами появляются не только сенокосы, но и запашки. Как и в иных аналогичных случаях, речь идет, прежде всего, о вольной заимке (захватном земледелии), когда место под запашку занимается любым желающим. Данная запашка считается принадлежащим занявшему ее алтайцу до тех пор, пока он явно не продемонстрирует, что участок ему более не интересен: перестанет пахать, снимет изгородь, публично откажется от запашки и пр. После этого любой желающий мог взять участок в обработку.

Право первого захвата уважалось другими, тем более что свободных земель было в достатке. Особую прочность это право приобретало, если распашка земли была сопряжена с предварительными трудовыми затратами: расчистка участка, удобрение, огораживание с целью предотвращения потрав. Однако, в любом случае, алтайцу воспрещалось обращать в пашню сенокосные угодья в силу редкости и особой значимости последних. Такой запрет вполне понятен применительно к полукочевому народу, для которого скотоводство остается главным занятием. Когда же на Алтай пришли русские переселенцы, то ситуация изменилась. Русская земледельческая община принесла с собой принцип: «сохе препятствовать нельзя»¹⁵³.

Споры за территорию резко обострились в условия уплотнения населения. Туземное население по примеру великорусского крестьянина все чаще обращается к уравнильно-общинному способу распределения земли. Через же усвоение быта и в целом мировоззрения новопоселенцев туземными жителями открывался путь к окончательному их втлению в Россию — через крещение. Так, «программа» Алтайской Духовной миссии, составленная архимандритом Макарием (Глухаревым), предполагала «не только крещение «инородца», и его воспитание «истинно русским — под-

¹⁵³ Кауфман, А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. / А. А. Кауфман. / М. — 1908 (Либроком — 2011). — С. 158.

данным царя земного и небесного», но и, самое главное, приобщать новокрещенного к оседлому образу жизни и более рентабельному способу производства, особенно в сфере сельского хозяйства»¹⁵⁴. Для этих целей к иноземцам зачастую специально подсаели несколько семей русских крестьян или же наоборот — в общину распоряжением администрации населялись крещеные инородцы. «Русский крестьянин-землепашец был призван научить сибирского инородца не только строить дома, пахать, косить, молиться, говорить и даже думать по-русски, чтобы духовно сплотить империю»¹⁵⁵.

Особо бережно относилось крестьянское обычное право к праву на труд и право на продукты труда. Честный труд порождает и честный заработок. «К праву собственности на те земельные продукты, которые произведены трудом человека, крестьяне относятся с уважением почти религиозным. Кража скошенного сена на лугу, хлеба на поле, хотя никто их не сторожит, вещь совсем исключительная, покрывающая виновника вечным позором. Даже крайняя необходимость не может заставить крестьянина нарушить святое для него, в данном случае, право собственности. Существуют оригинальные обычаи, имеющие целью примирить факт настоятельной необходимости нарушить право собственности с крайним уважением, которое обнаруживает крестьянство по отношению к этому праву. Вот некоторые примеры. В Архангельской губернии существует такой обычай: если путнику понадобится в дороге корм для лошади, он берет сено из первого попавшегося зарода, но непременно кладет в зарод деньги, соответственно стоимости сена. Близкий к этому обычай встречается в Земле Войска Донского. В неурожайные годы, когда бедняки находятся в совсем безвыходном положении — купить хлеба не на что, занять не у кого, — они прибегают к самовольному, так сказать, займу у богатых. Из хлеба, который зажиточные

¹⁵⁴ Черляков, И. Г. Влияние миссионеров и русских крестьян на хозяйственно-бытовую жизнь аборигенов Северного Алтая / И. Г. Черляков // Мир Евразии. — 2017. — № 4 (39). — С. 63.

¹⁵⁵ Дорофеев, М. В. Поземельные отношения на Алтае в конце XIX в. (крестьяне-земледельцы и кочевники-скотоводы) / М. В. Дорофеев // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 177.

держат необмолоченным в степи на току, вдруг исчезает несколько копен, взятых неизвестно кем, а на другой или даже на третий год, при урожае, хлеб привозится опять, всегда 2–3 копнами больше, чем было взято, и складывается на том же самом месте. Когда берут хлеб, иногда оставляют на месте записку, в которой говорится, что заставила взять хлеб крайняя нужда, и что он будет непременно возвращен при урожае»¹⁵⁶.

Мы видим перед собой простое и неподдельное восприятие русским крестьянином имущественного вопроса. Земледелец находил себя в отношениях с материальным миром не в роли хозяина, а в роли благодарного временного пользователя. Если крестьянин и «продавал» землю, то он, скорее, осознавал данное действие не как уступку земли в качестве объекта гражданского права, а как переуступку права пользования землей за деньги. Т. е. продавалась не земля (ее крестьянин в принципе продать не мог, т. к. «земля есть мирская да Божья»), а лишь право доступа к ней.

Единственным средством оправдания материального благосостояния был честный труд. Крестьянин, даже если бы и захотел, не могший получить поддержку государственной власти за ее отдаленностью в борьбе с хищениями, в такой поддержке просто не нуждался. Крестьянская община не через принуждение, а на уровне правового убеждения в корне исключала возможность корыстоования за счет других.

Нетрудовой же доход крестьянами просто не признавался. Не мог крестьянский ум, например, вместить идею, что лес может кому-то принадлежать, пусть, даже государству. Лес растет сам по себе, это Божий труд — и пользоваться его плодами только один человек не может. У А. Я. Ефименко встречаем очень интересное свидетельство: «Вот ловят крестьянина на лесной порубке..., обзывают его вором. Того даже слезы прошибают от тяжелой обиды: «Отродясь не был вором, а тут вот, на-поди, вором величают», плачет он и вполне убежден, что его обидели напрасно. В суд идти и по-

¹⁵⁶ Ефименко, А. Я. Исследования народной жизни: обычное право. / А. Я. Ефименко. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 144.

нести наказание, когда поймался, это так, это следует по закону, — что поделаешь, когда такой чудной закон выдумали? — а все же таки не вор и воров отродясь не был»¹⁵⁷. Или еще: «Осенью или весной почти каждую ночь вы можете встретить по дорогам, идущим в лес, целые обозы с хворостом, кольями. Спросите, откуда везут, и вам скажут, улыбаясь: с батьковщины»¹⁵⁸. Под «батьковщиной» крестьяне подразумевали казенные леса, которые в силу их «ничейности» добры ко всем как отец родной.

Особое место в обычном праве крестьянской общины играли доверительные отношения. Гражданский оборот не был замкнут в жесткие рамки: «В 1790 г. крестьянин деревни Голубцовой И. Дементьев объявил о желании «высесть дегтя» и к 1 сентября поставить на Барнаульский завод 150 ведер по 15 коп. ведро, просил выдать ему ссуду в размере половины стоимости поставки. Заводская контора навела справки, по которым оказалось, что Дементьев — человек надежный, имеет хорошее хлебопашество и домоводство»¹⁵⁹. Договор на поставку был заключен. «Формы скрепления договоров, предлагаемые законом, заменяются у крестьян различными символическими действиями, имеющими у них полную юридическую силу. Вот главнейшие из этих действий: контрагенты ударяют друг друга по рукам, которые разнимает посторонний, в качестве свидетеля, или схватываются правыми руками в локтях, или, если предмет договора вещь, передают из полы в полу и т.д.; затем молятся вместе Богу, пьют могоарыч или литки»¹⁶⁰.

Позитивистская юриспруденция последнего столетия исходила и исходит из того, что обычное право только тогда может претендовать на практическое применение, когда получит предваритель-

¹⁵⁷ Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. / А.Я. Ефименко. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 145.

¹⁵⁸ Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. / А.Я. Ефименко. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 145.

¹⁵⁹ Булыгин, Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Ч. 2. / Ю.С. Булыгин. / Барнаул. — Издательство Алт. гос. ун-та. — 1997. — С. 86.

¹⁶⁰ Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. / А.Я. Ефименко. / М. — Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 2011. — С. 10.

ную санкцию со стороны государства¹⁶¹. Даже после разрешения на применение обычаев остается в рамках современного правопонимания «предправом», «фольклорным правом», «примитивным правом»¹⁶². На вышеприведенных многочисленных примерах мы видим, что народное представление о Праве-Правде, оберегавшееся русской крестьянской общиной искало опору обычая не во внешней санкции государства, а в неформальном согласии общины касательно применяемого правила. Проявлялось же обычное право не только в фиксированных и доступных внешнему восприятию формах, а, скорее, в самой жизни сельской общины, в решениях волостных судов, свидетельских показаниях сведущих лиц, в уговорах крестьян меж собою, в пословицах, поговорках¹⁶³. Обычное право в таком народном измерении не то что не нуждается в санкции государства — обычное право относится к подобному санкционированию безразлично.

Крестьянская община была системообразующим фактором в жизни нашего государства и права. Этот уникальный, к сожалению, почти забытый институт дал России образцы сбалансированного, устойчивого мироустройства. «На Алтае в годы реформ община не только выжила, но и оставалась основополагающим фактором стабильности общества, гарантией крестьянского благополучия и управляемости сельским населением»¹⁶⁴. Чирков А. А., например, свидетельствует, что «советская власть на Алтае на начальном этапе своего становления не собиралась разрушать общину»¹⁶⁵, а, напротив, искала в ней опору.

¹⁶¹ См. об этом: Зыкин, И. С. Обычай в советской правовой доктрине. / И. С. Зыкин. // Советское государство и право. — 1982. — № 3. — С. 127–131.

¹⁶² См. об этом: Ломакина, И. Б., Дашин, А. В. Обычное право и правовой обычай: от социальной монономии к правовой нормативности. / И. Б. Ломакина, А. В. Дашин. / СПб. — 2005. — 146с.

¹⁶³ См.: Пухта, Г. Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1. / Г. Ф. Пухта. / М. — 1874. — С. 36–39.

¹⁶⁴ Чирков, А. А. Община и власть на Алтае (1906 — июнь 1918 гг.). / А. А. Чирков. / Бийск. — НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина. — 2004. — С. 56.

¹⁶⁵ Чирков, А. А. Община и власть на Алтае (1906 — июнь 1918 гг.). / А. А. Чирков. / Бийск. — НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина. — 2004. — С. 101.

Современная Россия, отвернувшись от своего исторического прошлого, пытается реализовать заимствованные извне программы местного самоуправления, гражданского общества. Но если эти теории, будучи выработанными зарубежными интеллектуальными силами для зарубежных же условий, отказываются приносить положительные плоды на почве нашего государства, то управленческая элита только выражает недоумение по поводу неготовности общества жить «цивилизованно». Не заимствование чужих форм, а знание собственной истории и умение делать из нее правильные выводы — вот что необходимо современной России.

Современное российское государство и право устойчиво демонстрируют идеологическую пустоту. Это происходит потому, что в свое время в фундамент здания государственности были положены чуждые нам ценности, что привело к неустойчивости этого здания. К сожалению, уникальные, выработанные самостоятельно общинные, соборные формы существования отечественного государства и права либо забыты, либо замещены чуждыми суррогатами. Россия все еще не может преодолеть Смуту, уже вторую в ее истории.

§ 2.3. Ранние государственные образования и правовые системы Центральной Азии

Эпоха образования и развития государств и возникновение права. Истоки государственности и права в Центральной Азии берут свое начало с древнейших времен. Ч. Ч. Валиханов говоря об изменениях в судебной системе Степного края в середине XIX века отмечал следующее «суд биев, несмотря на 40-летнее русское господство, остался таким, каким он был за сотни, может быть, за тысячу лет до нас»¹⁶⁶. Один из прекрасных исследователей обычного права казахского народа А. Леонтьев также отмечал древность обыч-

¹⁶⁶ Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе //Собр. Соч. в 5-т. Т. 4., Алма-Ата, 1985. С. 95.

но-правовых норм времен Аз Тауке хана (правил в последней четверти XVII-в начале XVIII вв.): «Обычное право киргиз (казахов — Ж. А.) живет в памяти народа, выраженное в многочисленных юридических пословицах, которые поражают исследователя своим обилием. Происхождение этих пословиц приписывается обыкновенно или хану Тявке, или какому либо другому хану или бию, выдающемуся по своей мудрости и справедливости. Но конечно — многие из них очень древнего происхождения и составлялись значительно ранее Тявки»¹⁶⁷.

Государственность кочевников Центральной Азии за многие тысячелетия своего существования не раз переживала подъем и не раз подвергалась упадку. В казахских исторических преданиях государственность и правовые нормы Евразии берут свое начало с эпохи легендарного Алаша хана: «Условились, чтобы при набегах на врагов громко произносить военный клич «Алаш, Алаш», и тех, кто не произнесет этого клича-уран, даже если он отец родной — следует убивать, как врагов. Остались с того времени такие слова: «Разве не были мы тогда казахами из трех жузов, когда Алаш стал Алашем, когда был Алаша хан, когда дом наш был деревянный, когда клич наш был «Алаш!». До времен хана Алаша, казахи не были единым народом, страной».

«Алаша» в некоторых северо-тюркских языках (у татар, башкир, чуваш) означает лошадь, у славян от слова «алаша» берет начало «лошадь». В западно-европейских языках существует калька от этого слова в виде «пеку», что означает движимое имущество, скот, а также производные от этого понятия- «то алаго» — животное, богатство, «то аланта» — богатство, деньги и т.д.

Эпоха Алаша хана, вероятно, соответствует энеолитическому периоду нашей истории, когда на территории Великой степи была осуществлена domestикация лошади и начинается табунное коневодство. В хронологическом отношении это IV — III тысячелетия до н. э. Встречающиеся в устной традиции такие выражения как «остри-

¹⁶⁷ Леонтьев А. А. Обычное право киргиз. Судоустройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. № 5–6, с. 115–116.

ем вашего белого копыя, силой ваших рук соберите вы свой народ», «и мальчик этот в один прекрасный день будет вашим ханом, а вы его народом. Ежели, он будет ханом справедливым и мудрым, а народ, подвластный ему — единым и смелым, тогда они смогут и корабль пустить по суше», говорят о существовании определенного политического консенсуса, определяемого доминированием единого правления, определенных норм права во взаимоотношениях между племенами, и это косвенно свидетельствуют о том, что в эту эпоху начинают складываться управленческие институты и правовые понятия.

В традиционном казахском понимании обязательное гостеприимство, как институт благотворительности и человеколюбия, также связывается с именем Алаша хана. В представлении кочевника путник (жолаушы) является гостем от Бога — «Құдайы қонақ». Накормит его, обеспечить всем необходимым, предоставить ночлег входит в обязанность хозяина. В прошлом в случае отказа принимать гостя путник мог пожаловаться бию этого аула, подать жалобу, требовать от виновных штраф (ат-тон айып). Традиция гостеприимства основывается на старинном предании — «Оставшееся от Алаша общее наследство». Л. Ф. Баллюзекосновываясь на материалах предоставленных ему султаном Сейдалиным пишет о причинах возникновения этой традиции следующее: «Предание говорит, что первый киргизский родоначальник Алач, под старость своих лет, отложив часть имевшегося у него скота себе, а остальное разделив между тремя своими сыновьями, от которых происходят ныне существующий три орды: большая, средняя и малая, — назвал доставшуюся каждому из них долю имущества инчою, — т.е. неотъемлемую и неприкосновенную собственностью каждого из них.

«Но — прибавил он потом — так как по условиям вашей кочевой жизни, по роду занятия вашего скотоводством и по отчужденности вашей от оседлой жизни с ее торговлею и базаром, где всякий путник, куда он ни приедет, находит себе, за известную плату пула — денег — и приют, и жизненные припасы, — по неимению между вами всех этих требуемых удобств, трудно будет вам, а в особен-

ности имеющему размножиться от вас потомству, ездит от одного к другому с нужными — съестными припасами, потому что не повезете же вы на какой-нибудь полуденный путь собственного барана, а еще более на дальний, особенно при вашем способе езды верхом, — то вот вам мой вечный завет: не берите при взаимном посещении вашем друг с друга платы за съестные припасы, будьте друг к другу постоянно как бы приглашенные гости, пользуйтесь таким образом друг у друга правом кунак-асы или даровым, бесплатным приютом и угощением, — на что примите от меня еще оставшуюся у меня четвертую долю мою»¹⁶⁸.

Из этого предания следует, что гостеприимство (қонақ-асы) обязательно прежде всего внутри казахского социума. Другое «не менее қонақ-асы завещанное потомству мудрым Алашом добро-это-жылу» т.е. вспомоществование погоревшим или разоренным от неприятельского набега, или пострадавшим от суровой зимы (жұт) родовичам.

В историко-археологической науке на хорошем уровне изучена эпоха бронзы, которая стала важной вехой в общественном и политическом развитии степных регионов Центральной Азии. Также отмечается, то что во втором тысячелетии до нашей эры огромное пространство степи стало поистине мировым центром добычи цветных металлов. По меридианальным путям металл транспортировался в Туркестанский регион, а оттуда в древние очаги оседлых цивилизаций. В устной традиции тюркских народов этот яркий период истории Центральной Азии связывают с легендарным Огуз ханом.

По «Шаджарат- ат турк» Абулгазы бахадур хана отцом Огуз хана был Кара хан, дедом -Монгол хан, дальним предком был Алаша хан, который в свою очередь восходит в легендарному прародителю Турк. В исторических повествованиях эта правящая династия испокон веков обитала в казахских степях. Обратимся к разделу «Карахан» в книгеуказанного прославленного историка: «После сво-

¹⁶⁸ Материалы по казахскому обычному праву М., 1948: 285–286.

его отца (Карахан) царствовал над всем народом. Летом он жил в горах Эр-таг и Кер-таг, которые ныне зовутся Улугтаг и Кичигтаг; а когда наступала зима, он проводил время в Каракуме и на берегу реки Сыр»¹⁶⁹.

В казахских генеалогических повествованиях начало многих общественных норм Великой степи связывают с Уыз (Огуз) ханом, сыном Кара хана: «Уыз хан первый из тех, кто сделал юрту. И организовал он по этому поводу большое торжество — той, забив девятьсот лошадей, девять тысяч овец, велел сшить девяносто девять кожаных саба, в девяносто из них залили кумыс, а в девять — вино. Поэтому достоверно, что наш предок далекий Уыз (Огуз). Он по причине того, что со времен Тюрка продолжилась непрерывно ханская власть на протяжении девяти колен, счел «девять» (тоғыз-Ж. А.) за приметное число и распорядился о святости «девять», и с того времени повелось дарить дары на торжествах — числом девять и прочего, а на похороны усопшего преподносить также девять голов скота»¹⁷⁰.

«Тоғыз» занимает прочное место в обычно-правовых нормах казахского народа. Казахское шежире это объясняет, во первых, преемственностью между поколениями в генеалогии, во вторых с устойчивостью политических систем (тоғыз ата бойы биліктің үзілмеуі). Л. А. Словохотов анализируя обычно-правовые установления казахов дает следующее определение понятию «тоғыз»: «тоғуз» значит девять, а на правовом языке киргиз (қазақов-Ж. А.) будет означать девять штрафных штук скота или вещей. Во главе каждого тогуза должен стоять непременно верблюд, лошадь или бык». Понятие «Тоғыз» применяется и в судебной практике, когда одна сторона оспаривает право другой стороны на зимние пастбища. В таком случае учитывается давность проживания в данной местности той или иной группы. Если одна из сторон постоянно проживала в этой местности в течении девяти лет, то она считается ее собственностью.

¹⁶⁹ Абуль-Гази- Бахадур -хан. Родословное древо тюрков, СПб, 1854. С. 15.

¹⁷⁰ Халид К. Тауарих хамса шархи (бес тарих). — Алматы, 1992.

В эпоху раннего железа преемники ариев, туров и хионов скифо-сакские (анг. *saka, sakae*; ассир. *ašgūzai / Išgūzai*; древ. греч. *Σκύθης, Σκύθαι*) племена создали в Великой степи несколько государственных образований.

Общественное устройство сакского периода выглядело следующим образом: патронимия (семейно-родственная группа), племя, союз племен (конфедерация). Для последних характерны: собственная территория, имя (название), диалект, общность религиозных представлений и культовых обрядов, существование племенного совета для обсуждения общих дел, верховного вождя и военачальника.

Политическое руководство находилось в руках царей берущих начало из династий Таргитая, но была весома и роль народных собраний. Это особенно заметно в описаниях борьбы саков против вторжения персидского царя Кира. В среде саков есть как очень активные группы, так и ведомые им слабые. В социальном и идеологическом отношении в сакском обществе мы наблюдаем присутствие триальной (тернарной) структуры.

Излагаемые в исторических источниках факты относящиеся к эпохе бронзы и сакскому периоду говорят о сложных процессах становления государств и правовых норм в среде кочевников Евразии.

Право и суд в государствах Гуннов, Усуней и Канглы. Первые письменные свидетельства об обычно-правовых установлениях народов Центральной Азии появляется в начале нашего летоисчисления. Как отмечалось в генеалогических рассказах самих гуннов, записанных в начале нашей эры китайскими историками, история государственности гуннов, а также усуней и канглы, восходит к началу I тысячелетия до нашей эры.

Тысячу лет, как рассказывали китайцам гунны, насчитывала их история. Составители «Шицзы» считали, что предками гуннов был потомок Дома Хяхэу-шы, по имени Шунь-вэй. Н.Я. Бичурин в своих комментариях сделал существенное дополнение: «Китай-

ские историки заметили только, что Шунь Вэй сын последнего государя из династии Хя, удалившийся в Монголию в 1764 г. до Р. Х.»¹⁷¹.

Китайские летописи свидетельствуют, что государства гуннов, усуней и канглы были созданы, «сражаясь на коне», и основаны на данничестве. Соседство и отношения их раскрыты в цитате «сии три владения продолжают взаимную приязнь и по-прежнему имеют связь между собой, равно не оставляют и подсматривать друг за другом и при выгодных случаях производят друг на друга набеги. При соединении они не могут искренне доверять друг другу, при разделении не могут покорить друг друга». Эти обстоятельства позволяли китайцам вносить раздор в отношения между кочевниками.

Но неоспорим также факт, что гунны отступившие на запад нашли поддержку у канглы: «После поражения Хуханья-шаньюя Восточный Ичжицзы-князь подал шаньюю совет поддаться китайскому двору, просить у него вспоможения, и таким образом восстановить спокойствие в Доме Хуннов. Хуханье-шаньюй отдал сие дело на мнение старшин. «Это невозможно, — говорили они. Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны перед всеми народами. Мы еще не оскудели в отважных воинов. Теперь два родных брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай как не могущественен, не в состоянии поглотить все владения хуннов: для чего же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами Дома Хань — значить унижить и постыдить покойных шаньюев и подвергнуть себя посмеянию соседственных владений. Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем владычествовать над народами»¹⁷². Так распалась гуннская империя. Одна часть гун-

¹⁷¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. 1., СПб., 1851. С. 95.

¹⁷² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. т. 1., СПб., 1851. С. 90.

нов осталась на прежних землях и признала власть Китая, а другая непримиримая группа ушла на запад.

Вышеизложенные материалы позволяют судить о степени властных полномочий верховных правителей гуннов. Здесь мы видим не только вождей отдельных родов, но и сторонников центральной власти, понятия о государственности и соблюдение ее интересов, яркое проявление имперского сознания. Усиление центральной власти можно наблюдать и в вопросах престолонаследия. В борьбе за престол участвуют представители одной династии, от Моде престол переходит к Лаошан-Гию (174–161 гг. до н. э.) от него к Гюньчень (161–126 гг. до н. э.). Эта традиция наблюдалась и у саков-скифов в I тыс. до н. э. Так во времена активности саков, когда шли завоевания территории от Черного моря к Передней Азии во власти находилась одна династия- Ишпакай (VII в. до н. э.), его сын Партатау (VII в. до н. э.), его сын Мади (VII в. до н. э.). Краткое описание данной политической системы и правовых ценностей была дана Я. Гурляндом в его книге «Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие»: «Несомненно, что у кочевых народов ещё в самые древние времена существовала организация. Прямое указание на это мы находим в летописях (Ганг-му) и в династийных историях Китая (Гошу) ...»¹⁷³. Административно-политическая деятельность ранних кочевников осуществлялась в соответствии с принципами десятичной системы.

Создание системы государственного управления привело к возникновению правового регулирования общественных отношений. Основным источником права у гуннов был обычай. О том, что законы, бывшие у Хунну, были несложны и просты, мы видим из письма преемника Моде-Шаньюя, Лаошань-Шаньюя к Китайскому Хуань-ди. Он пишет: «Хунны имеют легкие и удобоисполнимые законы. Государь управляет ими как 1 человек. С чинами обращается просто. «Суд не более 10 дней», — отмечается в другом источнике.

¹⁷³ Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Вып. 4–5. — Казань, 1904. Т. XX. С. 60.

Вероятно речь идет о совещаниях, обсуждающих сложные вопросы внутренней и внешней политики. Все эти законы, перемешанные с обычаями, указывают на то, что, во 1-х, у кочевых народов также есть стремление к организации, в виду необходимости дать безопасность имуществу и личности, а во 2-х, что, народом кочевым, имуществом которого был скот, приходилось постоянно отражать набеги и самим делать таковые. Таким образом, главной задачей законодательной деятельности было развитие у них военной доблести: «Шаньюй утром должен выходить из лагеря на поклон солнцу, вечером — луне. К полнолунию идут на войну, при ущербе луны отступают. Кто в сражении отрубил голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина и ему же предоставляется все полученное в добычу. Пленные поступают в неволю. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все его имущество»¹⁷⁴.

Кроме того, источники свидетельствуют, что у ранних кочевников были и другие законы призванные регулировать общественный порядок: «извлечшему острое оружие и фут — смерть; за похищение конфискуется семейство, за лёгкие преступления надрезается лицо, за важные — смерть»¹⁷⁵

Подобные же законы и судопроизводство мы наблюдаем у усуней, канглы и дунху. В истории племени Ухуань (Дунху), мы находим некоторые сведения об их законах, а именно: «Неповинующиеся приказаниям старейшины приговариваются к смерти. По воровству и убийству, между прочим, дозволяются селениям самим делать возмездие, а не доводит жалоб до старейшины. От смерти дозволено откупаться платой лошадей и овец. Беглых и изменников, старейшиной преследуемых, никто в стойбищах не должен принимать. Все таковые изгоняются в гибельную страну лежащую в песчаной сте-

¹⁷⁴ Абуль-Гази- Бахадур -хан. Родословное древо тюрков /Под ред. Г.С. Саблукова/ Казань, 1854. С. 111.

¹⁷⁵ Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Вып. 4–5. — Казань, 1904. Т. XX. С. 60.

пи. Там много ехидн». Эти материалы свидетельствуют о наличии у ранних кочевников хорошо разработанной системы наказания.

В политической жизни гуннов определяющую роль играют представители трех правящих родов отмечают китайские источники: «Вельможи вообще суть наследственные сановники. Хуань, Лань и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома. В первой луне нового года старейшины не в большом количестве съезжаются в храм при Шаньюевой орде. В пятой луне все собираются в Лунчен, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам». Хуань и Сюйбу находятся с династией Шаньюев в брачных отношениях. Следует обратить внимание также на замечание Н.Я. Бичурина о том, что «Сюйбу имел должность государственного судьи». Однако, средоточием судебной власти в государстве был шаньюй, который обладал правом на жизнь и смерть каждого подданного. Совет из высших сановников при шаньюе, как главы государства, олицетворял высшую судебную инстанцию. Организация следствия и судебного процесса была довольно простой и быстротечной, поэтому «число заключенных во всем государстве не превышало нескольких человек». Как отмечает «Ши цзи» «в качестве тюрем служили ямы для хранения зерна». Основная мощь государства заключается не в 24 родовых компонентах гуннов, а в подчиняющихся только центру и признающих власть шаньюя территориальных улусах. Н.Я. Бичурин также отметил фактдоминирования триальной политической структуры в Центральной Азии во многих периодах истории «Монголия от востока к западу была разделена на три части. Впоследствии сие политическое разделение Монголии долго соблюдалось»¹⁷⁶.

Законы ранних кочевников часто применяют смертную казнь, но в то же время как альтернатива рассматривается возможность уплаты компенсации скотом и дорогими вещами (құн төлеу). Обычное воровство в этих общинах представляет тяжелую статью преступления. Указанные факторы в совокупности укрепляют и подни-

¹⁷⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. т. 1., СПб., 1851. С. 91.

мают роль хозяйственной деятельности. Вместе с тем в различных источниках мы также наблюдаем разрешение на барымту (баранта).

Барымта (баранта) — в соответствии с установившимися традициями та сторона (истцы), которая не может получить удовлетворение, по решению биев имеет право демонстративно напасть на ответчиков т.е. совершить самосуд и силой вернуть потерянное.

Правовая система и судопроизводство в Тюркских каганатах.

В 40 километрах от знаменитого города Каракорума, расположенного в восточной части Центральной Азии, в стелле установленной в честь одного из руководителей Кок тюрков Кюль-тегину имеется следующая надпись: «Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели на царство предки мои — Бумын-каган и Естеми-каган. Сев на царство, они охраняли государство и установили законы тюркского народа»¹⁷⁷.

Этой легендой было провозглашено наступление новой эпохи. Несмотря на то, что тюрки в политическом отношении были приемниками гуннов, их этногенез на наш взгляд связан с древними обитателями Великой степи-турами. Начиная с середины VI века тюркским племенам во главе с династией Ашина в восточных окраинах Великой степи удалось создать несколько государственных объединений, известных нам как каганаты кок тюрков, восточных и западных тюрков. Источники отмечают суровый характер образа жизни тюрков: «из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой. Телехранителей называют фуле (боры), что на монгольском языке значит волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы. Письмен не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с восчаню

¹⁷⁷ Малов, Памятники древнетюркской письменности М., 1951. С. 33.

печатью». Эти обстоятельства безусловно отразились как в законах, таки в судопроизводстве.

Судя по источникам в древнетюркских государствах основным регулирующим инструментом социальной жизни кочевников служили общеобязательные обычно-правовые установления- «торе», что переводится как «порядок», «правило», «закон». В «Древнетюркском словаре» приведены несколько выражений из письменных памятников раскрывающих значение этого слова: «elbaslagutor usinotunursizlarajitu» — вы почтительно спросите о порядке управления страной; kuceldenkirsatorutunglukrancigar»-если насилие входит через дверь, то закон выходит через дымовое отверстие.

Знакоков обычно-правовых норм и руководителей формирований называли «бек», что соответствует казахскому понятию «би». С их участием проходила работа по систематизации и кодификации правовых документов. В рунических текстах, а также в китайских летописях отмечается, что у некоторых племен «имеется тюркское уложение хранимое в храмах. При определении наказания берут сие уложение и решают дело». Основными видами уголовных наказаний были смертная казнь, выкуп скотом, имущественная компенсация и наказание по принципу талиона (око за око).

Древние правила общежития в кочевом обществе, обыденные жизненные условия были основой их правовых воззрений: «Обычаи тукюесцов: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с место на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериной ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховые и и шерстяное одеяние» пишут китайские источники и отмечают что законы древних тюрков «подобны древним хунну».

У древних тюрков были выработаны законы и правила престонаследия и возведения на престол правителей. При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковую тка-

ню, потом, ослабив ткань, немедленно, справшивают: сколько лет он может быть ханом?

Смертная казнь применялась за преступления направленные против кагана и государственных устоев (восстание, мятеж, измена) древних тюрков. Ею же карали некоторые преступления против личности. В отношении женщин много сходного с казахским обычным правом времен Аз Тауке хана. Там и тут изнасилование замужней женщины считается тяжелым преступлением и применяется смертная казнь. По уголовным законам древних тюрков: «бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьей-либо, похищение спутанной лошади -наказываются смертью». В то же время за мелкие увечья в драке полагается штраф: «За увечья в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платить лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десят крат против стоимости покражи»¹⁷⁸.

В ранних тюркских каганатах традиции связанные с управлением не ограничиваются вышеизложенными правовыми нормами. Можно сказать о том, что в период возникновения первого Тюркского каганата в восточных окраинах степи были синтезированы все предыдущие управленческие и правовые традиции. Один из ярких доказательств преемственности традиции государственности и права Великой степи мы видим в возрождении имени Алаша хана как символа интеграции в эпоху господства династии Караханидов. Один из виднейших казахских историков начала XX века Курбангали Халид так описывает отношение тюрков к фигуре Алаша хана. Татары вызывая к духу Алаша (Алынша) хана подняли всех монголов, татар, уйгуров, к этому урану присоединились все татары проживающие в областях Волги, Дона, Хазарского озера, присоединились также тюрки Алтая, во главе с Турак ханом, всего набралось 200 тысяч войск, и под главенством Сагун хана Бугра (речь идет о караханидско-карлукских правителях-Ж. А.) выступили про-

¹⁷⁸ Артыкбаев Ж.О. Древняя индустриальная эпоха// Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе. Астана, 2017. С. 44–45.

тив гуннов... Все они собрались на берегу озера Зайсан (Жайсан) ... В этом собрании монгол, татар, тюрков, все их ханы, байгуры, а также другие их руководители, дали слово отныне величать имя Алаша хана, быть готовым всегда выступать по первому провозглашению урана на помощь друг другу, отныне у них враги общие, друзья общие. Такое соглашение они составили. Это соглашение было подкреплено жертвоприношением, на кровь погружали руки, совершая соответствующие обряды.

Эта общая традиция нашло продолжение в правовой жизни и в законодательных актах огузов, кыпчаков, карлуков, тургешей, басмыл. Одновременно эта эпоха отмечена проникновением в казахские степи вместе с исламом норм шариата. Различные проявления этого феномена мы замечаем в как в письменных источниках, так и в устной традиции казахского народа.

Проникновение ислама в Центральную Азию и распространение шариата. В начале VIII века древним тюркам пришлось вести борьбу на два фронта. На западе серьезно угрожали арабы, совершавшие в 714–715 гг. походы за Сырдарью, и с востока — китайцы, продвинувшиеся в Семиречье. В 40-х гг. VIII века по просьбе правителя Ферганы китайское войско под предводительством Гао Сяньчжи захватило город Шаш (Ташкент), а в последствии присоединило к империи города Суяб, Тараз и др. Жители указанных городов обратились за помощью к арабам. В 751 году две империи сошлись для решительного сражения на берегу реки Талас. Судя по данным летописи «Тан-шу» на пятый день противостояния в тыл китайцам внезапно ударили кардуки, и тогда атаку с фронта начали арабы, в результате Китай потерпел поражение. Ибн-ал-Асир сообщает, что в этом сражении 50 тысяч китайцев погибло и 20 тысяч попало в плен, «а остальные бежали в Китай» (Ибн-ал-Асир, 2006: 21). Битва на реке Талас имела большое значение для судеб древних тюрков, надолго определив их дальнейшие этнокультурные ориентиры. Первым результатом этой победы было сближение с исламской цивилизацией, и принятие ислама в качестве доминирующей религии.

В середине IX века на территории Центральной Азии произошли крупные этнополитические изменения. В историческую арену из сибирьской лесостепи буквально ворвались кыргызы и кыпчаки и начали в борьбу за лидерство. После падения Третьего (Уйгурского) каганата басмылы, уйгуры, карлуки разбрелись на огромной территории Центральной Азии. Несмотря на неудачи в войнах начала IX века впоследствии карлукские племена (чигил, ягма) создали мощное среднеазиатское Караханидское государство с двумя правящими династиями. Западные ханы из ягма, известные как Богрыханы, были младшими, восточные, Арслан-ханы, были старшими. В 893 году Караханы и Саманиды начали борьбу за власть над всей Средней Азией, которая завершилась полным крахом Саманидов. Караханидское государство было первым тюркским государством, официально принявшим ислам.

Объявление ислама государственной религией и массовое принятие тюркским населением ислама выдвинули на политическую арену новую силу-мусульманское духовенство. Высшая судебная власть в государстве Караханидов по прежнему олицетворялась хаканом. Степные племена входившие в государство сохраняли свои вековые обычно-правовые традиции. Вместе с тем в оседлых регионах, в центрах ремесла и торговли уже появляется должность кази т.е. судьи по шариату, специально назначаемый хаканом. Решение дел по нормам обычного права допускались, когда они не противоречили шариату. Шариат (правильный путь к цели) — включал божественные указания в трех сферах. Первое — это общие правила, мировоззрение ислама. Второе — правила определяющие поведение человека. Третье — кодекс практического поведения мусульманина в личной, семейной, экономической и общественной сферах жизни. Источником мусульманского права служат Коран, сунны Пророка, иджма — общепризнанные мнения правоведов, а также кияс-суждение по аналогии. Поэтому распространение шариатской судебной системы предполагало наличие богословов, знающих основы ислама.

Мусульманские политико-правовые идеи сыграли огромную роль в формировании на территории Казахстана уникального синтеза из тюркских традиции и арабской философии права, что в конечном счете привело к созданию новой тюрко-исламской государственно-правовой системы. Следует отметить тот факт, что в сборниках обычного права казахов нормы шариата встречаются редко. Причина этого кроется в том, что степные обычно-правовые традиции, опирающиеся на тысячелетний уклад жизни были самодостаточны.

Оседлые сартовские общины составляющее основное наследие городов расположенных по реке Сырдария наряду с шариатом также держались за выработанных в древности норм общежития. Сарты будучи подчиненными в правовом отношении кази, в плане административно-политическом признавали над собою власть аксакалов и беков. Выполнение постановлений шариатского суда за те или иные проступки также зависело от них.

Мы соглашаемся с мнением известного ученого востоковеда Н. Остроумова, трудившегося в начале XX века в Туркестанском крае, который также считал, что слово «сарт» в переводе с древнего санскритского языка означает «купец», «торговец». Кроме того, по нашему мнению, слово «сарт» связано с древним названием Сырдарьи — Яксарт. Выдающийся казахский историк Ш. Кудайбердыулы также происхождение этнонима «сарт» связывал с названием Яксарт.

Исследователи отмечали дифференцированное отношение оседлых жителей Казахского ханства к кази, носителю шариатского права, и действующим представителям власти «как прежде, туземцы несут все арзы (просьбы) к беку, так и теперь они по всем делам обращаются непосредственно к аксакалу; повинуюсь казию как благочестивому, а к аксакалу как — власти; они по прежнему первого только уважают, а второго боятся. Определения первого возражают, а слово второго принимают за веру и все раболепно ему подчиняют-

ся»¹⁷⁹. Подобные явления были в порядке вещей у многих оседлых народов. В кочевой казахской среде обычно-правовые установления базируются совершенно на другой почве. Власть судьи-бии складывается благодаря действиям двух обстоятельств, во первых, он авторитетный предводитель рода или племени, во вторых, по согласованию с аксакалами ему предоставляется достаточно сильные судебские полномочия.

Таким образом, шариат и обычно-правовые нормы казахов взаимодействовали в течении многих веков. В составе Ханских советов работали как выдающиеся бии, так и знатоки шариата. Среди туркестанских казахов вплоть до 70-х годов XIX века господствовал принцип «признаем шариат, на не спорим с адатом» («шарифатқа құлмыз, әдетке таласпаймыз»).

Попробуем выделить в казахском обычном праве нормы относящиеся к шариату:

1. Богохульство, если это доказано свидетельствами семи человек, наказывается смертной казнью. Смертная казнь в соответствии с шариатом осуществляется побитьем камнями.

2. Принявший другую религию, в том числе принявший христианство, теряет свое право на имущество и скот, на жену и детей. По этой причине имущество и скот, а также жены и дети «шокуншы»* (новокрещенный) могут быть поделены между его родственниками и это не считается преступлением.

Прямое влияние шариата видны в следующих нормах обычного права:

3. Самоубийцам не читается жаназа (упокоительная молитва), их хоронят отдельно от родового кладбища.

4. Предсмертные завещания составляются с участием близких родственников и муллы.

5. Қазы, или имам (муфти) судопроизводство ведут открыто перед собравшимися.

¹⁷⁹ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1., Ташкент, 1889. С. 114.

6. По спорным делам свидетелей обе стороны предоставляют сами. От клятвы не могут оказаться, в случае отказа должен освободить одного из своих рабов, или накормить 10 человек.

Если по обычному праву казахов к клятвоприношению (жан беру) приглашаются авторитетные родственники обвиняемого, то по шариату клятву дает сам ответчик. Н.И. Гродеков пишет следующее об этом обряде: «...В Кураминском уезде небольшая часть оседлых киргизов (қазақ-Ж. А.) приняла шариат, большая же часть их держится адата, но к администрации неоднократно поступали просьбы о введении у них шариата. Лучшие люди судятся у казия, где они скоро могут очиститься личною присягою, тогда как у биев присяга налагается на родню в третьем колене и далее, что затрудняет положение тяжущегося»¹⁸⁰.

7. Как и в обычном праве казахов, шариат осуждает лжеприсягу, но в период русской колонизации появились утверждения о том, что «лжеприсяга возможно если нужно защитить человека одной с ним веры от посягательств кафириров». Предписывалось чтобы человек принявшую ее принес в жертву «животное белой масти (бозқасқа) чтобы оправдать свой поступок».

Более или менее чистые нормы шариата нашли отражение в регилировании хозяйственно дел сартов. Так например:

8. В среде сартов если декханин продает свой участок, то на него имеет больше прав сосед нежели другие (шафи). Если не соблюдается правила шафи то сосед имеет право обращаться к казы.

9. Отдавая долг нельзя рассчитывать на проценты при возвращении долга.

10. Если кто не в состоянии вернуть долг, то он может отработать своим трудом.

Последние две нормы свято соблюдаются в странах, где шариат служит основой законодательной жизни и защищает тем самым простой народ. В казахской степи ростовщичество стало распро-

¹⁸⁰ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1., Ташкент, 1889. С. 24.

страняться вместе с Российским капитализмом и в XIX веке в большом масштабе закабалило казахское население.

Правовые нормы и судебная власть в Золтоордынской империи. В истории тюркских государств и права нового времени эпоха Чингис-хана знаменует значительное место. В этот период в правовые нормы были внесены фундаментальные изменения, но как предполагают исследователи, эти преобразования были сделаны на основе использования опыта и традиции многих поколений кочевников. Таким образом очевидно, что Чингис-хан собрал все имеющиеся да него изустные законы, и этот то законодательный акт и составил «Великую Ясу».

О законах Чингис-хана известных под названием «Великой Ясы», или «Жасақ» писали многие арабо-персидские историки, как Джувейни, Макризи, Хондемир. Ата-Мелик Джувейни отмечает, что «поскольку у монголо-татар не было письменности, Чингис-хан привел уйгурских учителей и наставников, чтобы обучать детей грамоте». В положениях «Великой Ясы» говорится о необходимости «письменного изложения принятых во время различных курултаев постановлений, а также указов кагана. Особенно это важно когда начинаются завоевания, походы в те или иные страны, подчинение этих стран». «Великая Яса» требовала от чингизидов придерживаться равенства всех религиии, как отмечал Джувейни потомки Чингис-хана относились равнодушно к религиям.

«Великая Ясса» укрепляла военный характер государства, отступление от противников, бегство считалось преступлением. По сути, характер военной организации государства, основанный на десятичной системе, с успехом отодвинул на второй план генеалогическую структуру тюрков-монголов. Каждый кочевник-гражданин принадлежал к какому-нибудь десятку. Каждый десяток имел начальника, десятки образовывали сотни, сотни тысячи, а из 10 тысяч — тумены или тьмы, над всеми этими разрядами стояли отдельные начальники. Сильная центральная власть создавала условия для возникновения городов, внешней торговли, разрешила вопро-

сы денежного обращения на огромной территории, обеспечивала бесперебойную работу почты.

У нас нет полного текста «Великой Яссы», но некоторые нормы высказанные самим Чингис -ханом сохранились у восточных авторов:

1. Еще говорит Чингис-Хан: Беки тьмы, тысячи и сотни, приходящие слушать наши мысли в начале и в конце года, возвращающиеся назад, могут начальствовать над войском; состояние же тех, которые сидят в своей юрте и не слышат наших мыслей, подобно камню, попавшему в большую массу воды или стрел, пущенной в тростник, которые исчезают. Такие люди не могут начальствовать.

2. Всякий, кто может верно, вести дом свой, может вести верно и владение; всякий, кто может устроить 10 человек, как должно, прилично, дать тому 1000 и тьму — он и их может устроить хорошо.

3. Всякий, кто может очистить внутри у себя, тот может очистить владение от воров.

4. Всякого бека, который не может устроить свой десяток, мы объявляем виновным с женою и детьми и выбираем в беки кого-либо другого из его десятка. Также (поступаем) с сотником, тысячником и темником.

5. Всякий, идущий к старшему, не должен говорить ни слова до тех пор, пока старший не спросит: тогда сообразно вопросу он должен дать соответственный ответ. Если же он скажет слово прежде, хорошо, коли, его услышат: в противном случае он кует холодное железо.

6. Старшие беки, которые будут начальствовать, и все воины должны, подобно тому, как, занимаясь охотой, отличают имена свои, означать каждый имя и славу свою, когда занимаются войной.

7. Среди народа должно быть подобным смышленому и молчаливому теленку, а во время войны — подобному соколу, который на охоте принимается за дело с криком.

8. Смысл этого таков, что в делах необходима осмотрительность и решимость.

9. Беки армейские должны хорошо обучать мальчиков стрелять из лука и верховой езде и упражнять их в этом искусстве и делать их смелыми и храбрыми.

«Чингиз составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак» — пишет арабский путешественник Ибн Баттута в 1350-е годы.

Во времена Ибн-Баттуты в Хорезме (Ургенч) правил племянник Узбек хана Кутлук Тимур. Именно здесь письменные источники впервые фиксируют понятия «Жаргы» и «жаргышы». Как отмечает ибн-Баттута «У этого эмира было принято, чтобы кади приходил каждый день в его приемную и садился на место, отведенное для него, а вместе с ним факихи и писцы. Напротив него садился один из главных эмиров и с ним восемь старших тюркских эмиров и шейхов, называемых йаргуджи. Люди обращаются к ним с тяжбами. Если дело относится к шариатским, то по ним решение выносит кади, а по другим делам выносит решение эти эмиры. Их решения точны, справедливы, потому что их не заподозрят в пристрастии и они не берут взятки».

Курбангали Халид в своем шежире пишет, что правиларегламентации отношении в обществе казахов на основе родства (институт «ноқта аға») появилось в период правления золотоордынского Жанибек хана: «Аз Жанибек правил в соответствии с традициями и обычаями. Старший жуз, почитая уйсина старшим, выбрал главу из этого племени. Из жалайыров был избран помощник. В Среднем жузе аргына почитали как старшего и выбрали датху из этого племени, а из найманов выбрали ему помощника. В Младшем жузе старшим почитался алшын, из этого племени выбрали старшего, а из племени жаппас — помощника. Было дано указание чтобы те племена которые вошли в жузы, отныне стали представляется своих жузов. Это делалось для того чтобы избежать мелких споров между небольшими коленами».

Данное иерархическое правило было принято всем этносом и служило регулятором родственных отношении. «Таким образом Жанибек хан дела народные поручил трем эмирам, за хорошие дела

они должны были получать благодарность, за плохие -наказания. В назначенное время они отчитывались перед ханом»¹⁸¹.

В окружении ханов Золотой Орды мы видим ярких представителей караша-биев, жырау. Среди них советник Жанибек хана -Асан кайгы, Едигей повздоривший с Токтамысом и т.д. Едиге известен не столько как основоположник Ногайской Орды, но и как знаток права, давший импульс дальнейшему развитию правовых воззрений кочевников. Рассказывается, что он еще в юные годы отличался способностями справедливого судьи. В казахских исторических преданиях одним из главных законодателей этого времени является Майкы би, о заслуге которого говорили «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би» (Все мудрые слова имеют одно происхождение, прародитель которых Майкы би).

Следует отметить также дальнейшее укрепление ислама в Золотой Орде. В «Тауарих хамса шархи (бес тарих)» причину, почему Жанибек хан был прозван Аз Жанибеком, объясняет так: «Жанибек хан был очень справедливым правителем, знатоком шариата, поэтому получил прозвище Аз Жанибек. Азиз с арабского -дорогой, уважаемый»¹⁸².

Вместе с тем в западных пределах Золотой Орды доминировали правовые традиции Дашт-и Кыпчака. «Судебники» («Торе битиги») составлялись на кыпчакском диалекте тюркского языка. Кстати говоря, в этих кодексах есть много норм, в изучении которых сегодняшнее казахстанское право нуждается. В законодательных документах эпохи Золотой Орды регламентируются не только земельные отношения, но и торгово-предпринимательская деятельность. Право пыталось охватить сферу хозяйственной деятельности населения империи. Во всяком случае правотворческая деятельность этого времени наложила свой неповторимый отпечаток на формирование государственно-правового сознания на территории Великой степи.

¹⁸¹ Халид К. Тауарих хамса шархи (бес тарих). — Алматы, 1992. С. 214.

¹⁸² Халид К. Тауарих хамса шархи (бес тарих). — Алматы, 1992. С. 15.

Глава 3

ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

§ 3.1. Идеал носителя государственной власти в тюркском политическом сознании

Актуальность вопроса predetermined кризисным состоянием современного государства, наглядным проявлением которого выступает тревожный факт снижения качества политических элит. Исследователи констатируют деградацию элиты, когда личностное благополучие начинает доминировать над чувством социальной ответственности, личностные цели замещают собой общенациональные и даже групповые¹⁸³. Эта глобальная проблема резко проявилась в России накануне и после распада СССР. Но и в настоящее время острым остается вопрос о наличии собственно национальной (суверенной) политической элиты, сочетающей в себе высокие профессиональные и нравственные качества, что является условием самосохранения и позитивного развития страны.

Методологической основой статьи выступает принцип историзма с учетом того, что в современных социогуманитарных исследованиях подвергается критике линейный взгляд на развитие обще-

¹⁸³ Мохов В.П. Деградация элит: Проблема анализа / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014 № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 135.

ства. По словам А. В. Болдачева, «анализ современной научной картины мира с эволюционной точки зрения показал её противоречивость и неоднозначность»¹⁸⁴. Стоит признать возможность не только прогресса, но и регресса в истории общества. Становится ясно, что преодоление кризиса требует не только выработку принципиально инновационных подходов, но и возврата к отвергнутым традиционным принципам и ценностям социального бытия. А. Панарин по этому поводу писал: «Не дистанцирование от прошлого, как того требуют теории, воюющие с традиционализмом, а новое прочтение опыта наших предков, новое сближение с ними требуется для достижения аутентичности»¹⁸⁵.

Постановка вопроса о месте тюркских государств в истории и универсальном значении их политических представлений об идеале носителя государственной власти осложняется тем, что в исторической науке господствует европоцентристский взгляд на мировую историю в целом. Периодизация «Древний мир — Средние века — Новое Время — Новейшая история» носит не универсальный, а особенный характер, т. е. аутентична истории именно Западной Европы и Северной Америки. Историография указанных исторических эпох характеризует состояние не всех существовавших в соответствующих хронологических рамках культур и цивилизаций. Естественно, что ученые той или иной цивилизации центральное внимание уделяет событиям собственной истории, но важно, чтобы они не отождествляли всемирную историю с историей своей цивилизации. К. Ясперс признал: «В XIX в. Мировой историей считалось только то, что после предварительных стадий — Египта и Месопотамии — произошло в Греции и Палестине и привело к нашему времени; все прочее относили к этнографии и выносили за рамки подлинной истории. Всемирная история была история Запада»¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Болдачев А. В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 39.

¹⁸⁵ Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. С. 9

¹⁸⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 30.

С пространственно-синхронической точки зрения «Всемирная история» на самом деле не является такой, а основана на дифференциации исторического пространства на государства, заслуживающие внимание историков, и исторические окраины. Не только в общественном мнении, но и в историографии сложился плоский образ правителей кочевых империй как неких безжалостных и кровожадных завоевателей, а сами кочевые империи рассматривались как некие случайные политические образования, сформировавшиеся вне «столбовой дороги» мировой истории. Если вспомнить, что творилось в Западной Европе в Средние века и иметь в виду, что легально колониальная система капитализма просуществовала до второй половины XX в., то возникает вопрос — «А судьбы кто?». В «Улиссе» Дж. Джойса сказано: «История... — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться». Нобелевский лауреат А. Швейцер в 1960 г. негодовал: «Двадцать лет назад в парламенте одной из стран Европейского континента было как должное воспринято выступление, в котором о массовой гибели депортированных негров от голода и эпидемий говорилось как о «падеже», словно речь шла о скоте»¹⁸⁷.

Несмотря на малочисленность древних тюрков как этноса, их влияние на историю человечества было огромным. Проблема в том, что историк исследует не столько прошлое в его полном объеме и многообразии, а сколько следы и остатки этого прошлого. Л. Н. Гумилев пишет: «Тюрки не только играли роль посредников, но одновременно развивали и собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры — войлок, кожа, дерево и меха — сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло оши-

¹⁸⁷ Швейцер А. Культура и этика. М.: «Прогресс», 1973. С. 46.

бочное мнение, что кочевники были «трутнями человечества» (Вилле де-Дюк)¹⁸⁸.

В истории общества необходимо различать изменения и развитие (или, напротив, деградацию) сфер культуры и цивилизации с учетом того, что культура сохраняется и воспроизводится не только благодаря достижениям цивилизации, но и вопреки им. Цивилизация характеризует внешнюю сторону бытия общества и человека (архитектура, технологии, формальный порядок, уровень комфорта и т.п.); культура же — это то, что «внутри человека», сложность (многоуровневость) или, напротив, примитивность (плоскость) тех ценностей и норм, которым человек следует. Разумеется, невозможно игнорировать происходящие в обществе изменения, но они скорее имеют отношение к внешней стороне общественной и индивидуальной жизни. Проблемы же социального бытия, в том числе и связанные с вопросами соотношения добра и зла, свободы и ответственности, себялюбия и альтруизма и т.д. остаются по своей сути неизменными. Развитие цивилизации приводит к тому, что новые условия бытия человека не позволяют скопировать формы и методы решения этих проблем у наших предков, но шкала оценки поведения человека остается неизменной. Всегда существует опасность вообще утратить представление об этой шкале (иерархии) ценностей и норм. Профанация культуры делает сомнительными и непрочными достижения в сфере цивилизации. Диагноз, который ставят философы, ученые-гуманитарии и художники обществу модерна (и постмодерна), раскрывается с помощью концепта «фаустовская сделка». За несомненно позитивные и удивительные достижения в сфере цивилизации человечество платит глубоким кризисом культуры, одним проявлений которого выступает указанная деградация политических элит.

Отказ от линейного взгляда на историю означает признание существования постоянных (константных) и переменных (вариационных) аспектов функционирования и развития общества; исполь-

¹⁸⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 2013. С. 8.

зую категории филологии допустимо сказать, что в истории цивилизаций воспроизводятся (разыгрываются) и реализуются общие сюжет и функции, но при этом существуют многообразные композиции и персонажи. Все цивилизации сталкиваются с проблемой соотношения духовной и государственной властей, но этот неизменный и постоянно воспроизводимый сюжет имеет различные композиционные решения, которые соответствуют особенностям той или иной цивилизации. Например, в Индии существовали различные по статусу сословия (варны) брахманов и кшатриев, а в Китае, как известно, не было особого сословия жречества (духовенства), функцию духовно-интеллектуальной элиты реализовывали чиновники.

Последуем совету С. Булгакова, утверждавшего, что государственная власть «возникает органически и конкретно, как историческая власть»¹⁸⁹. Важно признать, что объективной оценки и суждений о власти вне контекста её реализации быть не может; более того, проявления субъектом власти агрессии и жестокости исследователь может признать оправданным и способствующим сохранению всего сообщества, и одновременно мягкость и непоследовательность субъекта власти могут оказаться губительными. Поэтому фундаментальный характер носит аспект власти, связанный с исследованиями самого субъекта власти, его способностей, установок, мотивов и иных характеристик, которые ему должны быть присущи. Возникает вопрос о идеале носителя государственной власти.

Объясняя удивительные факты, казалось бы, неожиданного появления в евразийских степях великих кочевых империй, допустимо всё сводить только к появлению харизматических лидеров — опытных, инициативных, волевых, способных на жестокость. В комплекс условий и предпосылок возникновения этих империй необходимо включать и идеологический фактор. Так, по мнению исследователей, в тюркском каганате хан обладал не только высшей

¹⁸⁹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. С. 602.

военной властью, но и носил титул «белого шамана» и руководил культами в честь Тенгри и Ашина¹⁹⁰. Примечателен обряд вступления хана на престол, символизирующий, что высшая власть является не только правом, но и бременем: «Сановники сажали его на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом»¹⁹¹.

Государственная власть в обществе должна быть проявлением осознанной и постоянно переживаемой субъектом власти социальной ответственности. Если же в поведении субъекта власти начинают доминировать иные установки (жажда господства, тщеславие, корысть и иные), то допустимо говорить о регрессии отношений власти и их десоциализации.

В отличие от современных представлений о том, что «политика — дело грязное», в прошлом, напротив, политика воспринималась как сфера деятельности «лучших», которые несут бремя государственной власти. Если в древнеиндийской политической доктрине носителями государственной власти могли быть только кшатрии (*ksatriya* — «наделенный могуществом»), то обосновывалось это тем, что представители этой варны по рождению являются носителями соответствующих аристократических достоинств. С точки зрения способа формирования политической элиты правило наследования, разумеется, является ложным и нецелесообразным, но это не должно приводить к отрицанию самого принципа аристократичности государственной власти. Центральным вопросом древнекитайской политической мысли была проблема использования на службе достойных людей. Мо-цзы (V в. до н. э.) советует: «Древние совершенномудрые ваны высоко ценили почитание мудрости, назначали на должность способных, не создавали группиро-

¹⁹⁰ Жумаганбетов Т.С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации / <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-kagana-v-drevnetyurkskoy-gosudarstvennoy-organizatsii> (дата обращения 12.09.2021)

¹⁹¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки С. 60.

вок из родственников, не питали благосклонности к знатым и богатым»¹⁹². Эта универсальная закономерность, по которой состояние общества в целом, его благополучие и выживание во многом определяется качеством государственной элиты ярко проявилась и в истории тюркских каганатов. Л. Н. Гумилев пишет: «В критические моменты подавляющее большинство степного населения отказывало ханам в поддержке, и это привело в 604 г. к распадению каганата на Западный и Восточный, в 630 и 659 гг. — к потере самостоятельности»¹⁹³.

В прошлом цивилизации регулярно переживали кризисы, причиной которых было, как правило, состояние и поведение элиты общества. Если в европейской политической культуре этот факт констатируется в резко звучащем афоризме «Рыба гниёт с головы», то в древнекитайской политической мысли та же истина выражается изящнее в словах Конфуция: «Трава [народ] наклоняется туда, куда дует ветер [элита]». То, что было написано в первой четверти XVII века в таком памятнике русской литературы, как «Временник» Ивана Тимофеева, раскрывает основную причину кризисов в истории России — это состояние элиты российского общества: «Они украшаются одеждами, заменяя ум длинными бородами», «Как драгоценная серьга у свиньи в ноздрях, так у недостойных чины». Историк литературы О. А. Державина так комментирует эти сказанные 400 лет назад слова: «Неумелые, неопытные в делах, жадные, эти люди кажутся Тимофееву лишёнными чувства собственного достоинства и ответственности за судьбу страны. Им важно, по его мнению, только одно, — как можно больше наполнить свои карманы; они, как свиньи, пожирают все, что им попадет, и грызутся между собою как псы из-за добычи, стараясь перехватить друг у друга «лакомый кусок» — кратковременные блага жизни»¹⁹⁴. Наконец, предостережение от измелчания представителям аристократии Чингис-

¹⁹² Древнекитайская философия в 2 т. Т. 1. М.: «ПринТ», 1994. С. 182.

¹⁹³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 9.

¹⁹⁴ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» / Тимофеев И. Временник. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 391.

хан, как воин, выражал просто, но при этом точно: **«Лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов».**

Разумеется, речь идет об идеале политика, и история всех государств наполнена фактами недостойного поведения представителей элиты общества. Но это не является основанием для отождествления идеала с иллюзией. Давно пора понять, что идеалы и возвышенные принципы не могут стопроцентно воплотиться в жизнь, а их назначение в том, чтобы в соотношении добра и зла (порядка и хаоса, социальности и дикости и т. п.) был бы хотя бы небольшой перевес в сторону первого. По этому поводу есть глубокие суждения Л. Н. Гумилева под названием «Ложь как принцип». Особенно в сфере политики «обман входит в правила игры»; но одновременно с этим в прошлом существовал универсальный юридический институт клятвы: «Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т. е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы, призывались боги и духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника»¹⁹⁵. Речь не идет о вере или неверии в Бога, а о сложности (многомерности) или, напротив, примитивности (плоскости) сознания человека. Даже после секуляризации общественной жизни и сознания человека какой-то период (по мнению С. Переслегина до середины XX в.¹⁹⁶) еще сохранялись представления о чести, совести, достоинстве. На наших глазах в настоящее время происходит процесс окончательного «вымывания» из сознания и этих остатков традиционного мировоззрения. И в прошлом была часть населения (нищие, изгои и т. п.), произнесение клятвы которыми не имели ни нравственного, ни юридического значения. Французский философ Ж. Батай дает такой диагноз современному обществу: «Эта

¹⁹⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 500.

¹⁹⁶ Переслегин С. Бог и Правда покинули мир / URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=7505795232151> (дата обращения 12.09.2021)

система неизменно вызывает ощущение нищеты — её моральные устои и поведение свойственны нищим»¹⁹⁷.

С учетом сказанного этос (образ и идеал жизни) воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Крайним «политэкономическим» упрощением было бы считать, что кодекс рыцарской чести лишь скрывал или приукрашивал основную цель класса феодалов — регулярно взимать с крепостных крестьян прибавочный продукт, т. е. поземельную ренту. Эта рента воспринималась не как самоцель, а как необходимое условие и предпосылка поддержания статуса аристократа, носителя военной и государственной власти. Французский придворный историк XV в. Ж. Шателлен так определял назначение и качества дворянства: «Аристократия же призвана возвеличивать добродетель и блюсти справедливость — деяниями и нравами прекраснейших лиц сего соловия являя зеркало всем прочим. Высшие задачи страны: поддержание церкви, распространение веры, защита народа от притеснения, соблюдение общего блага, борьбы с насилием и тиранией, упрочение мира... Правдивость, доблесть, нравственность, милосердие — вот ее качества»¹⁹⁸.

Можно говорить об объективных предпосылках исчезновения в эпоху Возрождения и Нового времени этого средневекового рыцарского этоса, но считать ли однозначно неизбежным и позитивным утрату в процессе формирования буржуазных национальных государств представления об аристократической природе государственной власти и замену её плоскими идеологемой «слуга народа»? Так, историки приходят к однозначному выводу, что самые масштабные и кровопролитные войны с огромными потерями среди мирного населения произошли именно в новейшей истории. У Черчилль утверждал: «С тех пор как утвердилась демократия, у нас одна война сменяется другой», «Раньше война была жестокой и величественной. Теперь она стала жестокой и убогой». Ужасный символ Средних веков — костры инквизиции, на которых после судебного

¹⁹⁷ Батай Ж. «Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 273.

¹⁹⁸ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 63.

процесса в форме сложного религиозного обряда аутодафе сжигали еретиков — стоит сравнивать с печами Освенцима или с реальной угрозой сгорания всего человечества в топке ядерной войны. В комплекс условий и причин такого рода «прогресса» необходимо включить и тот факт, что войны перестали вести рыцари, джентльмены и (в соответствии с этосом воина-кочевника) «люди длинной воли».

Идеал воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Речь не идет о тождестве и типологическом единстве западноевропейского феодализма и социально-политической организации кочевого общества, а о параллелях и аналогиях. Как известно, рыцарь (нем. *ritter* — наездник) — это тяжело вооруженный всадник. В комплекс условий и причин, объясняющих, почему на обширном пространстве северной Евразии именно тюрки первыми создали в VI в. обширное кочевое государство (Великий тюркский каганат — Держава Ашина), необходимо включать и тот факт, что первоначально тюркиты стали известны как добытчики и переработчики железа, в том числе и на Алтае. Поэтому тюрки смогли создать гвардию тяжелой конницы, которая оказалась, по словам Л. Н. Гумилева, достойной противницей не только для соседних кочевых племен, но и «для китайских пеших копейщиков, и для иранских конных стрелков»¹⁹⁹. Этот военно-технический фактор соединился и с социально-политическим и идеологическим; тюрки, в отличие от мощного племенного союза телесцев и военизированной орды жужаней, смогли достичь сочетания военного и племенного строя и возвыситься до понятия «Эль», т. е. государства-державы.

Важно учитывать эволюцию значения слова «орда». В переводе с тюркского это слово означает «ставка военного вожды, хана». Далее ордой стали называть непосредственное окружение хана, которое формировалось не столько по этническому, сколько военно-организационному признаку: «Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному»²⁰⁰. Причиной того,

¹⁹⁹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 74, 79.

²⁰⁰ Там же. С. 68.

что жужани не смогли создать эль, т. е. прочную державу объясняется тем, что «в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса — все силы уходили на грабеж соседей»²⁰¹, т. е. у этой орды не было «людей длинной воли», которые смогли бы преобразовать орду разбойников в государство.

Удивительно, что в ином контексте, но аналогичные процессы в это время проявились и в западной Европе. Почему из многочисленных «варварских государств» раннего Средневековья именно государство Франков преобразовалось в империю Карла Великого, в котором, как известно, и сформировался западноевропейский феодализм? Происходившие в VI–VII вв. в государстве Франков события напоминают криминальные войны за раздел сфер влияния, когда наследники Хлодвига были еще неспособны возвыситься до понятия Государства. Это состояние удивительно точно определил за тысячу лет до описываемых событий Августин Аврелий в своем знаменитом сравнении шайки разбойников и государства: «Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность»²⁰². То, что произошло в правление династии Каролингов, разумеется, нельзя трактовать как процесс уничтожения прежнего состояния господства военного сословия над местным населением, а скорее это господство было введено в определенные нормативные рамки и облагорожено под влиянием христианской церкви и германских обычаев, содержавших представления о чести и достоинстве. Для нас важен сам факт, подтверждающий, что «место красит человека» — субъект, реализующий функции, присущие государственной власти, должен становиться носителем благородных, аристократических черт. Этим можно объяснить, на первый взгляд, парадоксальное правило, которому следовал Чингисхан: после завое-

²⁰¹ Там же. С. 16.

²⁰² Августин Блаженный. О граде Божьем. Мн.: Харвест, М.: АСТ. 2000. С. 165–166.

вание очередного народа хан не только сохранял жизни, но и осыпал наградами и давал должности тем, которые остались верными до конца бывшему правителю. Это правило Н. Трубецкой объясняет так: «Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему»²⁰³.

Наглядно и ярко этот процесс превращения пассионарных разбойников и грабителей в военно-политическую аристократию Л. Н. Гумилев описывает на примере зарождения империи Чингисхана. «В конце XI и начале XII в. в родовых общинах стали все чаще появляться юноши, которых режим воинствующей ответственности тяготил настолько, что они бросали юрты своих родителей и уходили в горы и пустыни. Их называли «людьми длинной воли» или «свободного состояния» и относились к ним так, как норвежские обыватели — хёвдинги — в IX в. относились к откalyвающимся от своих семей юношам-викингам. То есть очень плохо»²⁰⁴. Естественно, что эти «люди длинной воли» стали объединяться и жить за счет набегов и грабежей. При этом не переставали считать себя монголами и продолжали следовать обычаям своего этноса и считали себя его частью. Важно то, что Тэмуджин стал «человеком длинной воли» в 9 лет не добровольно, а по причине несправедливости своих сородичей. Повзрослев, Тэмуджин стал известен как «человек длинной воли», обладающий не только железной волей, но и справедливостью и умением обходиться с людьми; как отмечает, Л. Н. Гумилев, к нему первоначально «присоединились не племена, а богатыри»²⁰⁵.

Этот процесс формирования возвышенного этоса «людей длинной воли» нашел непосредственное отражение в монгольской Ясе. В «Истории монголов инока Магакии» так лаконично сформу-

²⁰³ Трубецкой Н. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. С. 154.

²⁰⁴ Гумилев Л. Н. Черная легенда (историко-психологический этюд) / URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/bl02.htm> (дата обращения 12.09.2021).

²⁰⁵ Там же.

лирован дух этого памятника права: «Яса предписывает любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих, за нарушение — смертная казнь»²⁰⁶. В Биликах (собраниях высказываний Чингисхана) конкретно и при этом точно определяется этос носителя государственной власти: «Всякий, кто может очистить свою душу от скверны, тот сможет очистить от воров и вверенный ему округ»²⁰⁷. Золотое правило морали отражено в высказывании: «Каким образом человек познает себя, пусть познает и других». Как-то Чингисхан перечисляя достоинства воина Есуи-Баку — не знает усталости, жажды, голода и т.д.; и делает вывод: «По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соизмеряет с этим положение других»²⁰⁸.

Вспомним известное высказывание русского философа В.С. Соловьева о том, что назначение государства и закона не в установлении рая, а в том, чтобы предотвратить наступление ада. Положение носителя государственной власти допустимо определять как «выдвинутость во зло». В восприятии рыцарем и богатырем известия «Война!» наряду с тревогой и обоснованным страхом содержится и чувство воодушевления — появляется повод показать свои лучшие качества воина. Подобно этому и современные представители государственной элиты в идеале должны воспринимать вызовы современной эпохи как «экстрим», как возможность проявить качества истинного аристократа — ум, волю, честность, благородство, бескорыстие, т.е. быть «людьми длинной воли». Почему же это суждение в настоящее время не воспринимается как определение идеала носителя государственной власти, а невольно звучит с явными нотками злой иронии? Об утрате идеалов в сфере политики Ф. Закария пишет так: «Мы освободили высшие классы от всякого чувства ответственности, и они с удовольствием пошли нам в этом

²⁰⁶ Чингисхан. Сокровенное сказание. М.: Эксмо, 2015. С. 286.

²⁰⁷ Там же. С. 289.

²⁰⁸ Там же. С. 290–291.

навстречу... Когда лидеры общества жили в соответствии со своими идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власти имущих очень немногого — поэтому они нас редко разочаровывают»²⁰⁹.

Как правило, для человека более значимо отношение к нему членов той социальной группы, внутри которой он проявляет свои способности и самореализуется. Почему бы в состав корпорации, внутри которой данное лицо достигает состояние самоуважения, не включать и представителей этой «профессии» прошедших времен? В мотивах и целях деятельности современных «государственных мужей» их предшественников, прежде всего, удивило бы преобладание меркантильных начал и «вымывание» из их типичного образа даже установок на аристократические принципы чести и благородства. Во все времена деятельность «государственных мужей» сопровождалась проявлениями жестокости, злоупотреблений властью, корысти и т.д. Но если в этой мешанине различных проявлений государственной власти попытаться выделить начала благородства и бескорыстия, то в ряду типичных образов восточного чиновника, античного магистрата, средневекового феодала и кочевнического идеала «человека длинной воли» современный «государственный муж» явно предстанет в значительно менее достойном виде.

§ 3.2. Преемственность и сохранение традиционных политических и правовых институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях

Кардинальные социальные, политические и экономические изменения, происходящие в современном мире, способствуют расширению взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, на-

²⁰⁹ Закария Ф. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами. М.: «Ладомир», 2004. С. 263.

родов, культур. Перемены охватывают практически все формы общественной жизни и получают в политико-правовом знании неоднозначные и нередко противоречивые оценки. Следует учитывать, что не существует идеальной модели построения правовой и политической системы государства, которую можно было бы реципировать или навязать принудительным образом. Каждое государство имеет свой неповторимый опыт построения наиболее оптимальной для себя правовой и политической системы со своими достижениями и ошибками. Большую роль в процессе формирования правовых и политических систем стран тюрко-монгольского мира (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан и Монголия) играют их традиционные политические и правовые институты. Как отмечает профессор А.Х. Саидов, «это определяется системой ценностей и целевой ориентацией, национальными традициями и историческими условиями, социально-экономической и политической средой, сложившимся укладом жизни и мировоззрением людей, включая религиозные верования, психологию и нормы поведения»²¹⁰. Целью данного исследования является проанализировать имеющиеся научные позиции и оценить степень сохранения и преемственности данных институтов стран тюрко-монгольского мира в современных условиях.

Изучение степени сохранения культурных, в том числе политико-правовых, традиций народов тюрко-монгольского мира в современных условиях находит отражение в ряде значимых научных исследований. Прежде всего, следует отметить труды таких авторов как Абашин С.Н., Аватков В.А., Борисова Е.А., Будкин В.С., Вежбицки А., Малышева Д.Б., Масанов Н.Э., Молдоев Э.Э., Надеин-Равевский В.А., Небрятенко Г.Г., Панарин С.А., Пепруз С., Саблофф П., Саидов А.Х., Содномпилова М.М., Сулейменов М.К., Халид А., Хантингтон С., Хиро Д., Чернышов, С.А., Чикеева З.Ч., Шулупов Н.А. и др. Также были проанализированы различные нормативно-право-

²¹⁰ Саидов А.Х. Религиозная толерантность и светское государство в Узбекистане. Ташкент: Национальный центр Республики Узбекистан по права человека, 2002. С. 39

вые акты, прежде всего конституции Монголии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана с точки зрения их ориентированности на преемственность и сохранение традиционных политико-правовых ценностей.

Проблематика исследования затрагивается в определенной степени в обзорных работах и справочной литературе, посвященных истории и современному положению политических и правовых систем стран Центральной Азии, Азербайджана и Монголии²¹¹. Проблема влияния ислама на политическую и правовую культуру стран Центральной Азии и Азербайджана рассматривается в исследованиях С. Н. Абашина, С. Пейруза, Х. Фатхи и др.²¹². Также в исследовании учитывались научные труды, изучающие влияние традиционных неформальных политических институтов на политические и правовые системы стран тюрко-монгольского мира²¹³.

Большое количество научных работ посвящено анализу идейных начал и ценностных ориентиров государственной политики стран Центральной Азии, особенностей их политической культуры. В. А. Аватков в качестве важного идейного ориентира государств

²¹¹ Curtis, GlennEldon. Kazakstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. Headquarters, Dept. oftheArmy, 1997. 629 p.; Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 2: Азия. М.: Аспект Пресс, 2012. 599 с.; Hiro, Dilip. Inside Central Asia. London: Overlook Duckworth, 2009. — 450 p.; Rossabi M. Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists. Univ of California Press, 2005. 435 p.

²¹² Абашин С. Исламский вызов идеенации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2016. № 3 (285). С. 73–85.; Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: Продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. М: Наука, 2006. С. 9–32.; Фатхи С. Переустройство ислама в независимых государствах Центральной Азии // Расы и народы. Вып. 32. М: Наука, 2006. С. 33–41.; Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.

²¹³ См. напр.: Борисова Е. А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. 2002. № 1. С. 27–47.; Масанов Н. Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1999. № 1. С. 46–61.; Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник МГОУ. 2020. № 3. С. 36–47.

Центральной Азии определяет интерпретирование исторического прошлого в контексте собственного видения на фоне политики «коренизации» и фольклоризации истории, а также элемент ретрадиционализации, под которым можно понимать полное или частичное возвращение к традиционным институтам или ценностям. Автор анализирует, прежде всего, официальные документы внешнеполитического курса государств постсоветского пространства, которые содержат в себе основные идеи национальной идентичности. По его мнению, в них в общих чертах прослеживаются западноориентированные нарративы, но видоизмененные в соответствии с национальной спецификой тюркских государств²¹⁴.

Д. Б. Малышева, анализируя традиционные черты правовых и политических институтов тюрко-монгольского мира, отмечает, что «неформальные институты и связи (кланы, жузы и пр.) продолжают играть определенную роль в политической жизни государств Центральной Азии, что привнесло в прошлом и привносит в центральноазиатскую политику наших дней элемент ретрадиционализации»²¹⁵.

Аналогично в диссертационной работе Содномпиловой М. М. «Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов» отстаивается идея сохранения архаического пласта традиционной культуры тюрко-монгольского мира вместе с культурным наслоением, преломляющимся в религиозном комплексе²¹⁶.

В. С. Будкин отмечает сложности демократизации в странах Центральной Азии, вызванные «полицивизационным» характером общественной жизни стран Центральной Азии, что не могло не ска-

²¹⁴ Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // *Мировая политика*. 2019. №4. С. 1–12.

²¹⁵ Малышева Д. Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2018. Т. 11, № 3. С. 48

²¹⁶ Содномпилова М. М. *Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов: автор. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.07.* Улан-Удэ, 2011. 50 с.

заться и на общей политической культуре их населения, и на специфике подходов политической элиты к вопросам коренного переустройства государственности. По его мнению, ориентация на западные демократические ценности в данных странах не отвергаются, но «их использование на практике имеет сугубо имитационный характер»²¹⁷.

По мнению С. А. Панарина, делающего акцент на влияние исторического наследия и географического фактора на политическую культуру стран Центральной Азии, в них преобладает тенденция к утверждению авторитарной модели политического развития в форме светского унитарного государства. В тоже время он подчеркивает, что это не означает невозможность какой-либо модели демократизации стран Центральной Азии, но «обычно побеждает вариант, хоть в какой-то мере восходящий к собственным традициям политической культуры данного общества»²¹⁸.

В. А. Надеин-Раевский считает, что для стран Центральной Азии традиционна власти восточного типа, которая несовместима ни с какой европейской демократизацией. По его мнению, власть этнократических элит и кланов в советский период в этих странах напоминала систему сатрапий и поэтому после обретения независимости во всех республиках установились режимы личной власти²¹⁹.

Таким образом, большинство авторов, изучающих традиционные ориентиры народов тюрко-монгольского мира в современных условиях отмечают, во-первых, стремление сохранить национальную самобытность; во-вторых, элементы ретрадиционализации; в-третьих, религиозную составляющую традиционных ценностей. Также следует констатировать, что исследователи, отме-

²¹⁷ Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 116

²¹⁸ Панарин С. А. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 129.

²¹⁹ Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. С. 145.

чая дуализм традиционных и современных (западных) ценностей, не сходятся в вопросе о преобладании того или иного элемента, степени их имитации.

После обретения государственного суверенитета в связи с распадом СССР страны Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан) и Азербайджана оказались перед непростым выбором дальнейшего политического и правового развития. В конституциях большинства этих стран декларировалась приверженность так называемым общечеловеческим ценностям и провозглашались необходимость построения демократического, светского, правового и социального государства. В самих Конституциях стран Центральной Азии не просматривается какой-то особенной национальной специфики или необходимости к возврату к традиционным политическим и правовым ценностям за исключением названий органов государственной и муниципальной власти и указания на межпоколенческую связь. Это позволяет руководству ссылаться при взаимодействии со странами Запада на наличие демократических институтов, уверять партнеров в постепенном прогрессе их становления, хотя их претворение в жизнь имеет мало общего с западными эталонными образцами.

Поэтому можно согласиться со многими авторами, что ориентация на западные демократические ценности носила во многом имитационный характер. По мнению В. С. Будкина, предпосылки современного политического развития в Центральной Азии были заложены еще в Советском Союзе. Он считает, что многие черты советской политической системы были очень близки к традиционной культуре народов данного региона: государственный патернализм, использование в политической жизни авторитета старейшин (ранее и лидеров республиканских компартий), вытекающая из этого формализация участия электората в выборах, существование кардинальных различий между формой и сущностью органов власти и т.д. По его мнению, если до середины 1970-х годов в этих элементах политической культуры доминировали исключительно «советские» черты с настойчивым противопоставлением и попыткой вы-

теснения националистических тенденция, то в период брежневского застоя и особенно перестройки, при сохранении прежних интернационалистских лозунгов постепенно и вне желаний центра в республиках региона повышается роль именно традиционной культуры общественных отношений. Последняя «тщательно мимикрирует под существующие формы партийно-советского устройства «развитого социализма» и постепенно существенным образом перерождает их природу в сторону традиционной, в том числе клановой вертикали власти»²²⁰.

Также следует отметить, что определенное влияние на политическую и правовую культуру стран Центральной Азии и Азербайджана имели не уничтоженные, но серьезно ослабленные во времена СССР элементы мусульманской религии, которые за многовековой период своего проникновения в этот регион адаптировалась к реальным условиям жизни их населения и тем самым стала весомой составной частью его традиционного мировоззрения. Хотя степень вхождения исламских ценностей в общественную жизнь центральноазиатских стран варьировалась от весьма высокой для оседлого населения Узбекистана и земледельческих районов других государств до гораздо меньшей значимости для кочевого уклада Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана, основные ориентиры политического и правового поведения в данных странах совпадают в своих важнейших чертах. Так С. Хантингтон подчёркивает, что для мусульманского общества характерен приоритет коллективизма над индивидуализмом, повышенная значимость влияния на поведение человека принадлежности к определенной родоплеменной общности (семья, клан, племя), а не государству: «исторически в Центральной Азии не существовало национальной идентичности»²²¹. Все это стало составной частью ментальности жителей Центральной Азии и оказывает прямое воздействие на особенности

²²⁰ Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №5 (47). С. 116.

²²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 270–271.

участия граждан в политической жизни даже в менее исламизированных странах региона.

В то же время многие авторы отмечают, что для центральноазиатских стран характерна «национализация ислама». Последний рассматривался как дополнительный культурный ресурс, и как новый источник укрепления легитимности. Но с другой стороны, всё, что не могло быть вписано в национальные рамки объявлялось чуждым и даже опасным, несмотря на свой мусульманский характер. Также для центральноазиатских правительств свойственно стремление сохранить эффективный институциональный контроль над религиозной деятельностью, для чего использовали еще советские институты — духовные управления и комитеты по делам религии²²².

Представители государственных органов в своем общении с народом апеллируют зачастую к традиционным политическим ценностям и выступают против слепого заимствования западноевропейских ценностей. Хотя баланс между ними может варьироваться в разных центральноазиатских странах и в разный период времени. Так, например, в 1993 году Н. Назарбаев отмечал о естественности обращения к традиционной идеологии, что логически связано с кризисом социалистической идеологии: «Опыт современного мира убедительно показывает, что некоторые традиционные структуры очень органично вплетаются в ткань нынешней цивилизации. Без опыта невозможно и новаторство. Именно традиции позволяют человеку не потеряться, а приспособить свой образ жизни к стремительным изменениям современного мира». Однако он подчеркивал, что в Казахстане всецело поддерживают «развитие национального языка, искусства, культуры, в том числе и бытовой, семьи», но «категорически не приемлют политическую идеологию традиционного типа, которая основана на оживлении архаических форм общественного устройства, родоплеменной психологии и системе пра-

²²² Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: Продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. М: Наука, 2006. С. 9–32.

новых взглядов, характерных для территориальной организации казахского общества XVIII–XIX веков»²²³.

Роль неформальных родовых институтов, в том числе кланов в политической жизни Центральной Азии сложно переоценить. По мнению казахстанского историка и политолога Д. Ашимбаева: «Для всех среднеазиатских республик характерен симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит — землячество, кумовство, родство, связи по школьной парте, контакты в рамках делового партнёрства. Такова характерная особенность азиатских стран постсоветского пространства: какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами. При этом президент в республике должен заботиться не только о своей семейно-родственной группе, но и выступать в качестве верховного арбитра для всех остальных кланов, позиционируя себя „отцом нации“»²²⁴.

Не следует считать, что клановая организация является исключительно социальным пережитком и контрпродуктивным наследством центральноазиатских республик, подлежащим искоренению. Часть исследователей утверждают, что «общественная практика дала основание по-новому оценить место и роль традиционных институтов в современном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии» и что «обретая новые сущностные качества, азиатские кланы становятся актуальным социально-политическим феноменом»²²⁵. Против однозначно негативной оценки усиления трайбализма в условиях социального расслоения выступает польский антрополог А. Вежицки: «Неотрайбализм воспринимается как барьер на пути модернизации, но в то же время он способствует сохранению самобытности народов региона и смягче-

²²³ Назарбаев Н. А. Идеиная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана. Алматы: Казахстан XXI век, 1993. С. 10.

²²⁴ Цит. по: Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник МГОУ. 2020. № 3. С. 12.

²²⁵ Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник МГОУ. 2020. № 3. С. 37–38.

нию трудностей переходного периода»²²⁶. Считая, что традиционные связи в центральноазиатских обществах все же не являются доминирующими, он отмечает его большое значение для политических систем данных стран и доказательством их цивилизационной самобытности: «Возрожденный в новых условиях трайбализм остается особой формой социополитической организации в Центральной Азии и является доказательством того, что навязывание любой ценой «внешних», в том числе западных, ценностей неевропейским народам бесперспективно. Неотрайбализм — это, по сути дела, азиатская модель нации, отличная от европейской, но с элементами политической и социально-экономической модернизации»²²⁷.

В избирательной системе и деятельности парламентов стран Центральной Азии и Азербайджане проявляются, скорее, политические традиции советского периода их развития, чем следование западным образцам. Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокие показатели (по большей части 80–90%) проголосовавших за глав государств (чаще всего это одни и те же политики) этих стран на их выборах в 1990, 2000, 2007, 2015, 2016 гг. в Узбекистане, в 1999, 2005, 2011, 2015 — в Казахстане, в 1999, 2006, 2013, 2020 гг. — в Таджикистане. В Туркменистане показатели проголосовавших за С. Ниязова и Г. Бердымухамедова никогда не опускались ниже 97%. Исключением из правил является только Киргизия, где этот показатель колеблется в пределах 50–80% и только в 2005 (88%) превысил этот показатель. Достаточно высокими являются данные показатели и в Азербайджане: 1993–98,8%; 1998–76,1%; 2003–76,86%; 2008–88,73%; 2018–86,22%.

Парламенты в большинстве указанных стран не являются в достаточной мере самостоятельными. Ослаблению роли парламентов способствовало и то, что при решении важнейших вопросов политической жизни используется механизм национальных референду-

²²⁶ Вежбицки А. Исторические, политические и социально-экономические аспекты номадизма и трайбализма у народов Центральной Азии // Центральная Евразия. 2018. № 2. С. 38

²²⁷ Там же. С. 54

мов. Этому способствует также практика создания в ряде стран квазипарламентских политических структур — Ассамблеи народов Казахстана (в 1995) или Народного совета (Халк Маслахаты) в Туркменистане (в 2003). Следует учитывать, что в парламентах всех указанных стран преобладают проправительственные структуры, а наиболее резко противостоящие правящим кланам силы под разными предлогами отстранены от участия в выборах. Поэтому оппозиция в высших законодательных органах носит сугубо представительский характер, а ее наличие лишь придает режиму более демократическую форму.

Как уже было отмечено при характеристике правовых систем стран Центральной Азии и Азербайджана помимо влияния исламской правовой традиции и западноевропейских ценностей также не следует недооценивать историческое наследие Монгольской и Российской империй, а также Советского Союза.

В данном случае имеет под собой определенные основания точка зрения казахстанского конституционалиста Абайдельдинова Е. М., который считает, что в результате взаимодействия тюркского и монгольского этносов в XI–XV веках и его последующей трансплантации (насильственного насаждения) на тюркскую и древнерусскую почву, другие завоеванные территории появилась своеобразная тюрко-монгольская государственно-правовая система, в которой и тюрки, и монголы, и славяне тысячелетиями сосуществовали в одном географическом пространстве, в тесном политическом, экономическом, правовом и духовном взаимодействии. По его мнению, «империя Чингисхана и его потомков во многом сформировала государственность и право на Евразийском пространстве в средние века, которая затем влияла на государственность и право России и после эпохи реформ Петра I, затем — на советскую и в составе СССР — на казахстанскую государственно-правовую систему»²²⁸.

²²⁸ Абайдельдинов Е. М. Соотношение международного и национального права республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). Алматы: Юридическая литература, 2006. С. 88–89

Также, на наш взгляд, большую методологическую значимость имеет позиция российского правоведа Е. Н. Тонкова, утверждающего, что преобладающим типом правопонимания в России является реалистический позитивизм. Он имеет глубокие исторические корни, но окончательно сформировался в постреволюционное время и продолжает действовать по настоящее время. Суть реалистического позитивизма заключается в определенном диссонансе между декларативными нормами справедливого порядка и юридической практикой. Наиболее характерными его чертами являются вождизм при назначении руководителей судебных и правоприменительных подразделений, правовой нигилизм правоприменителей, избирательность правосудия, зависимость законодательного и судебного корпуса от исполнительной власти (на всех уровнях), отсутствие действительной ответственности следователей, прокуроров, судей за правоприменительные нарушения, торжество обвинительного уклона, исключают контроль за формированием доказательств стороной обвинения и пр.²²⁹. Думается, что данный реалистический позитивизм, является составной частью не только российской правовой культуры, но и в той или иной мере большинства стран бывшего СССР.

Поэтому, по нашему мнению, нельзя полностью согласиться с широко распространенной точкой зрения, что правовые системы стран Центральной Азии и Азербайджана являются составной частью романо-германской правовой семьи²³⁰. Близко к этой позиции мнение исследователей, согласно которому правовые системы стран Центральной Азии и Азербайджана входят в романо-гер-

²²⁹ Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право — язык и масштаб свободы: монография. СПб., 2015Спб.: Алетейя, 2015. С. 63–69.

²³⁰ См. напр.: Саидов А. Х. Национальные парламенты мира: энцикл. справ. М.: Волтере Клувер, 2005. С. 22, 293, 315, 359, 366, 374.; Аюпова К. З., Кусаинов Д. У. Национальные правовые системы стран Центральной Азии: опыт, перспективы // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния: сборник тезисов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию юридического факультета АлтГУ (24–25 мая 2018 года, г. Барнаул). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 39–44.; Сулейменов М. К. Английское право и правовая система Казахстана // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 37.

манскую правовую семью, образуя в ней вместе с правовыми системами России и других республик СНГ самостоятельную, «евразийскую», группу²³¹.

Однако следует отметить, что данные авторы акцентируют внимание в основном на формально-юридическом критерии (основной источник права) отнесения правовой системы к той или иной правовой семье и не в полной мере учитывают историю формирования правовой системы, особенности ее правовой культуры и правоприменения. Эту проблему на наш взгляд прекрасно сформулировала киргизский правовед Чикеева З. Ч.: «как классифицировать правовую систему, чтобы она в одно и то же время могла учитывать близость нынешнего писаного права — «lawinbook» стран Центральной Азии с правом романо-германских стран, а также принципиальные различия этих видов правовых систем на уровне действующего права «lawinaction»?»²³².

Эта проблема решается исследователями обычно двумя путями. Первый путь — это объявить национальную правовую систему уникальной. По мнению киргизских ученых Э. Э. Молдоева и А. М. Абакировой правовая система Кыргызской Республики образует отдельный самостоятельный вид правовой цивилизации (кочевой), для изучения которой необходимо использовать новый теоретический инструментарий. Они это объясняют «особенностями в духовном статусе права и их социальных источниках, соотношением индивидуализма и коллективизма с правами человека, закономерностями национального правового менталитета, правовой идентифи-

²³¹ См.: Алиев Т. Р. Тенденции становления и развития правовой системы Азербайджана // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 34. С. 119.; Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Под ред. Сухарева А. Я. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. 976 с.

²³² Чикеева З. Ч. Национальная правовая система Кыргызской республики в переходный период // Міжнародна юридична науково-практична Інтернет-конференція «Проблеми юриспруденції: теорія, практика, суспільний досвід» [Электронный ресурс]. 2013. URL: https://www.legalactivity.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=621%3A031013-18&catid=78%3A1-1013&Itemid=97&lang=en

кация социально-значимых фактов»²³³. К сожалению, не совсем понятна до конца правовая уникальность Киргизии и почему нельзя к этой «кочевой правовой цивилизации» отнести также, к примеру, правовую систему Монголии или Казахстана?

Второй, более, на наш взгляд, предпочтительный путь — это выделение отдельной правовой семьи — евразийской, в которую входят ряд правых систем, входящих до распада СССР в социалистическую правовую семью²³⁴. Помимо правовых систем стран Центральной Азии туда включают чаще всего также правовые системы России, Беларуси и Украины.

Ярким примером борьбы идей сохранения традиционных ценностей и приобщения к западной культуре является пример политической и правовой системы Монголии, на прерывистый путь развития и становления которой оказало непосредственное влияние насыщенное и неоднозначное историческое прошлое тюрко-монгольского мира.

Данная страна в определенной степени выделяется своей политической и правовой системой от стран Центральной Азии и Азербайджана. Например, это единственное государство тюрко-монгольского мира, которая признается Западом как демократия. Так согласно одному из индексов демократии (Economist Intelligence Unit) Монголия занимает 61 место и относится к несовершенным демократиям. Остальные страны причисляются к гибридным (Киргизия — 107 место) или к авторитарным режимам

²³³ Молдоев Э.Э., Абакирова А.М. К вопросу о национальной правовой системе Кыргызской Республики // Проблемы Науки. 2017. №4 (86). С. 63.

²³⁴ См. подробнее: Оборотов Ю.Н. Общеправовое развитие и евразийская правовая семья // Философия права. 2001. № 1 (3). С. 71–74.; Шулепов Н.А. Концепция «евразийского» права в современной компаративистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. №5 (782). С. 220–224.; Мадаев Е.О. Доктрина в евразийской правовой системе // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Научный редактор Ю.И. Скуратов. 2018. С. 51–56.

(Казахстан — 128 место; Азербайджан — 148 место; Узбекистан — 155 место; Таджикистан — 159 место; Туркменистан — 162 место)²³⁵. Причем по мнению американской исследовательницы Паулы Саблофф, хотя кажется, что монголы в значительной степени почерпнули свое понимание либеральной демократии из «международной среды», на самом деле монгольская культура либеральной демократии возникла до западного влияния в XX веке. В действительности, демократия у монголов, как она считает, берет свое начало от их кочевых предков и таких принципов правления их великого вождя Чингисхана как независимость и суверенитет (*independence and sovereignty*), грамотность (*literacy*), предполагающее участие управление (*participatory government*), верховенство права (*rule of law*), равноправие граждан (*equality of citizens*), равенство через меритократию (*equality through meritocracy*), уважение к женщинам (*respect for women*), гражданские свободы и права человека (*personal freedoms and human rights*). Поэтому быстрое принятие монголами демократии не является аномалией, как считают большинство политологов, а скорее является логическим развитием их истории и политической культуры²³⁶.

Е. В. Павлов выделяет три этапа развития монгольского права:

- 1) период первой кодификации права и формирование единой правовой системы, характеризующийся созданием письменного свода обычаев;
- 2) период второй кодификации права, характеризующийся в соответствии с политическими обстоятельствами внедрением маньчжурского законодательства;
- 3) период новейшей истории, характеризующийся двумя этапами: во-первых, функционированием социалистической системы

²³⁵ Democracy Index. [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Democracy_Index

²³⁶ Sabloff P.L. W. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. 2002. T. 21. №. 1. С. 19, 27–30.

права 1924–1990 гг., во-вторых, переходом к правовой системе современного типа²³⁷.

Если первые два периода развития монгольского права имеют ярко выраженные признаки, характерные для правовых систем обычного или традиционного права, то отнесение современной правовой системы Монголии к той или иной правовой семье является неоднозначным вопросом в сравнительно-правовых научных исследованиях.

Ввиду традиционно-идеологического характера права, который заключается в активном использовании философско-духовных и нравственно-религиозных учений в качестве основ правового регулирования, Г. Г. Небрятенко относит Монголию к группе стран обычного права²³⁸.

Вместе с тем, А. В. Юрковский отмечает, что современная правовая система Монголии имеет ярко выраженный прозападный характер и входит в романо-германскую правовую семью, сохраняя определенные черты социалистического права²³⁹.

Наличие признаков как обычного права, так и прозападных концепций подтверждается посредством проведения детального анализа конкретной основополагающего нормативного правового акта Монголии — монгольской Конституции. Конституции Монголии была принята одним годом ранее, чем Конституция РФ. Тем не менее, видится, что большинство конституций постсоветского пространства, принимаемых в одинаковых условиях и с одинаковым

²³⁷ Павлов Е. В. Общая характеристика правовой системы Монголии // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы 10 Всероссийской молодежной научно-практической конференции (31 марта — 1 апреля 2016 г., г. Улан-Удэ) / Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и управления. Улан-Удэ, 2016. С. 63–71.

²³⁸ Небрятенко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. № 5. С. 10–14.

²³⁹ Юрковский А. В. К вопросу о правовой системе Монголии // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — III: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Улан-Удэ, 15 апреля 2011 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 114–116.

рвением продемонстрировать свою уникальность, оказались в итоге максимально близкими по смыслу и схожими по построению.

В части государственного устройства осуществление государственной власти в Монголии регламентируется следующими конституционными нормами: высшим органом государственной власти является Великий Государственный Хурал Монголии — однопалатный законодательный орган (ст. 20), главой государства — Президент (ст. 30), высшим исполнительным органом — Правительство (ст. 38), высшим судебным органом — Верховный суд (ст. 50). Государство унитарное, с административным делением на аймаки и столицу (ст. 2)²⁴⁰.

В Конституции Монголии прямо не упоминается о разделении публичной власти на государственную власть и местное самоуправление. В целом, Конституция не сдержит положений, регламентирующих статус местного самоуправления. О наличии местного самоуправления в Монголии можно судить, исходя из ст. 59 Конституции Монголии, в которой установлено, что руководство административно-территориальными единицами Монголии осуществляется на основе сочетания самоуправления и государственного управления²⁴¹.

В этой связи, Б. Жаргалханд отмечает неопределенность в обязательствах местных органов власти²⁴², а А. В. Юрковский делает вывод о том, что недостаток законодательного регулирования местного самоуправления компенсируется обычными законами, регулирующими порядок осуществления властных полномочий на местах²⁴³.

²⁴⁰ Конституция Монголии. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=33>

²⁴¹ Там же.

²⁴² Жаргалханд Б. Проблемы законодательного регулирования местного самоуправления в Монголии // Вестник Бурятского государственного университета, 2012. № 2. С. 153–157.

²⁴³ Юрковский А. В. К вопросу о правовой системе Монголии // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — III: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Улан-Удэ, 15 апреля 2011 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 114–116.

Положения Конституции Монголии, касающиеся правового положения личности, смоделированы на базе положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Поэтому нормы о правовом статусе личности являются наименее оригинальная часть Конституции Монголии в том смысле, что они отвечают общепринятым международным стандартам и фактически воспроизводит их. В этой части Конституция Монголии явно демонстрирует стремление государства приобщиться к западноевропейской демократической конституционной традиции.

Несмотря на то, что историческое прошлое Монголии отражает приверженность к обычаю, в современной Конституции Монголии декларируется: «уважение к закону — основной принцип государственной деятельности» (ст. 1), при этом нет ни одного прямого упоминания о национальных обычаях или традициях, за исключением напутственных слов в преамбуле Конституции о необходимости «свято оберегать и наследовать традиции своей государственности»²⁴⁴. В Конституции Монголии нашли отражения только несколько норм, подчеркивающих национальную самобытность Монголии²⁴⁵.

Во-первых, в ст. 5 Конституции Монголии отмечается своеобразие правового регулирования экономических отношений: «В Монголии многоукладная экономика, в развитии которой учитываются существующие в мире экономические отношения, а также специфические особенности своей страны»²⁴⁶. Также в ст. 5 указано, что скот является национальным достоянием Монголии. Соответственно сохранение и увеличение количества скота для государства является элементом национального благосостояния. Видится, что проиллюстрированный факт свидетельствует об исторически сложившей-

²⁴⁴ Конституция Монголии. [Электронный ресурс]. URL.: <https://worldconstitutions.ru/?p=33>

²⁴⁵ Чернышов, С. А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идеи и идеалы. 2018. № 4, т. 2. С. 139–159.

²⁴⁶ Конституция Монголии. [Электронный ресурс]. URL.: <https://worldconstitutions.ru/?p=33>

ся национальной привязанности к скотоводству как к способу производства и обусловлен соответствующими географическими природными, климатическими, экономическими, социальными и экологическими факторами, превалирующими в этом государстве.

Во-вторых, в ст. 10 подчеркивается своеобразная обязанность государства вести миролюбивую внешнюю политику, а также прямо указано на верховенство Конституции Монголии по отношению к международным актам.

В-третьих, интересная особенность заключается во времени вступления Конституции Монголии в силу. Так, в ст. 70 Конституции Монголии указано: «12 часов 12 февраля 1992 года или, иначе, в час Лошади благословенного дня Желтой Лошади, отмеченного узами молодости, девятого дня первого весеннего месяца Черного Барса (Тигра) года Водяной Обезьяны семнадцатого шестидесятилетия». Примечательно, что дата (день и час) наиболее благоприятного вступления в силу этой Конституции была вычислена ламаистскими астрологами, что свидетельствует об уважении законодателем национальных обычаев монгольского народа²⁴⁷.

Таким образом, Конституция Монголии — это результат сплава исторического и современного опыта, сочетание идей конституционного строительства ряда стран Запада и собственных национальных традиций и обычаев.

На сегодняшний день Конституция Монголии имплементировала в свой текст немногочисленные обычные нормы, подчеркивающие историческое прошлое Монголии и ее национальную самобытность, тем не менее основным идейным ориентиром является приобщение к общепринятым нормам и принципам международного права. В этой связи, роль обычаев и традиций как правового регулятора постепенно утрачивает свое былое значение в Монголии. Поэтому монгольскую правовую семью уже сложно однозначно назвать правовой системой обычного права, но еще нельзя в полной мере обозначить как правовую систему романо-германского типа.

²⁴⁷ Там же.

Также нельзя отрицать значительного влияния на монгольскую правовую систему, в том числе на правовую доктрину и правоприменение, социалистического права. Поэтому, скорее всего, на данный момент следует согласиться с рядом исследователей и оценивать правовую систему Монголии как смешанную²⁴⁸.

Таким образом, декларируемые в конституциях и других официальных документах западноевропейские политические ценности до сих пор не смогли стать основополагающими принципами формирования и функционирования политико-правовых институтов государств Центральной Азии и даже Монголии. Отмечаемый рост национального самосознания тюрко-монгольских народов, интенсивность проводимых исследований и популяризация правовой культуры тюрко-монгольского мира проявляется как защитная реакция на ярко выраженную стандартизацию политико-правовой жизни. Поэтому усиление объективных интеграционных тенденций в мире сопровождается параллельным, не менее устойчивым процессом противодействия проявлениям глобализации в духовной сфере в форме обособления этнических и культурных общностей в разных регионах и странах.

§ 3.3. Теоретическая характеристика политических и правовых институтов тюркских народов

По мере дальнейшего продвижения проекта глобализации мира народам придется искать опору для развития в собственных традициях и поддержке соседних стран. Тюркский мир, так же как русский и китайский, подвергается нападкам со стороны глобализаторов мира. Перечень претензий при этом стандартен: эти цивилизации чужды Западу и не вписываются в его представления о современном цифровом обществе. А между тем в культурном опыте тюр-

²⁴⁸ Саидов А. Х. Национальные парламенты мира: энцикл. справ. – М.: Волтере Клувер, 2005. С. 330.; Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Под ред. Сухарева А. Я. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2003. — 976 с.

ков можно найти немало непреходящих ценностей, которым стоит отдавать должное и в условиях начавшегося XXI века.

Однако тюркская цивилизация имеет собственную культурную идентичность. Ее специфику некоторые европейские исследователи пытаются подать в сугубо отрицательных терминах — как традиционализм, отсталость, нецивилизованность. И это несмотря на то, что общественная наука давно уже не отождествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Китай и Индия далеко не варварские страны, хотя они существенно отличаются от Запада.

Найти ответ на вопрос о жизнеспособности тюркского мира на протяжении сменяющих друг друга столетий возможно в том числе, изучая историю соответствующих правовых обычаев, тексты, памятники и т. п. В фольклоре тоже ничего просто так не бывает. В мифологемах, сюжетах и образах всегда закодировано некоторое архаичное знание, ключи к пониманию которого, как правило, утрачены. Но не всегда и не во всем. Позднейшие лингвистические трансформации поддаются просвечиванию, и в глубине обнаруживается искомый первичный смысл.

Прямое считывание сакральной информации о праве возможно сегодня, благодаря сохранившимся от тех стародавних времен традиций, сакральных символов и текстов, устойчивых мифологем и фольклорных образов, впитанных исторической памятью тюркских народов и подтверждаемых материальными свидетельствами.

По мысли Г. Н. Тавадова, «национальная самобытность — специфические черты человеческой общности, отличающие ее от других подобных общностей. Это, прежде всего, национальные традиции, обычаи, язык, народное творчество, одежда и т. д. В целом национальная самобытность наиболее ярко и рельефно проявляется в национальной культуре и психологии людей»²⁴⁹.

Проблема традиции является социокультурной формой проблемы сохранения сущности культуры. Это проблема идентичности,

²⁴⁹ Тавадов Г. Н. Этнология. М., 2017. С. 256.

тождественности, самости и самобытности культуры. «Как центральную я буду обосновывать мысль, — пишет В. И. Курашов, — что сущность народа выражается в его традициях-преданиях и что именно традиции-предания раскрывают национальную ментальность»²⁵⁰. Таким образом, традицией можно считать духовно устойчивые, исторически воспроизводящиеся смыслообразующие принципы мировоззрения, нравственности, социальной и личной жизни, которые обеспечивают трансляцию и преемственность прежнего культурного опыта, а также ориентацию жизнедеятельности людей на укрепление и восполнение духовно-исторического наследия творческими силами. В традиции отражен объективный смысл и границы развертывания в истории национального духа.

Традиция — не есть сонное повторение одного и того же²⁵¹. Традиция предполагает необходимость для каждого члена сообщества так или иначе признать факт служения всего суперэтнуса под эгидой определенной сверхценности. Сила традиции измеряется прежде всего готовностью осознанно продолжать это служение, творить во имя него, защищать весь социальный механизм, сложившийся под воздействием сверхценности. Вхождение в традицию — это удвоение мира, откровение его метафизичности. Мир не сводится к естественному порядку вещей, в нем есть смысл и доброта, есть идеальное измерение.

Традиция выступает как жизненная сила культуры. Она сохраняет определенную культурную систему, обеспечивает ее качественное своеобразие, самовоспроизводимость, самоидентичность в истории, непрерывность жизни данной культуры вопреки прерывности жизней отдельных ее представителей и смене человеческих поколений. Традиция, понятая как культурное наследование

²⁵⁰ Курашов В. И. *Нация в общечеловеческом и российском измерениях*. Казань, 1999. С. 6.

²⁵¹ См. об этом: Плахов В. Д. *Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования*. М., 1982; Congar Y. *La Tradition et les traditions. Essai historique*. Paris, 2020. P. 250; *La Tradition. Probleme exegetique, historique, theologique*. Paris, 2003. P. 44.

и наследие, предстает как жизненная сила культуры, как механизм сохранения и воспроизведения культурных констант.

Близко к культурным архетипам традиции по культурной значимости, жизнеопределяющей и жизненаправляющей роли при-мыкают такие явления как «менталитет», «национальный характер», выражающие идею социальной памяти, механизмов культурного наследия при любых поворотах и перипетиях развития общества. Менталитет предстает как система надындивидуальных устойчивых, преемственных неосознанных предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, эмоционально-психических проявлений, установок, ориентаций, стереотипов реакции, шаблонов поведения, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, проявляются в особенностях мышления и поведения, а также накладывают свой отпечаток на все продукты культурной деятельности и тем самым определяют своеобразие той или иной культурной системы. Это некий умственный строй (когнитивный тип) и психический склад (сенситип) народа, находящие свое выражение в любых проявлениях духовной и иной жизни.

Отдельный человек и народ в целом не могут произвольно изменить менталитет, не могут победить его: подавление определенных сущностных для народа черт, противоречие им может привести лишь к тому, что они проявятся, «вылезут» в другом месте в искривленном виде или отрицательном значении. Менталитет — живая, действующая, функционирующая структура духа определенного народа. Он накладывается свой отпечаток на все сферы человеческой жизни, проявляется и в правовой сфере. Действие этой мощной силы сказывается как на макросоциальном, так и на микросоциальном уровнях. Если какая-то идея или реформа соответствуют менталитету общества, они воплощаются быстро и безболезненно, как бы естественно «врастают» в общественную жизнь или «произрастают» из нее, а не конструируются или насаждаются искусственно. Если же идея и реформа противоречат ментальным ориентациям общества, то они обречены на провал, искажение и деформацию до неузнаваемости или полной своей противоположности.

Понятие «национальный характер», находящееся в этом же смысловом ряду, включает набор духовных, нравственных, социально-психологических характеристик, которые определяют «душу культуры», ее качественные характеристики, особенности развития и функционирования социальных институтов, направленность исторического движения, задают алгоритмы поступкам всем представителям и носителям национальной культуры. От качества черт национального характера зависит в конечном итоге судьба культуры²⁵². Характер народа образует определенная совокупность свойств, а не отдельные свойства.

Несмотря на обширность занятых в VI–XII вв. тюрками территорий, тюркские племена сохраняли устойчивые общие черты. Выросшие в колыбели общей культуры тюрки были объединены единством призвания, которое будет открываться тем откровеннее, чем бездуховнее и безбожнее будут народы Европы. Когда правящая верхушка европейских стран стала терять свое духовное достояние, и там утрачивалась мораль, совесть, вера и само право, как таковое, по Европе сурово проносился «бич Божий» и народы, отступившие от Бога, обретали раскаяние.

Общественный порядок у тюрков поддерживался далеко не на писаном праве, потому что людям было свойственно понимать правомерное и противоправное непосредственно, без постоянных напоминаний со стороны государства. Это свидетельствует о высоком уровне правосознания, которое не нуждается в обильном законодательстве, чтобы человек вел себя правомерно.

Тюркам было свойственно соразмерять основы порядка своей жизни с законами природы. Они всегда были внимательными учениками природы. Из своих наблюдений за природными явлениями тюрки выносили опыт, используемый в политико-правовой жизни. Предки тюрков, по имеющимся в распоряжении науки данным, состояли в неразрывном единстве (родстве) с природой, считали себя ее частью и познавали естественные законы мироздания, главным

²⁵² Вышеславцев Б.П. Национальный характер // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 42.

образом, коллективно. Мужчина, имеющий половые связи с родственницей у казахов, например, приговаривался к смертной казни, однако окончательное решение этого вопроса передавалось семье. К беднякам, вынужденным работать у богатых тюрок, в рассматриваемый период было принято относиться как к членам семьи. В племенах алтайцев практически не было нарушений супружеской верности или однополых связей, что укрепляло семьи и позволяло воспроизводить здоровое общество. Оскорбленному человеку вменялось в обязанность забыть нанесенные ему обиды, дабы переживания не разрушали его изнутри. Заслуживший наказание смертью, но заплативший выкуп, мог спасти себе жизнь. Мочеиспускание в воду или на золу костра строго наказывалось. Человек, который не мог воздерживаться от спиртного, имел право три раза в месяц выпить допьяна, но если превышал это число, считался виновным. Напивавшийся один раз в месяц, заслуживал похвалы тюркского общества за умение снимать свое душевное напряжение. Самому младшему сыну вменялось в обязанность жить в доме отца, чтобы старики и дети имели возможность общения. Предводитель воинов должен быть тот, кто ранее испытывал голод и жажду, чтобы такой руководитель был способен сочувствовать своим подчиненным и оберегать их от нужды²⁵³.

Можно заметить, что тюркам не были известны такие образцы парламентских учреждений, в которых словопрения подменяют подлинный источник власти. Тюркам свойственно отсутствие тяги к политиканству и парламентаризму, что можно квалифицировать как прямодушие. По точному выражению А. Витгенштейна, «границы моего языка — это границы моего мира»²⁵⁴. Человек не видит того, обозначения чего нет в его лексиконе. Так что язык — это орган, которым человек сморит на мир. То, для чего в моем языке нет слов, для меня не существует. Человек не видит того, что не может поименовать. Языки общения тюрок долгое время не включали слов «парламент», «политические партии», «банковский про-

²⁵³ Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань, 2002. С. 139.

²⁵⁴ Философские дискурсы. М., 2021. С. 40.

цент». Одним из факторов, объединяющих людей в обществе, является взаимопонимание, а одним из факторов разобщения — отсутствие взаимопонимания. Взаимопонимание между людьми означает, что одни и те же языковые средства у разных людей вызывают сходные образы, а образам одних и тех же явлений в объективной реальности разные люди сопоставляют сходные конструкции одного и того же языка.

Тюркскую цивилизацию создавали народы с определенным характером. Это их уникальное и неповторимое творение. Это входит в их натуру, в их национальный характер. Другие народы создавали цивилизации иного типа, более соответствовавшие их характеру и условиям их жизни.

Западный мир создавался, развивался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Суть этого типа людей в практицизме, деловитости, расчетливости, эмоциональной черствости, склонности к индивидуализму, независимости и конкурентной борьбе, повышенном чувстве собственного достоинства. Выступая как форма общения через подчинение младших старшим, коллективизм преодолевал у тюрков крайний эгоизм.

Тюркам присущи врожденные коллективистские качества: сострадание, доброта, радушие, сердечность, чувство справедливости, взаимопомощь, физическая выносливость²⁵⁵. Но явным упрощением было бы именовать данное явление просто коллективизмом. Термин «коллективизм» не выражает фактического положения и носит социально-экономический характер. Климатические условия и традиционные занятия тюрков веками диктовали необходимость объединения совместной кочевой деятельности.

Тюркская правовая культура, в отличие от западной, построена не на самоутверждении личности, конкурентной борьбе индивидов и внешнем (юридизированном) согласовании интересов, а на моральном сознании взаимного уважения. Тюрки были ответствен-

²⁵⁵ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2021. С. 147.

ны перед предками, духовными авторитетами, старшими в роду, военными начальниками, а не перед юридическими писанными нормами. Можно утверждать, что вместо абсолютизации законов древние тюрки испытывали чувство порядка, и тем самым поддерживался порядок в тюркском обществе. Стремление тюрков к дисциплине под началом авторитета старших длительное время позволяло их ордам выступать единой организованной силой даже в отсутствие своего государства.

Тюрки не закрывали свои дома на замок. В домах не держали закрытых под замок сундуков. Мелкий рогатый скот пасся без пастуха, поскольку воровство скота — недопустимое дело для этих людей в рассматриваемый период. Известны нередкие случаи, когда алтайцы проделывали многокилометровый путь, чтобы возвратить забытые путешественниками ценные вещи и деньги. Факихи (законоведы), врачи и учителя и ученые были освобождены от уплаты налогов и пошлин²⁵⁶.

Тюркской правовой традиции в рассматриваемый период были известны правила и институты, которые сейчас легализованы в XXI веке в большинстве цивилизованных стран мира. Если тюрк совершал и убийство, и воровство, он осуждался за оба преступления по отдельности. Жена и дети, знавшие о совершении отцом воровства, но не осведомившие об этом власть, не привлекались к ответственности, потому что жене и детям запрещено было идти против главы семейства. Если ответчик в суде сомневался в нейтральности судьи, то мог от него отказаться. Чтобы доказать преступление, требовалось по крайней мере два свидетеля, но во многих случаях нужно было больше двух свидетелей. Чингизхан требовал уважения ко всем религиям и подобную политику считал богоугодной²⁵⁷.

Закон был основной святыней всего античного мира. Кир, спрошенный, кого он назовет несправедливым, отвечал: не применяющего закон. Солон, спрошенный, как наилучшим образом живут

²⁵⁶ Parker E. A thousand years of the Tatars. London, 1895. P. 195–197.

²⁵⁷ Degines D. History of Hunnes, of Tures, of Mongols. Paris, 1968. P. 149–150.

в государствах, ответил: если граждане повинуются властям, а власти — законам. Демосфен говорил, что законы — душа государства. Демадий учил, что для рабов необходимость есть закон, а для свободных — закон есть необходимость. Сократ был мучеником закона, он полагал: лучше умереть, соблюдая закон, чем жить, нарушив закон. Сократ в темнице видит, как приходят к нему «Законы» и говорят: мы вскормили тебя и вспоили, мы дали тебе жизнь, отечество и все ценности, которыми ты жил; неужели ты можешь помыслить о том, чтобы нас попать? Вот обожание закона, как живой святыни, апофеоз самой формы закона даже тогда, когда она облекает собой несправедливость.

Античный мир был носителем и выразителем культа закона. Закон был основной стихией, в которой вращались все его понятия и представления. Законнический тип мировосприятия порождал соответствующую юриспруденцию. Не так обстояло дело у тюрков. В тюркской традиции нет и следа рационалистического формализма в правовой сфере, здесь разум и чувство не враждебны. Не случайно, столь большое место реализации права у тюрков отводится толкованию.

Тюрки не понимали, что нового люди могут добавить к сказанному природой и Богом. Только интерпретации. По этой причине в тюркской правовой культуре не было перепроизводства политико-правовых учений, как на Западе. Средний европеец, как и античный римлянин, жил в культуре норм, тюрк — в культуре долга перед национальной идеей. Ни ханы, ни курултай не осмеливались вносить изменения в традиции. Древние тюрки предпочитали оставлять традиции неизменными. Чингиз-хан так и предупреждал своих преемников: как только законы Ясы будут пересмотрены, Орда распадется.

Заметим, что для тюркской юридической традиции характерно использование не столько категорий, сколько образов исследуемых явлений. И правовая система тюрков выступает не как категориальная, а как образная.

Уже в средневековую эпоху тюрки знали неписанное, но общеизвестное народу право. Традиционализм играл здесь только положительную роль.

Право тюрков синтезировало в себе традиционную нравственность, каноны верований и непротиворечащие им юридические установления государства в единое целое.

Комплекс жизненных сил тюркской правовой культуры составляют следующие явления и процессы:

- **единое мировосприятие**, в котором основным жизненным мотивом выступает особая миссия тюрков;
- **идеалы, смыслы существования, святыни**, являющиеся вдохновляющими и консолидирующими началами правового порядка;
- **нравы, нормы, образцы поведения**, отношения друг к другу, к труду, к семье, государству, правителю и т.д., которыми воспитывается стремление хранить себя в чистоте помыслов, удаляться от зла, не быть корыстными и властолюбивыми;
- **традиции, обычаи, ритуалы, образование, воспитание** как механизмы трансляции правовой культуры от поколения к поколению;
- **менталитет** как пласт народного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей;
- **религиозные верования как жизненная сила культуры**, содержащая духовные пути правового опыта;
- **чувство общности, единства**, мощно переживаемое чувство «мы» людей тюркской культуры;
- **эпические предания, фольклор, историческая память**, как сознательные и бессознательные культурные «шифры», «коды», в которых запечатлен исторический опыт этно- и культурогенеза тюрков, передающийся на уровне коллективного бессознательного;

- **единая знаково-символическая и знаково-образная среда** — это мифические и архетипические образы, находящие воплощение в правовых установках;
- **тюркского государства** как этнополитическое воплощение менталитета тюрков и форма их жизнедеятельности, выполняющее функции организации, консолидации, защиты этнокультурной индивидуальности, стимулятора развития и процветания.

Как показывает современная ситуация, мир все более явно переходит от борьбы идеологий (как неких рационально-мыслительных форм) к соперничеству различных мировых культурных традиций в их духовной целостности и к борьбе традиций с различными формами антитрадиционализма (маргинальности). Применительно к тюркскому миру разработана тактика западнизации, которая предполагает дискредитировать основные атрибуты традиционного общественного уклада. Традицию тюркской культуры глобализаторы мира пытаются изменить и заменить, чтобы тюркская цивилизация растворилась в западной цивилизации навсегда.

Поставлен вопрос о культурной идентичности тюрков, о их праве быть не похожими на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, то есть о праве на существование. Ненавистники тюркской цивилизации прежде всего стремятся разрушить те уникальные, многовековые ценности, которые обеспечивали тюркам стойкость и жизнеспособность.

При исполнении своей национальной миссии тюркским государствам важно не оказаться слепыми орудиями глобалистов, ведь в проекте глобализации тюркам достойного места нет. Думается, что отстоять свою самобытность духовно, политически и экономически тюркский мир сможет в союзе с Россией, которая традиционно бережно сохраняет и развивает культуру тюркских народов, входящих в ее состав.

§ 3.4. Политико-правовая идеология евразийства как мировоззренческая основа интеграции народов Большого Алтая

Общая характеристика евразийства. На современном этапе развития российской правовой мысли вновь оживился интерес научного сообщества к евразийству как целостному социально-политическому мировоззрению, выступающему альтернативой как западническим — либеральным и социалистическим, так и «почвенническим» — славянофильским, «иосифлянским» и им подобным проектам. Это, своего рода, третий путь дальнейшего развития российской цивилизации, который хотя и продвигается в определённой степени в средствах массовой информации в качестве национальной идеи для сплочения народов России и бывшего СССР, но для большинства людей, в том числе и представляющих интеллигенцию, остаётся экзотической загадкой. Непонимание рождает неприятие, неприятие рождает отчуждённость, отчуждённость рождает подозрительность, которая, в свою очередь, отталкивает «мыслящие головы» ещё даже до момента начала знакомства с данным феноменом российской правовой мысли. Немалую роль в этом сыграли А. Г. Дугин и его сторонники, вполне аргументировано названные профессором А. В. Ивановым лжеевразийцами (хотя, конечно, все зависит от точки зрения, с которой проводится интерпретация).

Как отмечает в новейшей работе «Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития» Ю. И. Скуратов, «одной из важнейших государственно-правовых традиций современной России является евразийство». «Усиление азиатского вектора государственной политики России приобретает особое значение в свете известных недружественных шагов Запада в отношении нашей страны, попыток введения различного рода экономических и политических санкций. В этой связи перед российской наукой, включая юридическую, стоит задача по исполнению евразийского проекта реальным интеллектуальным и ор-

ганизационно-правовым содержанием, по подготовке предложений о трансформации международной и экономической политики, выстраивании новых транспортно-логистических схем, создании актуальных инвестиционных проектов»²⁵⁸. По мнению Р.А. Курбанова, «евразийская концепция обуславливает современные процессы как процессы реинтеграции, в основе которых заложены исконные ценности евразийского народа; при этом историко-культурная самобытность Евразии, объединение в единое политико-культурное пространство позволяют утверждать о единой самоидентификации евразийских этносов»²⁵⁹. Он же в другом месте, рассматривая Монгольскую империю как одно из исторических евразийских интеграционных образований, пишет: «Отметим, что современные государства, занимающие соответствующие территории, в настоящее время весьма активно и успешно сотрудничают в рамках евразийских региональных объединений, например, участвуют в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)»²⁶⁰. Таким образом, проблемы и вопросы, поднимаемые представителями евразийства, не утратили значимости и по сегодняшний день, и выступают основаниями для научных дискуссий и научных изысканий, помимо теории и философии государства и права, и в науке конституционного права, и в науке права международного.

Деятельными участниками евразийского движения выступили Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, М. В. Шахматов, а также ученики и последователи «классических» евразийцев — Ю. Н. Рерих, Л. Н. Гумилёв, В. В. Кожин, А. В. Иванов, А. С. Панарин, Н. Н. Моисеев и др. Убедительные аргументы, приводимые А. В. Ивановым, не позволяют отнести к евразийцам А. Г. Дугина, труды которого далеко

²⁵⁸ Скуратов Ю. И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития: монография. Москва: Проспект, 2021. С. 22.

²⁵⁹ См.: Курбанов Р. А. Евразийское право: учебник для магистратуры. Москва: Проспект, 2021. С. 164.

²⁶⁰ Там же. С. 117.

ушли от идеалов движения евразийства²⁶¹. Однако справедливости ради стоит сказать, что с подачи А. Г. Дугина было опубликовано значительное количество ранее не издававшихся в России философских и эзотерических работ, в том числе ряд работ представителей евразийской политико-правовой мысли. Изначально симпатизировали евразийству, но затем покинули это движение Л. П. Карсавин и Г. В. Флоровский, последний, причём, сделался активным противником движения. Однако, тот факт, что движение евразийства и по сегодняшний день находит своих сторонников в научной и философской среде, позволяет утверждать, что идеи евразийства живы и здравствуют, и не утратили своего перспективного общественно-политического потенциала.

Видным представителем течения евразийства выступает государствовед и правовед Николай Николаевич Алексеев. В литературе он оценивается как главный теоретик евразийской модели государства, основанной на принципах, далеких как от марксистских, так и от либеральных или монархических идеалов²⁶². Прочтение работ Н. Н. Алексеева позволяет утверждать, что он преимущественно опирается на труды мыслителей нестяжательского толка. Подобного рода основа, а также попытка синтетического, целостного осмысления истории государства российского и политико-правовой мысли России в ключе представлений о евразийском единстве нашей цивилизации позволяют рассматривать его государственно-правовую модель в качестве особого, альтернативного пути развития российской государственности²⁶³.

В области публицистической печати движение евразийства представлено тремя путями. Во-первых, это активно публикуемые на се-

²⁶¹ См. подробнее: Иванов А. В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Ю. А. Тюгашин, М. Ю. Шишин. Барнаул, 2007. С. 60–73.

²⁶² Тараторин Д. Николай Алексеев // в кн. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин и Д. Тараторин. — М., 2003. — С. 625.

²⁶³ Обучении Н. Н. Алексеева см. подробнее: История правовых учений России: учебник. В 3 т. Т. III. XX–XXI вв. / под ред. В. В. Сорокина, А. А. Васильева. — М.: Юрлитинформ, 2014. С. 116–146.

годняшний день отдельные труды его представителей — Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева, а также ранее опубликованные работы П. Н. Савицкого и Н. Н. Алексеева, и других представителей течения. Однако, эти труды прежде всего выражают собственную концепцию автора, а каждый из мыслителей классического евразийства — развитая и разносторонняя личность, в связи с чем персональные работы отражают прежде всего авторский взгляд, а уже затем идеи течения. Во-вторых, это сборники статей, но сборники — это всего лишь сборники, они могут объединять и работы разнонаправленного характера. В-третьих, отличительной особенностью евразийства выступает наличие программных работ, своего рода манифестов движения, без выделенного авторства, что говорит о каждом из таковых как о своеобразном компромиссе участников движения. Можно говорить о трех «манифестах» — «Предчувствия и свершения» (Коллективный манифест первых евразийцев, 1921 года), «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926 года), и «Евразийство (формулировка 1927 года)». Именно эти труды выражают общее мнение представителей классического евразийства по поводу ключевых проблем социально-политической жизни.

Вот, например, что можно почерпнуть из первого среди названных документов. «Всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения, или, точнее, самой постановки русской проблемы: «славянофильского» или «народнического», с одной стороны, «западнического» — с другой... В согласии с нашим историософским принципом, мы считаем, что вообще невозможно определить раз и навсегда содержание будущей русской жизни. Так, например, мы не разделяем взгляда народников на общину как на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежит и которой, согласно народническому воззрению, должно принадлежать экономическое будущее России. Как раз в области экономической существования России окажется, быть может, наиболее «западническим». Мы не видим в этом ни-

какого противоречия возможности и факту настоящей и грядущей культурной своеобычности России»²⁶⁴. В этой сравнительно небольшой цитате можно увидеть проявления и альтернативности подхода евразийцев, и синтеза, и конструктивизма.

Подробно обосновывается значимость восточного, азиатского вектора развития России в работе «Евразийство. Опыт систематического изложения» (искомый раздел, судя по содержанию, по-видимому, написан Н. С. Трубецким). «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она — совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней, но освобождает от ряда ложных ассоциаций, вскрывая вместе с тем зерно правды, заключенное в раннем славянофильстве и заглушенное его дальнейшим развитием. Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго»²⁶⁵.

В этой же работе дается пояснение по поводу термина «евразийский». «Именно с географической целостностью и определенностью русско-евразийской культуры стоит в связи наименование ее евразийской, причем давно уже утвердившийся в науке и обозначавший Европу и Азию как один материк термин, получает более узкое и точное значение. Евразия в старом смысле слова подразделяется уже не на Европу и Азию, а на 1) срединный континент, или собственно Евразию, и два периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно

²⁶⁴ См.: Предчувствия и свершения (предисловие к сборнику «Исход к Востоку») // Основы евразийства / сост. А. Г. Дугин. Москва: Арктогея-Центр, 2002. С. 104–105.

²⁶⁵ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст. и коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 375.

по линии: реки Неман — Западный Буг — Сан — устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря»²⁶⁶.

Обозначенные географические границы, по мнению авторов анализируемого манифеста, предопределяют геополитическое и экономическое положение Евразии. «Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий. Ограниченная с севера полосой тундр, на юге она окаймляется горными цепями и лишь в малой степени соприкасается с океаном и дающими к нему свободный выход морями. Этим и величиной ее определяются и ее экономические возможности. Для Евразии исключено активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные богатства Евразии и их распределение открывают ей путь к экономическому самодовлению и превращают ее как бы в континент-океан. Единство этого океана-континента отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют этническому типу евразийца и явственно сказались в истории Евразии. — Тогда как почти все ее реки текут в направлении меридиональном, непрерывная полоса степей, не пересекаемая трудно преодолимыми естественными преградами, прорезает и объединяет ее с Запада на Восток. Степная полоса — становой хребет ее истории. Объединителем Евразии не могло быть государство, возникшее и оставшееся на том или другом из речных ее бассейнов, хотя как раз водные пути и способствовали тому, что на них культура Евразии достигала своего высшего развития. Всякое речное государство всегда находилось под угрозой со стороны прорезавшей его степи. Напротив, тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии. И в связи со степью находится тот факт, что единство Евразии обладает несравнимо большей силой и пото-

²⁶⁶ Там же. С. 377.

му большим стремлением и внешне себя выразить, чем единство других континентов»²⁶⁷.

Наконец, важно привести заключительную часть рассуждений относительно культуры Евразии и необходимости ее поворота к Востоку. «Так Евразия предстает перед нами, как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечном и часто, по-видимому, противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия-Россия — развивающаяся своеобразная культурно-личность. Она, как и другие многонародные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимоотноении с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, «историческую» миссию. Но она притязает ещё и на то, и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих структур... Как индивидуация общечеловеческой культуры, которая как отвлеченно и общеобязательно общая совсем не существует, евразийская культура связана, конечно, с другими. Однако ей ближе и родственнее культуры азиатские. Она в Азии у себя дома. И для ее будущего необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, т. е. вслед за тактически необходимым поворотом к Европе, совершить органический поворот к Азии»²⁶⁸. Как раз евразийству, и в частности, Л. Н. Гумилеву, и удалось совершить это поворот к Азии, к Востоку, и создать полноценную восточную концепцию русской истории и культуры.

Для полноты картины общей характеристики евразийства необходимо использовать некоторые положения третьего программного манифеста этого течения в версии 1927 года. Вот, например, оценка Русской революции 1917 года, элементы которой мы далее увидим в работах Н. Н. Алексеева: «Наряду с отрицательными сторонами революции, евразийцы видят положительную сто-

²⁶⁷ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст. и коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 377–378.

²⁶⁸ См.: Там же. С. 379.

рону в открываемых ею возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета европейской культуры. Одной из задач революции евразийцы считают восстановление своеобразия евразийского мира и установление соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии и условиями окружающей обстановки»²⁶⁹. Не чужаются евразийцы и вопросов государства и права, высказываясь по поводу возможных преобразований советского строя: «Евразийцы считают необходимым оформление советского строя в прочный правопорядок, понимая право, как необходимое условие устойчивого и организованного общежития. В понимании евразийцев законодательство должно быть гибким и приспособленным к условиям момента. При этом — для условий каждого момента — евразийцы отстаивают принцип верховенства закона как безусловное и непреложное начало»²⁷⁰. Надо сказать, что такая формулировка вполне способна вписаться и в современные работы по теории государства и права. «В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных объединений избираются, в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии»²⁷¹. Здесь чувствуется уже влияние Н. Н. Алексеева, для которого принципиальным является разграничение права, нравственности и религии, хотя и взаимосвязанных, но неслиянных между собой.

Проблемы самоидентификации евразийства: интерпретация Н. Н. Алексева. Общественно-политический статус евразийства как духовного ордена, отличающегося и от политических партий, и от разного рода других общественных движений, обосновывается Н. Н. Алексеевым в статье «*Евразийцы и государство*». По-

²⁶⁹ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Основы евразийства / сост. А. Г. Дугин. Москва: Арктогея-Центр, 2002. С. 167.

²⁷⁰ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Основы евразийства / сост. А. Г. Дугин. Москва: Арктогея-Центр, 2002. С. 172.

²⁷¹ Там же. С. 173.

скольку эта статья посвящается также и некоторым другим вопросам (например, путям преобразования советского государственного строя), остановимся только на моментах, характеризующих евразийство как таковое. Он так и начинает свою статью — с постановки вопроса о том, что есть евразийское движение: «Из числа ещё не вполне выясненных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос о нашем собственном существе, как организованной группы и о нашем месте в государстве»²⁷².

Прежде всего мыслитель рассматривает вопрос о том, можно ли евразийство рассматривать в качестве политической партии, или же это разновидность иного объединения, например, духовного ордена. «Политическая партия в современном смысле есть объединение, которое служит не представительству чисто реальных интересов общественных слоев, но стремится играть на известных реальных интересах в известных политических целях. Эта особенность отличает политические партии от профессиональных союзов, синдикатов, тред-юнионов и т. п. реальных объединений»²⁷³. И сразу же проводится отмежевание евразийства от такого рода объединений. «Поставим теперь вопрос, к какому же из названных типов объединений ближе всего подходят евразийцы? Само собою разумеется, что евразийцы не есть партия «на платформе» или лига. Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое мирозерцание, целая философия... В этом смысле объединение наше, если характеризовать его по моменту целевому, ближе стоит к таким объединениям, как религиозный орден... По духу своему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были ли у нас предшественники? — этот вопрос ещё не ясен. Мне лично кажется, что за нами прослеживается старейшая традиция. В числе прообразов особенно важно ука-

²⁷² Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // в кн. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А.Г. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2003. С. 169.

²⁷³ Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // в кн. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А.Г. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2003. С. 172.

зять ту «партию» — я ставлю это слово в кавычки, — которая действовала в старой Москве под именем заволжских старцев²⁷⁴. Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию. Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием»²⁷⁵. Как видим, Н. Н. Алексеев не просто называет евразийство религиозным орденом, но и в качестве его предшественников предлагает рассматривать нестяжателей — заволжских старцев. Надо сказать, что если не для евразийства как такового, то, по меньшей мере для самого Н. Н. Алексеева, как мы уже видели ранее, и как увидим ещё далее, заветы заволжских старцев как в духовной, так и в политико-правовой сфере выступают вполне определяющим взглядом ориентиром.

Мыслитель далее подводит черту под вопросом, при каком условии евразийство можно считать партией. «Таким образом, название «партия» для нас узко, мы по целям своим идейно больше любой политической партии, включая социалистов и коммунистов. Мы — организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название «партия» не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя «партией»... Центр же вопроса резюмируется в следующем положении: существо наше не со-

²⁷⁴ Н. Н. Алексеев очень тактично указывает на неясность поставленного им вопроса. А также отмечает, что его решение, которое он далее предлагает — его личное мнение. А все потому, что в одной из наиболее крупных программных работ евразийства раздел, посвященный духовной основе евразийства, написанный, по-видимому, прот. Георгием Флоровским (который в дальнейшем не просто отпал от евразийства, а сделался активным противником), выражает несколько иную позицию, да и сам о. Георгий не относится к сторонникам нестяжательства. См.: Евразийство. Опыт систематического изложения // в кн. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вст. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 362–368.

²⁷⁵ См.: Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // в кн. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Г. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2003. С. 173–174.

впадает с природой политической партии (в обычном смысле этого слова) и партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности»²⁷⁶.

Наконец, в завершающей части статьи Н. Н. Алексеев формулирует основные черты государства, вводит и расшифровывает некоторые понятия, которые активно используются в последующих работах, что делает анализируемую статью отправным документом непосредственно евразийского государствоведения. «Наша политика не преследует цели отрицательного «запрещения» и «пресечения»; она исходит из того, глубоко продуманного нами нового понятия о государстве, которое составляет альфу и омегу нашей государственной системы и решительно отличает ее как от системы демократической, так и от системы коммунистической».

А) «Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, *демотической природы*. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле»... Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры»²⁷⁷. Учитывая, что Н. Н. Алексеев высказывает данную мысль в целом ряде работ, можно говорить о практически сквозном характере такой интерпретации народа для евразийской трактовки государства данным мыслителем.

Б) «Мы хотим сказать, что во всяком, даже самом демократическом государстве имеется некоторая политическая константа, хотя ее наличность и заслонена ныне пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма. Наше евразийское государство исходит из требования, что эта константа должна быть опознана и ясно сформулирована. Мы стремимся созна-

²⁷⁶ См.: Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // в кн. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Г. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2003. С. 174–175.

²⁷⁷ См.: Там же. С. 178–179.

тельно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства, как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство *идеократией* или иначе государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа как совокупности исторических поколений и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан»²⁷⁸. Таким образом, если «демократия» — это идея народовластия, при котором под народом понимается совокупность прошлых, настоящих и будущих поколений, формирующих определенную культуру, то «идеократия» есть государство стабилизированного общественного мнения. И венчают эту систему общие цели и задачи государства, общие принципы осуществления государственной власти.

В) «Наше новое понятие государства принимает во внимание опыты прошлого и настоящего, но не делает из них каких-либо безусловных норм... Новый тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения из политической партии в европейском смысле этого слова превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия должна быть поставлена наряду с ними как носительница органической государственной идеи»²⁷⁹.

Завершая статью, Н. Н. Алексеев высказывает ряд суждений, показывающих его позицию касательно политических партий. «Таким образом, в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, и это создает условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными. Наши противники говорят, что мы хотим запретить другие партии и властвовать при по-

²⁷⁸ См.: Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // в кн. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Г. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2003. С. 181–182.

²⁷⁹ См.: Там же. С. 183–184.

мощи диктатуры. Но если брать нормальное государство в нашем понимании, то дело идет не о механическом запрещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима... При выборах в советы (а Н. Н. Алексеев, как явствует из анализируемой статьи, достаточно позитивно относится к системе советов — *Е. К.*) мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия, мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выражать волю нации, как некоторого органического целого»²⁸⁰. Трудно не согласиться с Н. Н. Алексеевым, с учетом того, что собой на сегодняшний день представляет спектакль демократии... Как пишут авторы четырехтомника Проект «Россия», «времена массовых партий прошли, будущее за новой формой действия»²⁸¹.

Евразия Льва Гумилева. В Казани был в августе 2005-го года поставлен памятник Льву Николаевичу Гумилёву — «Русскому человеку, всю жизнь защищавшему татар от клеветы», в 1996-м году именем Л. Н. Гумилёва был назван один из вузов Астаны, столицы Казахстана — Евразийский Национальный университет, в 2002-м году в СПбГУ был создан кабинет-музей Л. Н. Гумилёва, а на доме, где он жил — установлена мемориальная доска. Приведенные обстоятельства показывают, какое значение имеют взгляды Л. Н. Гумилева для идеологического обоснования евразийской интеграции народов Большого Алтая.

В биографии Льва Гумилёва есть светлый момент — с 1956-го года его преследования прекращаются. Ему очень повезло — он не сломался, а наоборот его ссылка, знакомство с Георгием Вернадским, способствовали становлению мировоззрения, закалке личности, формированию научного взгляда на мир. Представить даже себе нельзя, сколько талантливых людей не смогли пересилить гну-

²⁸⁰ См.: Там же. С. 184–185.

²⁸¹ См.: Шалыганов Ю. В. Проект «Россия». Полное собрание. Москва: Эксмо, 2017. С. 198.

щую их силу, сколько умов было загублено, как много потеряла российская наука за годы репрессий. Нельзя сказать того же про концепцию Л. Н. Гумилёва — среди историков она до сих пор не получила полноценного признания. Но историки хотя бы изучают наследие Л. Н. Гумилёва, чего нельзя сказать про правоведов. Обходятся вниманием и другие преемники евразийцев — В. В. Кожин, А. С. Панарин. Зато мы подробно изучаем западных мыслителей и хорошо их знаем, как в рамках истории политических и правовых учений, так и в рамках теории государства и права, опора которой — труды западных учёных и западнические труды учёных, работающих в России, а также наследие советского периода, в котором тоже немного русского. Евразийства же, как всего нового, нестандартного, разбивающего привычные стереотипы и штампы, одинаково боятся и сторонятся как западники, так и убеждённые традиционалисты, особенно это касается наследия Льва Гумилёва. Между тем, во все необязательно разбираться в Гегеле или в Марксе, но в истории отечественной мысли пробелов быть не должно. Ведь именно русские мыслители незападнического толка выступают столпами отечественной идеи, особенно те, которые трудились в тяжкое время XX века.

Безусловно, теория пассионарности не так уж и много даёт для правоведения, но даваемые в многочисленных статьях, выступлениях, да и в книгах оценки государственно-правовых вопросов являют собой безмерный материал для исследования. Цельной и обособленной от других трудов политико-правовой концепции мы у Льва Гумилёва не найдём, он и сам во многих своих выступлениях и интервью говорил не раз, что не является политиком и не может компетентно ответить на тот или иной политический вопрос. Но его теория этногенеза, изыскания по этнографии в целом вполне могут выступить важнейшим инструментом по выстраиванию государственно-правового регулирования межнациональных отношений в России в особенности, где такая пёстрая этническая карта.

Что же может пригодиться в теории этногенеза Л. Н. Гумилёва правоведам? Прежде всего признание абсолютной самобытно-

сти каждого этноса, и вытекающего отсюда права на самостоятельное культурное развитие. Бердяев говорил, что царство Кесаря заканчивается там, где начинается граница духовного мира человека, Николай Алексеев предостерегал от идеологического (даже под фаворитом традиционной религии России) диктата, Гумилёв указывает на то, что крайне неправильно одному народу навязывать образ жизни, характерный для другого народа, и уж тем более нельзя сюда примешивать государство и право с их механизмами принуждения и угнетения²⁸². Россия потому и стояла несколько сотен лет как многонациональное государство практически без этнических конфликтов, что русский этнос не пытался русифицировать другие этносы, что не пытался их «просвещать», поэтому и в рядах русской армии и в 1812-м, и в 1914-м, и в 1941-м было много воинов разных национальностей, и они одинаково храбро сражались за общую Родину. Попытка же русификации автоматически сопровождается межэтническими конфликтами. И ни какая убежденность в правоте своей веры не даёт права на принудительное её навязывание другому: победы в честном богословском споре, или отступи побеждённым, в этих отношениях нет места государству («Царство Моё не от мира сего» — не забываем).

Вторая важная мысль, красной линией идущая через труды Льва Гумилёва — это недопущение унижения какого-либо этноса по вымышленным или надуманным историческим фактам, недопущение обвинений и дискредитации этого этноса. Межэтнические конфликты будут всегда, главное, чтобы из этого не вытекала, говоря современным языком, «экстремистская программа», т. е. разжигание ненависти по отношению к тому или иному этносу. Вслед за классическими евразийцами, Гумилев утверждает, что у России всегда было много врагов, но она умела находить и друзей, оказывавших ей неоценимую помощь. Достаточно вспомнить, что во время «Стояния на Угре» именно набеги крымского хана на южно-

²⁸² Разумеется, никто не будет спорить, что у любого государства и то, и другое есть, а на сегодняшний день и не только у государства.

польские земли удержали польского короля от выступления в союзе с ханом Ахматом.

В-третьих, иногда — неявно, иногда — вполне открыто Л. Н. Гумилёв выступает противником западничества. В работе «От Руси к России»²⁸³, являющей оригинальную философию истории, он постоянно акцентирует внимание на неудачи западнической партии, когда последняя приходила к власти, на откровенно игнорирующую национальные интересы политику такой партии, следствием чего являлось и неприятие такой политики народом. Первым западником выступал, по мнению Льва Николаевича Великий киевский князь Святополк Владимирович, брат Ярослава Мудрого, который прибегал к помощи поляков, его линию продолжал Изяслав Ярославович, и ни тот, ни другой не пользовались популярностью в народе за «склонность к латинству», т. е. к католичеству. Отсюда следует вполне закономерный вывод: противодействие западничества и почвенничества носит в России исторически обусловленный характер и восходит к истокам создания ещё Киевской державы. Наряду с ними в тот период имелась ещё и провизантийская партия, которая после окончательного поражения западничества в Киевской Руси заняла его место.

Четвёртая принципиальная особенность взглядов Льва Гумилёва наиболее очевидна — он является мыслителем евразийского направления, причём с акцентом на «азиатство», на исключительно восточный вектор и ориентиры правовой политики. Сам характер большинства его конкретно-исторических трудов говорит об этом: значительная их часть посвящена восточным народам — народам Великой Степи, и их взаимоотношениям с Русью. Это является и видным достоинством, и выдающимся вкладом Гумилёва в отечественную культуру, в том числе и в правовую — отстаивание за азиатским фактором («туранским элементом») значительной исторической роли в становлении и развитии государства Российского. Надо сказать, что эта точка зрения находит понимание и среди

²⁸³ См. например: Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М., 2012. 411 с.

современных правоведов, так, Т. В. Кашанина, исследуя особенности возникновения российского государства, практически следует логике Л. Н. Гумилева, не считая, вслед за ним, что Московское государство выступало преемником Киевского, соглашаясь с его позицией о полной гибели государственности Киевской Руси, подчёркивает также значительное влияние на формировавшуюся Московскую Русь монгольского фактора²⁸⁴.

В-пятых, позиционируя себя атеистом, Лев Гумилёв вполне по-доброму относится к православию как идейной силе, выступавшей единственным связующим средством жителей распавшейся после увядания пассионарности Киевской Руси, и выступившей новой объединяющей силой на стадии становления Руси Московской. Именно православие, а не этническая принадлежность, стало тем критерием, который отграничивал «своих» от «чужих» на стадии становления нового суперэтнуса. Этим позиция Гумилёва сближается и с позицией Н. Н. Алексеева, который, поднимая и обосновывая концепт евразийского синтеза, активно опирается на христианское православное учение, особенно при построении своей философии права. Развивая изложение становления новой Руси, Лев Николаевич отмечает также, что православие в традиции исихазма (далеко не самой, конечно, положительной) выступило в роли ключевого фактора в становлении национального самосознания, и стимулировало пассионарность.

Связано с теорией пассионарности и предлагаемое Гумилёвым решение вопроса о том, почему же именно Москва стала объединительным центром новой Руси-России. Наряду с религиозным фактором, гибкая и терпимая политика московских князей, в частности — Ивана I Даниловича (Калиты) привлекала пассионариев из разных сопредельных государств. Благоприятная среда Московского княжества стала прибежищем для субъектов, пополнивших ряды «служилых людей», составивших основную опору князей этого княжества.

²⁸⁴ См. подробнее: Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учебник. М., 2009. 325 с.

Этот анализ эволюции русского государства в двух его последовательных формах²⁸⁵ («суперэтнусах») Лев Гумилёв осуществляет с помощью разработанной им теорией пассионарности, о которой уже не раз упоминалось. Поэтому шестым и седьмым сегментами настоящего параграфа как раз и будут выступать основные положения этой теории. По нашему убеждённому мнению, концепция Гумилёва имеет все основания считаться ещё одним вариантом цивилизационного подхода к типологии государств и обществ по ряду вполне веских причин. Первая причина — опять же, от противного: Л. Н. Гумилёв во главу угла при типологии ставит не экономику, а ряд других факторов, как правило, культурологического содержания. Этнос — это не социальный феномен, по мнению Льва Николаевича, а элемент биоорганического мира планеты (биосферы Земли), он представляет собой коллектив индивидов, противопоставляющих себя другим индивидам по принципу «мы — они». Причём, критериями для этого противопоставления выступают различные факторы — общность языка, культуры, религии, государственной принадлежности и т. п. Как видим, Гумилёв отчасти перекликается с другими представителями отечественного цивилизационного подхода — К. Н. Леонтьевым и Н. Я. Данилевским. Вторая причина не менее важна: Гумилёв выделяет в развитии любого этноса ряд фаз (шесть), старт которым даёт пассионарный космический толчок: 1) фаза подъёма, которая наступает после пассионарного толчка и характеризуется резким увеличением числа пассионариев, ростом всех видов деятельности, борьбой с соседями за место под солнцем; 2) акматическая фаза, когда пассионарное напряжение наивысшее, а пассионарии стремятся к максимальному самовыражению, пассионарии сталкиваются друг с другом, конфликты, обостряясь, выливаются в вооружённое противоборство, в результате чего происходит огромное рассеяние энергии и вместе с тем взаим-

²⁸⁵ Разумеется, термины условные т. к. мы помним, что Гумилёв — не государствовед, а историк и этнограф, и писал не о государствах, а об этносах. Но этим занимались и занимаются и другие представители цивилизационного подхода, памятуя о том, что мир целостен.

ное истребление пассионариев, ведущее к «выбросу» лишней пассионарности и восстановлению в обществе видимого равновесия; 3) фаза надлома, когда количество пассионариев резко сокращается при одновременном увеличении пассивной части населения (мещан — субпассионариев, это Гумилёв очень наглядно показывает на примере периода так называемой феодальной раздробленности в Киевской Руси, и именно на этой стадии, по мнению Льва Гумилёва, находилась Россия конца XX века); 4) инерционная фаза, когда напряжение продолжает падать, но уже не скачками, а плавным образом, этнос в этот период пребывает в мирном развитии, происходит укрепление государственной власти и основных социальных институтов; 5) фаза обскурации, при которой пассионарное напряжение возвращается на первоначальный уровень, в этносе преобладают субпассионарии, постепенно разлагающие общество: узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность; 6) мемориальная фаза, когда от былого величия остаются только воспоминания.

Главное значение этой конструкции заключается в том, что она может объяснить, описать те процессы в государственной организации, которые происходят с тем или иным этносом. Объясняют они, например, почему так мало общего у государственного устройства исторически близких образований — Киевской Руси и Московской Руси-России. Применимы они и к другим этносам. Юристам не следует замыкаться в собственной области знаний, тем более, когда речь идёт о такой оригинальной, но, вместе с тем, логичной и аргументированной концепции, как теория этногенеза Льва Николаевича Гумилёва.

Итак, подчеркнём альтернативный характер евразийской концепции Льва Гумилёва, в чём он является последователем своих учителей П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, а если говорить шире — то и Н. Н. Алексеева и Н. С. Трубецкого. Евразийство — поворот лицом к своей собственной уникальной и неповторимой истории — поворот, подробно подкреплённый историко-географическими, этнографическими и культурными изысканиями, который может вы-

ступить серьёзной альтернативой либерально-глобалистической модели миропереустройства. Восстановление национально-конфессионального мира на территории России-Евразии позволит сплотить её народы для «решительного и окончательного ответа Западу», который в этот раз в наш век, выступает уже не разделённым на противоборствующие империалистические группировки, а единым фронтом, чего не бывало ранее в истории. Сполохи, приобретшие после 1999 года (Югославия) явные очертания, не могут игнорироваться и решение внутренних проблем — это единственное средство выживания российско-евразийского суперэтнуса. Евразийство — единственный достойный ответ как либералам-западникам, так и радикальным националистам.

Идеологические основания славяно-тюркского единства в трудах евразийского историка и этнографа Л. Н. Гумилева. Л. Н. Гумилев, выдающийся историк и этнограф XX века, в своих трудах последовательно развивает идею конструктивного евразийского синтеза, отраженную в присущей Руси и России на протяжении всей ее истории идеологии и практике славяно-тюркского единства. Благодаря этой идее на осколках Древнерусского суперэтнуса сформировался великороссийский московский этнос, ставший в дальнейшем евразийским российским суперэтносом. Вот, например, как эта идея интеграции выражена в работе «Древняя Русь и кыпчакская степь в 945–1225 г.»²⁸⁶. Приведем цитату из названной работы и прокомментируем ее. «Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселялись азиатские кочевники: печенеги, торки, половцы и, наконец, монголо-татары. Разумеется, эти миграции были связаны со столкновениями с местным населением — славянами, хозяйство которых базировалось на лесных массивах. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому мы наблюдаем, наряду с военными столкновениями, посто-

²⁸⁶ См.: Гумилев Л. Н. Всем нам завещана Россия / предисл. С. Б. Лаврова. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 95–121.

янные примеры симбиоза. Печенеги осели в Добрудже, где на короткое время стали союзниками Византии. Торки поселились в правобережье Днепра и поставляли пограничную стражу для киевских князей. Половцы, наиболее сильный и воинственный народ, после первых столкновений с русичами, сделали союзниками черниговского княжества. Даже монголы попытались найти опору в Северо-Восточной Руси. Батый заключил союз с Александром Невским, который стал побратимом его сына Сартака. И это не случайно. Экономико-географическое единство региона, в котором сочетаются зональные и а зональные (речные долины) ландшафты, определяло необходимость создания целостной системы, где части не противостоят друг-другу, а дополняют одна другую»²⁸⁷. Получается, что сама природа, климат и географическое положение определяли необходимость взаимодействия, сотрудничества и интеграции этносов Древнерусского суперэтноса и этносов Великой степи.

А вот пример описания Л. Н. Гумилевым взаимодействия русских князей и монголо-татар в период т. н. Батыева разорения, выражающий совершенно иную точку зрения на нашествие 1237–1240 гг., и показывающий другие стороны взаимодействия русских княжеств и Степи в этот период. Этот пример взят из работы «Древняя Русь и Великая Степь», где обстоятельно описана история Древнерусского суперэтноса, его зарождение, возрастание, угасание и исчезновение, и возникновение на его основе Великорусского этноса, который в результате сложных процессов на евразийском пространстве в XX веке назван Л. Н. Гумилевым евразийским суперэтносом. «Примечательно, что монгольские войска были распылены на мелкие отряды, которые в случае активного сопротивления были бы легко уничтожены. Батый пошел на столь рискованный шаг, очевидно, зная, что этим отрядам серьезная опасность не грозит. Так оно и оказалось. Да и в самом деле, зачем бы русские люди, не только храбрые, но и сметливые, стали подставлять головы противнику, который и сам уйдет? Это сообразил даже брат и наследник Юрия —

²⁸⁷ Там же. С. 105–106.

Ярослав. Он не пришел к нему на Сить, хотя имел достаточно войска, которое он употребил в походах на литовцев и черниговцев... Затем в 1240–1242 гг. эти полки понадобились ему для спасения Новгорода от шведско-немецких крестоносцев, а в 1243 г. он явился на поклон к Батью и получил от хана ярлык на великое княжение. По сути дела, это был союзный договор, обставленный по этикету того времени. Дипломатическая гибкость Ярослава Всеволодовича уберегла Северо-Восточную Русь от лишних бедствий и от запустения, которому подверглась Киевская Русь»²⁸⁸. Описывая период зарождения нового этноса, а также окончательное угасание старого, Л. Н. Гумилев говорит о том, что момент евразийского синтеза, отчасти присущий Древнерусскому суперэтносу, изначально был заложен в фундамент этноса великорусского, в силу чего будущее Московское царство возникало как синтетическая евразийская держава, в которой определяющую роль играл интегративный момент.

Эта же мысль выражена Л. Н. Гумилевым в интервью «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы», включенном в сборник «Черная легенда». «Древняя Русь, соприкоснувшись с Золотой Ордой, успешно добилась взаимопонимания и установления границы путем ряда договоров, одинаково выгодных для обеих сторон: монголы оставили русским ненужные им лесные территории, русские согласились на присоединение к монгольской армии добровольцев, не уживавшихся с князьями Рюрикава дома и предпочитавших военную карьеру в войсках, руководимых баскаками. Там им была открыта дорога к богатству и чинам»²⁸⁹.

Ещё более определенно интегративные процессы Руси и Золотой Орды описаны Л. Н. Гумилевым в книге «От Руси к России». В частности, союз, начало которому положил Ярослав Всеволодович, был продолжен Александром Невским, в результате чего русские войска помогали монголам на Кавказе и в половецких степях, а монгольские войска стали надежным щитом для русских кня-

²⁸⁸ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 536.

²⁸⁹ Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2013. С. 245.

жеств от угрозы с Запада, прежде всего, со стороны немецких рыцарских орденов, благословленных римским папой на крестовые походы против «схизматиков» — православных. «Более того, пишет Л. Н. Гумилев, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. Например, после победы в Орде мусульманской партии в лице Берке никто не требовал от русских обращения в ислам. Одно это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно... Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта»²⁹⁰. Здесь Л. Н. Гумилевым отмечается не только позитивная составляющая результатов взаимодействия Руси и монголов, но ещё и веротерпимость и взаимное уважение собственных религиозных и культурных традиций и особенностей, характерная для евразийской интеграции уже на начальных ее этапах. Кстати говоря, описывая состав противоборствующих сторон в Куликовской битве 1380 г., Л. Н. Гумилев также делает акцент на интегративном характере войска князя Дмитрия Ивановича, и на его союзнических отношениях с ханом Тохтамышем. И в дальнейшем характерной чертой был переход многих татарских мурз и служилых людей к московскому князю, что усиливало Москву и ослабляло Золотую Орду, но, вместе с тем, формировало интегративный суперэтнос. Таким образом, вся история формирования Московского царства представляет собой процесс постепенного взаимопроникновения потомков славянского древнерусского суперэтноса (который отчасти и сам состоял не на сто процентов из славян, но ещё и из серьезного тюркского и немалого финно-угорского элементов), а также выходцев из монголо-татарских ханств. На северо-восточной окраине Московской

²⁹⁰ См.: Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 176–177.

Руси шел процесс интеграции с финно-угорскими народностями Великой и Малой Перми, что художественно изображено современным писателем А. Ивановым.

В завершение приведем очень уместную цитату из работы Л. Н. Гумилева обобщающего характера «Конец и вновь начало», также показывающей буквально бытовое содержание интеграционных процессов в Евразии в более поздние времена. «Забайкальские казаки — это смесь монголов и русских, причем не только русских мужчин с монгольскими женщинами, но и монгольских мужчин с русскими женщинами; русские сибирские бабы за монголов охотно выходили замуж — хорошие мужья, честные, крепкие, верить можно»²⁹¹.

Таким образом, Л. Н. Гумилев в своих трудах описывает интеграционные процессы на евразийском пространстве, происходившие со времен Древней Руси, когда славяне смешивались с печенегами, торками, половцами, проходящие через времена, когда формировалась Московская Русь и великорусский этнос образовывался в тесных контактах не только с финно-угорскими народностями, но и с монголо-татарами, а также имевшие место и во времена Российского государства и Российской империи. Само евразийское пространство практически обрекает проживающие в нем этносы на перманентную интеграцию, смешение, межкультурный диалог во всех сферах.

²⁹¹ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 305–306.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. — М.; Ташкент; Бишкек: Международное изд-во «Туркестан», 1996. С. 3–187.

2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 276 с.

3. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 112 с.

4. Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана / Пер. П. О. Рыкина // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 28–31.

5. Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма (Бартольдovские чтения. 1982). М.: Наука, 1985. С. 47–63.

6. Бубенок А. Б. Политика монголов по отношению к аланам Золотой Орды // Східний світ. 2003. № 4. С. 35–53.

7. Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.

8. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.

9. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.

10. Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
12. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
13. Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. С. 74–142.
14. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.
15. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.
16. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 261–302.
17. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 488 с.
18. Жумаганбетов Т. С. Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XIV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы: Жеті Жарғы, 2020.
19. Зайцев И. В. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // *Orientalistica Iuvenile*. Вып. II. М.: ИВ РАН, 2001. С. 100–137.
20. Зиманов С. З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. Алматы: Атамура, 2008. 224 с.
21. Иванов В. А., Злыгостев В. А. Башкирский юрт Золотой Орды. Уфа: Китап, 2021. 272 с.
22. Крадин Н. Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. Новосибирск: Наука, 1995. С. 48–66.

23. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 154 с.
24. Мелиоранский П. О Кудатку Билике Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XIII. СПб., 1901. С. 015–023.
25. Муминов А. Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.
26. Муминов А. Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2015. 400 с.
27. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 200 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
29. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2018. 302 с.
30. Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 4. С. 737–752.
31. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
32. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
33. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
34. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. 311 с.
35. Почекаев Р.Ю., Абзалов Л.Ф. Почему чиновничество Золотой Орды не стало бюрократией? // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 144–154.
36. Правовые обычаи Горного Алтая / Под ред. В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. 232 с.
37. Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху средневековья и новое время. Дисс. ... докт. ист. наук. Симферополь, 2019. 773 с.

38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

39. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

40. Русина Е. Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «Тьма» // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М., 2001. С. 144–152.

41. Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследование, тексты и переводы. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017. 280 с.

42. Самойлович А. Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 123–128.

43. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 277–526.

44. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

45. Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6–8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98–100.

46. Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // Российский исторический журнал. 2007. № 2. С. 11–18.

47. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.

48. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 3–71.

49. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. 564 с.

50. Трепавлов В. В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 21–34.

51. Трепавлов В. В. «Русский удус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.

52. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

53. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 317 с.

54. Усманов М. А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. М.: Наука, 1979. С. 218–244.

55. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Пер. И. М. Миргалева, Э. Г. Сайфетдиновой; ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

56. Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.

57. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

58. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде / Пер. с англ. Ч. И. Хамидовой и Р. Хауталы; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

59. Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

60. Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997. 197 p.

61. Biran M. The battle of Herat 1270: A case of inter-Mongol warfare // *Warfare in Inner Asian History 500–1800* / Ed. by N. Di Cosmo. Leiden; Boston: Brill, 2002. P. 175–219.

62. La Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // *Journal Asiatique*. T. VI. 1830. P. 57–72.

63. May T. Race to the throne: thoughts on Ariq-Boke's and Khubilai's claims to the Mongol throne // *Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblata* / Ed. G. Bilavschi, D. Aparaschivei. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 343–358.

64. Pochekaev R. Iu. From supreme judge to arbitrator: Conflict of Rus' princes under the Golden Horde khans' trial (case studies) // *The Routledge Handbook of the Mongols and Central –Eastern Europe* / Ed. by A. V. Maiorov and R. Hautala. London; NewYork: Routledge, 2021. P. 249–266.

65. Pochekaev R. Yu. The Evolution of Soyurghal in Chinggisid and Non-Chinggisid States during the Post-Imperial Period // *Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 729–740.

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах.....	3
Предисловие	4
Глава 1. Государство и право Улуса Джучи (Золотой Орды): становление и эволюция.....	7
§ 1.1. Государственная власть и управление в Улусе Джучи.....	9
§ 1.2. Право и правоотношения в Улусе Джучи	25
Глава 2. Правовые обычаи народов Большого Алтая	41
§ 2.1. Политико-правовое содержание казахского обычного права.....	41
§ 2.2. Русское крестьянство на Алтае, взаимоотношения с коренным тюркским населением.....	69
§ 2.3. Ранние государственные образования и правовые системы Центральной Азии	94
Глава 3. Ценности политических и правовых институтов Большого Алтая	116
§ 3.1. Идеал носителя государственной власти в тюркском политическом сознании.....	116
§ 3.2. Преемственность и сохранение традиционных политических и правовых институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях	129
§ 3.3. Теоретическая характеристика политических и правовых институтов тюркских народов.....	148
§ 3.4. Политико-правовая идеология евразийства как мировоззренческая основа интеграции народов Большого Алтая.....	159
Библиографический список.....	183

Научное издание

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ
ИНСТИТУТОВ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ**

Издание опубликовано в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета,
оформление обложки О. В. Майер

Подписано в печать 05.12.2022.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11,0. Тираж 100 экз. Заказ 581.

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66